ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

МУСЬЯЛ Ирина Александровна

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ МОШЕННИЧЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

12.00.08 – уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель

доктор юридических наук, доцент

С.В. Шевелева

Курск-2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение…….3
ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДАХ МОШЕННИЧЕСТВА
1.1. Социально-экономические и политические предпосылки закрепления в уголовном законодательстве специальных видов мошенничества……..15
1.2. Влияние признаков объекта и предмета на выделение специальных видов мошенничества…….....33
1.3. Значение признаков объективной стороны в дифференциации мошенничества……..46
1.4. Субъективные признаки мошенничества……...66
ГЛАВА 2. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ МОШЕННИЧЕСТВА В ОТДЕЛЬНЫХ СФЕРАХ
2.1. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности……..…..88
2.2. Мошенничество в сфере кредитования……..…105
2.3. Мошенничество при получении выплат……...128
2.4. Мошенничество в сфере страхования……..151
ГЛАВА 3. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО СПЕЦИАЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ
3.1. Мошенничество с использованием платежных карт……...164
3.2. Мошенничество в сфере компьютерной информации…….179
Заключение……..202
Список использованной литературы……209

ВВЕДЕНИЕ

Любые негативные экономические, политические, социальные изменения с неизбежностью вызывают всплеск новых видов мошеннических действий, расширение сфер общественной жизни, где могут совершаться такого рода преступления. Очевидно и то обстоятельство, что законодатель не может «придумывать» преступления, руководствуясь лишь приблизительными представлениями о том, что нужно на данном временном отрезке гражданам, обществу и государству. Норма о мошенничестве, практически в неизменном виде, перешедшая из УК РСФСР 1960 г. перестала отвечать реалиям. В связи с этим в 2012 году Президент РФ отметил, что необходимо уточнение такого состава преступления как мошенничество в целях исключения манипулирования соответствующими правовыми нормами[1]. В том же году по инициативе Верховного Суда РФ в уголовное законодательство было введено шесть самостоятельных составов мошенничества[2]. Исходя из текста пояснительной записки, включение новых статей о мошенничестве было связано с устареванием действовавшей нормы, а современный уровень правоотношений предъявлял новые требования к диспозиции ст. 159 УК РФ.

Такое законодательное решение вызвало определенное замешательство правоприменителя, результатом чего явилась противоречивая судебная практика. Поспешность принятия федерального закона № 207-ФЗ от 29.11.2012 объясняет (но не оправдывает) непроработанность отдельных положений, касающихся специальных видов мошенничества. В результате этого уже в 2014 г. Конституционный Суд РФ признал ст. 159.4 УК РФ не соответствующей Конституции РФ в части размера наказания за данное

[1] http://www.kremlin.ru/acts/assignments/execution/16923

[2] Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.12.2012. № 49. ст. 6752.

преступление[1]; в 2016 году федеральным законом №325-ФЗ от 03.07.2016 были внесены существенные изменения по вопросам регламентации мошенничества, где лишь отчасти были разрешены наиболее острые проблемы специальных видов мошенничества.

Практическая реализация новых норм о мошенничестве осложнялась и тем, что до ноября 2017 года отсутствовали разъяснения высшей судебной инстанции по практике применения специальных составов мошенничества, и правоприменитель вынужден был с осторожностью соотносить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, изложенные в Постановлении от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» с существенно изменившимся законодательством.

Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 № 48 «По делам о мошенничестве, присвоении и растрате» отчасти разрешило наиболее остро стоящие проблемы перед практикой. Учитывая тот факт, что при формулировании диспозиций специальных составов мошенничества законодатель отказался от доктринальных понятий (отсутствие всех форм обмана, исключение альтернативного способа «злоупотребление доверием», расширение круга адресатов обмана и т.д.), а все нормы специальных видов мошенничества являются бланкетными, крайне актуальной видится необходимость проведения комплексного исследования всех специальных видов мошенничества и сопоставления субъективных и объективных признаков «простого» мошенничества (ст.159 УК РФ) и специальных видов.

Стоит отметить, что в доктрине уголовного права деление мошенничества на специальные виды в зависимости от сферы совершения было воспринято крайне скептически. Полагаем, продолжать критиковать данные нововведения не имеет какого-либо практического смысла. В этой связи задача науки – выработать обоснованные предложения и рекомендации по правильному и

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. №2.

единообразному применению данных норм. Кроме того, социально-политические и экономические изменения, происходящие в стране, заставляют по-новому взглянуть на отдельные устоявшиеся постулаты. Так, давно назрела необходимость пересмотра вопроса о предмете хищения, способе совершения мошенничества и ряде других аспектов.

Таким образом, совокупность назревших теоретических и сугубо практических проблем обусловила актуальность исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Вопросам исследования феномена мошенничества посвящена не одна сотня монографических работ, в том числе докторских и кандидатских диссертаций. Комплексному исследованию всех форм хищения, коим является мошенничество, посвящены работы А.Г. Безверхова, А.И. Бойцова, В.В. Векленко, Г.В. Вериной, Н.В. Вишняковой, Б.В. Волженкина, Л.Д. Гаухмана, М.Г. Иванова, В.И. Каныгина, С.М. Кочои, Г.А. Кригера, Ш.А. Кудашева, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, В.Д. Ларичева, Н.А. Лопашенко, С.В. Максимова, В.В. Мальцева, Г.В. Назаренко, В.И. Плоховой, А.И. Ситникова, М.В. Степанова, М.В. Талан, С.И. Улезько, В.С. Устиновым, И.Я. Фойницкого, А.В. Шульга, П.С. Яни и др.

Существенный вклад в развитие отечественной науки по вопросам ответственности за мошенничество внесли В.Ф. Анисимов, Д.Н. Алиева, А.В. Бондарь, А.Г. Безверхов, Г.Н. Борзенков, В.А. Владимиров, Б.В. Волженкин, А.В. Галахова, А.Э. Жалинский, А.Н. Игнатов, С.Б. Иващенко, Н.Г. Кадников, И.А. Клепицкий, И.Я. Козаченко, В.С. Комиссаров, Н.Ф. Кузнецова, В.Н. Лимонов, Н.А. Лопашенко, Н.Н. Лунин, Ю.И. Ляпунов, В.С. Минская, А.В. Наумов, З.А. Незнамова, Б.С. Никифоров, Р.Б. Осокин, А.И. Рарог, П.Л. Сердюк, Э.Л. Сидоренко, Ю.И. Степанов, Л.Э. Сунчалиева, Э.С. Тенчов, И.С. Тишкевич, А.В. Хабаров, М.Ю. Хмелева, В.В. Хилюта.

Только за последние десять лет данная тема затрагивалась в диссертациях А.В. Архипова (Томск, 2016), Е.В. Белова (Москва, 2012 г.), К.В. Горобца (Москва, 2009 г.), И.А. Киселевой (Нижний Новгород, 2011 г.), А.А. Красиковой (Екатеринбург, 2013 г.), Д.Ю. Левшиц (Москва, 2007 г.), В.А.

Маслова (Екатеринбург, 2015), С.С. Медведева (Краснодар, 2008 г.), С.Л. Нуделя (Москва, 2015 г.), В.Ю. Окружко (Ростов-на-Дону, 2009 г.), С.А. Петрова (Москва, 2015), Е.В. Суслиной (Екатеринбург, 2007 г.), Д.О. Тепловой (Москва, 2014 г.), А.В. Филиппова (Москва, 2010 г.), М.Ю. Хмелевой (Омск, 2008 г.), Н.А. Чикишевой (Владивосток, 2011 г.), Р.И. Шарипова (Москва, 2012 г.), А.А. Южина (Москва, 2015).

Большинство указанных исследований проводились до внесения изменений Федеральным Законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ. Отдельные составы специальных видов мошенничества рассмотрены в диссертациях В.А. Маслова «Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования» (Санкт-Петербург, 2015 г.), А.В. Архипова «Мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ): уголовно-правовая характеристика» (Томск, 2016 г.).

Комплексному исследованию специальных составов мошенничества посвящена диссертация А.А. Южина (Москва, 2015 г.), несомненно, внесшая в развитие уголовно-правовой науки серьезный вклад. Тем не менее, данная работа строится на идее отрицания необходимости существования специальных видов мошенничества. В диссертации С.А. Петрова (Москва, 2015 г.) особое внимание уделено объективным признакам мошенничества, без детального анализа специальных видов мошенничества, в работе А.А. Красиковой (Екатеринбург, 2013 г.) анализ специальных составов мошенничества фактически отсутствует.

Несмотря на очевидную проработанность как практических, так и теоретических вопросов, связанных с проблемами квалификации мошенничества, введение новых составов заставляет по-новому взглянуть не только на устоявшиеся в доктрине уголовного права вопросы, но и сформулировать практические рекомендации. Поэтому основной упор в работе делается именно на специальные виды мошенничества.

В то же время детальному исследованию не повергались исторические, сравнительно-правовые и криминологические аспекты мошенничества и виды

криминального обмана, т.к. данным вопросам в должной мере было уделено внимание другими исследователями.

Объектом исследования являются дифференцированные виды мошенничества.

Предмет диссертационного исследования включает действующее уголовное законодательство России и зарубежных государств, материалы судебно-следственной практики, статистические данные, научные публикации по теме исследования.

Цель и задачи исследования. Цель исследования заключается в выявлении и разрешении проблем, возникающих при применении норм о специальных видах мошенничества и формулировании научно обоснованных предложений в части совершенствования действующего уголовного законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики.

Обозначенная цель предопределила формулировку и необходимость решения следующих задач:

Обозначенная цель предопределила формулировку и необходимость решения следующих задач:

- установить социально-экономические и политические предпосылки законодательного закрепления специальных видов мошенничества;
- определить необходимость выделения специальных видов мошенничества, в том числе и с учетом опыта зарубежных государств;
- выявить основания для классификации видов мошенничества;
- определить объект и признаки предмета мошенничества;
- провести юридический анализ объективных признаков мошенничества и установить особенности законодательных конструкций специальных составов мошенничества;
- сформулировать специфические элементы субъективных признаков специальных видов мошенничества;
- выявить уголовно-значимые признаки границ специальных видов мошенничества по сферам их совершения;

- определить специальные средства совершения мошенничества, влияющие на квалификацию;

- выявить проблемные вопросы уголовной ответственности за специальные виды мошенничества;

- предложить направления оптимизации правовой регламентации и практики применения норм о специальных видах мошенничества.

Методология и методика исследования. Методологической основой диссертационного исследования является диалектический подход к рассмотрению объекта и предмета исследования. Достоверность исследования достигнута посредством использования системно-структурного, сравнительно-правового, формально-логического и других научных методов[1].

Теоретическую основу исследования составляют доктринальные источники в области общей теории права, цивилистики, права социального обеспечения, информационного права, банковского права, страхового права, уголовного права, криминологии, экономики. Теоретико-правовым фундаментом работы явились исследования Ф.Н. Багаутдинова, А.И. Бойцова, В.В. Векленко, Б.В. Волженкина, С.М. Кочои, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, В.Д. Ларичева, Н.А. Лопашенко, В.В. Мальцева, А.В. Наумова, А.И. Рарога, М.В. Талан, В.С. Устинова и других ученых.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, международное законодательство, уголовное законодательство России и зарубежных государств, действующее регулятивное законодательство.

Эмпирическую базу диссертации составила изученная соискателем практика Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и нижестоящих судов общей юрисдикции (свыше 500 судебных решений по уголовным делам) на основе использования «Бюллетеня Верховного Суда РФ», системы ГАС «Правосудие» и веб-сайтов соответствующих судов, СПС

[1] См., подробнее: Берков В.Ф. Философия и методология науки: учеб. пособие. – М.: Новое знание, 2004. С. 78-175; Назаренко Г.В. Философия и методология науки: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2017. С. 13-19.

КонсультантПлюс за период с 2012 по 2018 г.г.. Накопление эмпирического материала осуществлялось также в ходе изучения статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ и ГИАЦ МВД РФ за период с 2010 по 2018 г.г..

Научная новизна исследования, представляющего собой комплексное исследование специальных видов мошенничества, заключается в следующем:

- обоснована социально-экономическая и политическая необходимость выделения специальных видов мошенничества;

- представлена классификация по нескольким основаниям специальных составов мошенничества;

- с учетом того обстоятельства, что все специальные составы мошенничества имеют бланкетный характер, определены границы сфер действия каждого из специальных составов мошенничества;

- объективные и субъективные признаки мошенничества представлены с учетом особенностей их регламентации в специальных составах;

- сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и практики его применения. Компоненты новизны диссертационному исследованию придает сама постановка ряда общетеоретических вопросов избранной темы и предлагаемые варианты их решения.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Обосновано, что законодательное выделение специальных видов мошенничества является объективной необходимостью, обусловленной социально-экономическими и политическими изменениями в стране. Конкретизация составов мошенничества позволит снизить число ошибок и злоупотреблений при условии их системного толкования и увеличит эффективность правоприменения.

2. Выявлены отдельные недостатки нормативного определения объективных и субъективных признаков всех видов мошенничества и даны предложения, направленные на их устранение, в частности:

- предметом мошенничества могут быть все объекты гражданских прав, кроме интеллектуальной собственности и нематериальных благ. В связи с этим из диспозиции ч.1 ст. 159 УК РФ должна быть изъято словосочетание «право на имущество» как тождественное понятие «имущество», а ст. 158 УК РФ дополнена примечанием 1.1. следующего содержания: «Под предметом хищения в статьях настоящего Кодекса понимаются объекты гражданских прав, за исключением интеллектуальной собственности и нематериальных благ»;

- злоупотребление доверием является составляющей обмана, поэтому выделение его в качестве альтернативного способа совершения мошенничества является излишним;

- единственно верным критерием определения возраста, с которого может наступать уголовная ответственность, является возможность осознания лицом общественной опасности совершаемого деяния. Доказывается целесообразность снижения возраста до 14 лет для преступлений, предусмотренных ч.1-4 ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ.

3. Причинение ущерба по признаку значительности для потерпевшего должно быть единым не только по сумме, но и для всех потерпевших. Поэтому примечания 1,2,3 к ст. 159 УК РФ, примечание к ст. 159.1 УК РФ необходимо признать утратившими силу. Примечание 2 к ст. 158 УК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «Значительный ущерб в статьях настоящей главы, определяется с учетом имущественного положения потерпевшего, но не может составлять менее пяти тысяч рублей».

4. Обосновывается неудачное расположение в уголовном законе норм о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности и нерешенность вопроса о соблюдении принципа равенства и добросовестности сторон, свободы договора и конкуренции. Разделение способов уголовно-правовой охраны права собственности физических лиц и юридических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей не будет способствовать равной защите интересов всех субъектов уголовно-правовых отношений. Предлагается

примечание 4 к ст. 159 изложить в следующей редакции: «Действие частей пятой-седьмой настоящей статьи распространяется на случаи преднамеренного неисполнения договорных обязательств между лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, и физическим или юридическим лицом».

Критически оценивается отсутствие квалифицирующих признаков группового совершения мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Предлагается ч.6 ст. 159 УК РФ дополнить фразой «либо группой лиц по предварительному сговору», ч.7 ст. 159 УК РФ – «либо организованной группой».

5. Обосновывается «зауженный» подход законодателя к определению деяний, подпадающих под признаки ст. 159.1 УК РФ, в связи с чем доказывается необходимость расширения сферы действия ст. 159.1 УК РФ и предлагается ее следующая редакция: «Мошенничество в сфере заемно-кредитных отношений, то есть хищение имущества путем предоставления банку или небанковской кредитной организации заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно умолчание о фактах, имеющих значение для определения финансовых возможностей лица, -

наказывается…» (далее по тексту УК РФ).

6. Предложено понятие социальных выплат, применительно к ст. 159.2 УК РФ, под которыми следует понимать безвозмездное предоставление гражданам денежных выплат, натуральной помощи, жизненно необходимых товаров и социальных услуг, носящих компенсационный или стимулирующий характер, направленное на поддержку социально уязвимых категорий граждан, выравнивание уровня доходов населения, а также стимулирование финансовой самостоятельности и социальной активности, основанные на категориальном принципе и финансируемые из средств федерального бюджета, государственных внебюджетных фондов, бюджетов субъектов РФ и бюджетов муниципальных образований.

Доказывается, что ст. 159.2 УК РФ должна охранять государственные целевые средства, выделенные не только на социальную сферу, но и в целом ориентированные на государственную поддержку от преступных посягательств недобросовестных адресатов финансирования. Предлагается авторская редакция диспозиции ч.1 ст. 159.2 УК РФ: «Мошенничество при получении выплат, т.е. хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных форм государственной поддержки, установленных законом или иными нормативно-правовыми актами, путем предоставления заведомо ложных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат, - наказывается…»

7. Норма о мошенничестве в сфере страхования призвана охранять интересы не только страховых компаний, но и страхователей, и выгодоприобретателей. Не подпадают под сферу действия ст. 159.5 УК РФ мошеннические действия со страховыми выплатами по обязательному медицинскому или обязательному социальному страхованию, т.к они являются предметом преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ.

8. Аргументируется декриминализация мошенничества с использованием платежных карт ввиду отсутствия эффективности данной нормы в силу некачественной технико-юридической формулировки и существующих более четко определенных уголовно-правовых запретов, охватывающих такого рода преступные посягательства (ст. 159.1, 159.6 УК РФ).

9. Действующая редакция статьи ст. 159.6 УК РФ нуждается в дальнейших разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. С учетом сложившегося доктринального толкования форм хищения, судам следует дать разъяснения, что в случае, если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей

осуществляется с участием лица, воспринимающего искаженную информацию как истинную, (например, «фишинг», смс-мошенничество, платный просмотр видео-рекламы и т.п.), содеянное следует квалифицировать как мошенничество в сфере компьютерной информации. В случае осуществления хищения тем же способом, но без непосредственного участия человека, например, посредством использования автоматизированных систем, содеянное следует квалифицировать как кражу.

При решении вопроса о совокупности преступлений необходимо определять основания доступа к компьютерной информации. Если доступ осуществлялся незаконно, правоприменитель должен дать юридическую оценку таких действий.

Учитывая, что манипуляции с компьютерной информацией, направленные на хищение чужого имущества, возможны не только посредством обмана, но и другими способами (тайное хищение, присвоение и растрата), целесообразно сформулировать общую норму в уголовном законе «Хищение с использованием компьютерной информации».

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении знаний в вопросах квалификации мошенничества с учетом существования специальных составов; четко определены и сформулированы на доктринальном уровне все сферы совершения мошеннических действий, нормативно закрепленных в качестве дополнительного непосредственного объекта специальных видов мошенничества; с учетом изменения социально-экономической ситуации в стране обоснована необходимость пересмотра отдельных признаков объективных и субъективных признаков мошенничества.

Результаты проведенного исследования вносят определенный вклад в теорию уголовного права и могут быть использованы в дальнейших исследованиях по данной проблематике, а также применяться в учебном процессе.

Практическая значимость исследования состоит в том, что сформулированы отдельные рекомендации по применению специальных видов мошенничества; результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при совершенствовании норм Уголовного кодекса РФ и в разъяснениях высшей судебной инстанции. Учитывая преимущественно прикладной характер исследования, полученные результаты могут быть использованы для формирования единообразной практики применения уголовно-правовых норм о мошенничестве.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», где проводилось ее обсуждение. Результаты и положения диссертационного исследования использовались в докладах на всероссийских и международных конференциях и круглых столах, (Курск, 2015 г., 2016 г., Саратов, 2016 г, Москва, 2017 г..

Основные положения работы отражены в четырнадцати научных статьях, шесть из которых опубликованы в журналах, входящих в перечень рецензируемых научных изданий.

Результаты диссертационного исследования нашли отражение в научно-исследовательской работе в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации в 2017, 2018 году по теме «Мошенничество при получении государственного задания в области науки».

Структура диссертационной работы обусловлена целями и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, включающих десять параграфов, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ГЕНЕЗИС УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДАХ МОШЕННИЧЕСТВА

1.1. Социально-экономические и политические предпосылки закрепления в уголовном законодательстве специальных видов мошенничества

Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ и отдельные законодательные акты РФ» в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) введены ст. 159.1-159.6 УК РФ, предусматривающие ответственность за отдельные виды мошенничества, такие, как: в сфере предпринимательской деятельности, при получении выплат, с использованием платежных карт, в сфере компьютерной информации, в сфере страхования, в сфере кредитования.

Как указали в пояснительной записке авторы законопроекта, данный закон направлен на дифференциацию различных видов мошенничества, необходимость которой обусловлена тем, что указанные преступления совершаются в самых различных сферах общественных отношений, затрагивают интересы как отдельных граждан, так и больших групп граждан и причиняют общественным отношениям существенный вред[1]. Уже на стадии принятия закона в Государственной думе РФ высказывалось мнение о том, что законопроект вносит в определение понятия «мошенничество» элементы ненужной громоздкости, бессистемности и неустойчивости[2]. И сейчас, когда с момента введения в действие закона прошел определенный промежуток времени, когда начала формироваться судебная практика, все чаще встречаются высказывания о наличии существенных сложностей реализации

[1] Паспорт проекта Федерального закона № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности (М.). URL: http://www.asozd2.duma.gov.ru

[2] Стенограмма заседания Государственной Думы РФ от 23.11.2012 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности (М.). URL: http://www.asozd2.duma.gov.ru

новых уголовно-правовых норм о мошенничестве. Среди них указываются, например, проблемы конкуренции уголовно-правовых норм, предусматривающих различные виды мошенничества, отграничения мошенничества от смежных составов преступлений, квалификации мошенничества по совокупности с другими преступлениями, определения содержания новых терминов, раскрывающих признаки специальных видов мошенничества, проблему дифференциации уголовного наказания за различные виды мошенничества[1] и др.

Инициатором данного законопроекта выступил Верховный Суд РФ, который на основе анализа правоприменительной практики, сложившейся к тому периоду, счел необходимым предложить отдельные виды мошенничества в зависимости от сферы. Фактически на тот период сложилась аномия вокруг мошенничества, поэтому преступники с легкостью уходили от ответственности, прикрываясь «неудачной» предпринимательской деятельностью или притворными гражданско-правовыми сделками. Выделение специальных видов мошенничества по сути явилось первым шагом в «наведении порядка» в правилах ведения предпринимательской деятельности в России, области страхования, кредитования и др.

Первоначальная редакция новых норм выглядела вполне оправдано и последовательно, исходя из тех целей, которые преследовал Верховный Суд РФ: обеспечение защиты граждан от мошенничества, дифференциация ответственности за мошенничество разных видов, уход от гражданско-правовых споров при наличии признаков мошенничества путем более казуистичного отражения норм о мошенничестве в уголовном законе.

Пределы возможного наказания в виде лишения свободы, которые предусматривал законопроект, в сравнении с пределами наказания, предусмотренными в основной норме о мошенничестве были одинаковы. Отличие изложенных в законопроекте норм от ст. 159 УК РФ было только в

[1] Шеслер А.В. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. № 2; Шевелева С. В., Урда М.Н. Проблемы применения ст. 159.1 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 6. С. 70-73.

наборе квалифицирующих признаков. В результате поправок, внесенных Комитетом Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству санкции и размеры причинного ущерба были существенно изменены, а вступивший в силу закон сегодня не критикует только ленивый.

Данная критика имела свой небольшой, но все же позитивный результат. В ходе пересмотра всех составов мошенничества в июне 2016 года законодатель частично изменил санкции и размеры причиненного ущерба, что с одной стороны несколько исправило ситуацию. В то же время данный закон внес больше хаоса в систему специальных составов мошенничества. В результате мошенничество в сфере предпринимательской деятельности не выделено в отдельную норму подобно остальным специальным видам мошенничества, а отражено в ч. 5-7 ст. 159 УК РФ, а новые размеры причиненного ущерба не поддаются объяснению.

Насколько целесообразно было деление мошенничества по его сферам?

Любые изменения законодательства не могут носить хаотичный характер, а должны быть неразрывно связаны с основными правилами законодательной техники, которые разработаны наукой уголовного права. Соответственно, для разрешения вопроса об обоснованности внесенных в УК РФ Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ изменений необходимо проанализировать данные правила относительно составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 159.1-159.6 УК РФ.

В научной литературе отмечается, что внесение изменений в закон должно соответствовать 3 основным критериям:

1) необходимость правовой регламентации (иначе говоря, наличие потребности в установлении запрета);

2) допустимость такой регламентации исходя из различного рода обстоятельств (политических, правовых, социальных и т.д.);

3) реальная возможность (практическая осуществимость) решения, которое предполагается принять[1].

Мы лишь отчасти солидарны с теми учеными, которые утверждают, что критерий необходимости введения специальных видов мошенничества отсутствует[2]. В то же время социально-экономические и политические предпосылки для принятия такого решения имели место, т.к. «материнская» норма (ст. 159 УК РФ) устарела, а мошеннические посягательства в условиях изменившейся экономической ситуации в стране существенно видоизменились. Расширение банковской сферы, сферы страхования и др. привело к появлению новых преступных схем, а уголовное законодательство было не готово отвечать адекватно. В результате мошенники, прикрываясь гражданско-правовыми сделками, могли уходить от ответственности. Политической предпосылкой введения специальных составов стало заявление Президента России в 2012 году о необходимости уточнения такого состава преступления как мошенничество в целях исключения манипулирования соответствующими нормами[3].

Последний критерий, заключающийся в практической осуществимости предписания, имеет место при введении в УК РФ специальных видов мошенничества, поскольку при наличии определенных разъяснений правоприменительным органам нормы, предусмотренные ст.159.1-159.6 УК РФ, будут применяться в практической деятельности единообразно, сведя к минимуму ошибки при квалификации. В пояснительной записке к проекту закона подчеркивается, что конкретизация составов мошенничества «в зависимости от сферы правоотношений, в которой они совершаются, снизит число ошибок и злоупотреблений во время возбуждения уголовных дел о мошенничестве, будет способствовать повышению качества работы по

[1] Прозументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск: Изд-во Томского унта, 2012. С.14-16.

[2] См, например: Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т.9. №3. С. 506.

[3] Послание Президента РФ [Электронный ресурс] // http://www.kremlin.ru/acts/assignments/execution/16923

выявлению и расследованию таких преступлений, правильной квалификации содеянного...»[1].

Иными словами, коль скоро законодатель предусмотрел отдельные составы мошенничества, критиковать их с позиций необходимости существования в уголовном законодательстве не имеет практического смысла. Гораздо важнее сформулировать научно обоснованные критерии отграничения данных составов, их конкуренции со смежными составами преступлений, определения границ тех сфер, где предусмотрены специальные составы мошенничества, определение отдельных объективных признаков специальных видов мошенничества, учитывая их бланкетный характер.

Следует отметить, что и в доктрине уголовного права идея разграничения мошенничества по сферам далеко не нова, ученные занимающиеся данной проблематикой предлагали разграничить мошенничество на сферы.

Так, М.Ю. Хмелева предлагала предусмотреть норму, устанавливающую ответственность за причинение имущественного ущерба путем использования средств компьютерной техники и связи. По ее мнению от хищения данное деяние следовало отграничивать по предмету посягательства: в хищениях предметом выступает вещь, предметом причинения имущественного ущерба путем использования средств компьютерной техники и связи являются безналичные денежные средства. Разграничение со статьей 165 УК РФ следовало проводить по механизму причинения ущерба, а также по отсутствию в предлагаемой норме обманного способа совершения деяния[2]. Л.Э. Сунчалиева также указывала на необходимость выделения мошенничества, совершаемого с использованием средств компьютерной техники и компьютерно-сетевых технологий в качестве квалифицирующего признака в ст. 159 УК РФ, аргументируя свою позицию наличием дополнительного объекта посягательства, большей вредоносностью и

[1] Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС системы «КонсультантПлюс».

[2] Хмелева М. Ю. Уголовная ответственность за мошенничество: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2000. С.3

трудностями расследования и раскрытия. Однако, обосновывая теми же аргументами свою позицию, автор предлагала мошенничества в банковской сфере и в сфере страхования выделить в качестве самостоятельных составов – 159.1 и 159.2 УК РФ[1]. В отдельную норму закона Д. Н. Алиева рекомендовала выделить телефонное, компьютерное, электронное, страховое мошенничество[2]. Р.Б. Осокин приводил аргументы по введению особо квалифицированных видов мошенничества, совершенных при безналичной форме расчетов, с использованием компьютерной техники, мошенничества при совершении гражданско-правовых сделок с жилищем[3].

Некоторые авторы предлагали выделять рыночное мошенничество (мошенничество с использованием законов рыночной экономики); мошенничество, связанное с невыполнением обязательств; бухгалтерское мошенничество; мошенничество с использованием подложных документов, дающих право на приобретение или получение имущества[4].

Кроме того, деление мошенничества на специальные виды в зависимости от сферы характерно и для западного законодательства. Например, уголовное законодательство Германии выделяет мошенничество с использованием компьютера (§ 263a), мошенничество, сопряженное с получением субсидии (§ 264), инвестиционное мошенничество (§ 264a), страховое мошенничество (§ 265), получение услуг посредством обмана (§ 265a), мошенничество в сфере кредитования (§ 265b). УК Швейцарии определяет такие специальные виды как компьютерное мошенничество (ст. 147), мошенничество, сопряженное с процедурой банкротства и наложением ареста на имущество (ст. 163), выборное мошенничество (ст. 282). Австрийское уголовное законодательно отдельно выделяет «профессиональное» мошенничество, именуя его

[1] Сунчалиева Л. Э. Мошенничество: Уголовно-правовой и криминологический аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 6.
[2] Алиева Д. Н. Мошенничество: уголовно-правовой и криминологический анализ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. С.7.
[3] Осокин Р.Б. Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С.6.
[4] Ценова Т.Л. Понятие, состав и виды коммерческого мошенничества // Российский судья. 2004. №4. С. 14.

промыслом[1], а также привилегированный состав, когда мошенничество совершается по вынужденным обстоятельствам[2]. УК Франции предусматривает отдельно обман в сфере услуг (313-5), жульничество при публичных торгах (313-6), обман, сопряженный с передачей недвижимого имущества с целью проживания, при отсутствии разрешения собственника (313-6-2), обман, сопряженный с продажей правоустанавливающего документа (билета), без разрешения организатора (313-6-2). В УК Швейцарии выделено компьютерное мошенничество (ст. 147), мошенничество, сопряженное с процедурой банкротства и наложением ареста на имущество (ст. 163), мошенничество, результатом которого становится принятие неправомерного правоустанавливающего документа (ст. 170); засвидетельствование документа путем обмана (ст. 253), выборное мошенничество (ст. 282). Интересно, что УК Канады предусматривает специальные виды мошенничества не только в сфере кредитования (ст. 362 (1) или при приобретении ценных бумаг (ст. 363), получении услуг путем обмана (ст. 364), но также и симуляция колдовской деятельности (ст. 365). Отдельно УК Канады дифференцирует мошенничество в экономической деятельности на мошенничество в сфере публичных торгов (ст. 380(2)), мошенничество посредством использования почты (ст. 381), мошенническая брокерская деятельность (ст. 384), мошенничество в сфере продажи недвижимости (ст. 387), мошенничество, сопряженное с использованием подложной квитанции (ст. 388), мошенничество, сопряженное с распоряжением товарами, предусматривающими предоплату (ст. 389) и т.д. По данным Ф.Н. Багаутдинова и Л.С. Хафизовой, мошенничество в законодательстве США разделяется на пять видов: 1) мошеннический обман/введение в заблуждение/злоупотребление доверием; 2) мошенничество по кредитным

[1] § 148 УК Австрии. Принят 29 января 1974 г.: Вступил в силу с 1 января 1975 г.: С изменениями и дополнениями на 1 мя 2003 г.: Перевод с немецкого / Пер.: Вихрова Л.С.; Предисл.: Фабрици Э.О.; Науч. ред. и вступ. ст.: Милюков С.В. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004.

[2] § 150 УК Австрии. Принят 29 января 1974 г.: Вступил в силу с 1 января 1975 г.: С изменениями и дополнениями на 1 мя 2003 г.: Перевод с немецкого / Пер.: Вихрова Л.С.; Предисл.: Фабрици Э.О.; Науч. ред. и вступ. ст.: Милюков С.В. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004.

картам/мошенничество с использованием банкоматов; 3) «кража личности» (персонация, выдача себя за другое лицо); 4) мошенничество в сфере социального обеспечения; 5) мошенничество с использованием электронных средств коммуникации[1].

Следует согласиться с позицией тех авторов, которые утверждают, что внесенные изменения в уголовный закон не решили вопросы о содержании термина «мошенничество», его признаках[2]. Более того, понятие мошенничества в специальных составах «потеряло» некоторые обязательные признаки. Например, общеизвестно, что обман при совершении мошеннических действий может носить пассивный или активный характер. Однако, в ст. 159.1 УК РФ законодатель исключил возможность совершения такого преступления посредством пассивного обмана, введя в диспозицию следующее словосочетание: «…путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений», а предметом преступления могут быть только денежные средства. При совершении преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ адресатом обмана может выступать не только человек, но фактически и ЭВМ.

В доктрине уголовного права можно встретить следующие определения мошенничества. Мошенничество — это корыстное преступление против собственности, сходное с хищением. При этом предмет данного деяния намного шире, чем у последнего. В результате совершения настоящего деяния виновный преследует цель получить любую имущественную выгоду, при этом потерпевшему может быть причинен как реальный ущерб в виде стоимости имущества, так и в размере упущенной выгоды[3]. Некоторые авторы полагают, что мошенничество не является одной из форм хищения, а понимают ее как

[1] См.: Багаутдинов Ф.Н., Хафизова Л.С. Финансовое мошенничество (уголовно-правовой и криминологический аспекты противодействия). М., 2008. С. 72-73.
[2] Красикова А.А. Приобретение права на чужое имущество и хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Автореф. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С.3.
[3] Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве. Дис. …канд. юрид. наук. Москва, 2016. С. 10.

самостоятельную правовую категорию[1]. Большая группа ученых, признавая мошенничество формой хищения, указывают на более широкий предмет посягательства[2]. Другие говорят, что мошенничество необходимо понимать как хищение и мошенничество как приобретение права на чужое имущество[3].

Следует отграничивать бытовое и юридическое понимание мошенничества. Фактически понятия «мошенничество» и «обман» воспринимаются как синонимы. Так, при отборе фразеологических единиц, репрезентирующих концепт ложь/обман в современном русском языке, все соответствуют концепту «мошенничество».

Анализ юридической литературы различных отраслей права показывает, что ученые понимают мошенничество гораздо шире, нежели его трактует доктрина уголовного права. Так, в современных публикациях можно увидеть понятие академического мошенничества, под которым понимается мошенничество в науке, выражающееся в фабрикации (выдумывание данных), фальсификации данных (манипулирование ими для производства вымышленных научных результатов) и плагиат (представление работы других исследователей как своей собственной)[4]; «общеуголовное мошенничество» и «экономическое мошенничество»[5], определяя последнее как совершаемое в отношении публичных образований (государства, субъектов федерации, муниципальных образований), предприятий, учреждений, организаций,

---

[1] Суслина Е.В. Ответственность за мошенничество по Уголовному кодексу Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 8

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 2 т. Т. 2. С. 22; См.: Курс уголовного права / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. Т. 3. С. 436; Шхагапсоев З.Л.Проблемы квалификации преступлений против собственности, совершаемых путем обмана или злоупотребления доверием //Общество и право. 2009.

[3] См., например: Лимонов В. Понятие мошенничества // Законность. 1997. № 11. С. 41; Уголовное право: часть Общая, часть Особенная / Под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. С. 401; Уголовное право России: части Общая и Особенная: Учебник / Под ред. А.В. Бриллиантова. С. 560 - 561.

[4] Ефимова Г.З., Кичерова М.Н. Анализ причин академического мошенничества и их классификация // Интернет-журнал Науковедение. 2012. № 4 (13). С. 116.

[5] Тураев М.А.В. Социально-экономическая обусловленность дифференциации уголовной ответственности за мошенничество в уголовном законодательстве России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. №3 (27). С. 14.

индивидуальных предпринимателей либо большой группы людей, мошенничество[1].

Отдельно следует выделять мошенничество в профессиональной сфере, наиболее «популярным» в котором в последнее время становится так называемое «корпоративное мошенничество»[2], заключающееся в хищении активов, фальсификации отчетности и коррупции, что также не соответствует доктринальному толкованию мошенничества в уголовном праве. Например, Федеральным стандартом аудиторской деятельности (ФСАД 5/2010) «Обязанности аудитора по рассмотрению недобросовестных действий в ходе аудита» вводится термин «недобросовестное составление финансовой отчетности», как синоним понятию «мошенничество». Недобросовестное составление финансовой отчетности характеризуется как преднамеренное искажение финансовой отчетности, включающее неотражение числовых данных либо нераскрытие информации в финансовой отчетности, с целью введения в заблуждение пользователей этой отчетности[3].

Учитывая, что данная правовая дефиниция известна абсолютно всем правовым системам в мире, небезынтересно обратиться к опыту зарубежных государств, т.к. «…сравнение российского и зарубежного уголовного права, неизменно расширяет предмет науки уголовного права, обогащая ее новыми знаниями. Сравнительное правоведение показывает, как решается одна и та же правовая проблема в разных странах, расширяет горизонты юридических исследований, позволяет учитывать, как позитивный, так и негативный зарубежный юридический опыт»[4].

Так, уголовное законодательство Франции имеет довольно казуистичное и громоздкое определение мошенничества. «Мошенничеством является

---

[1] Ильин И.В. Понятие и признаки экономического мошенничества // Российский следователь. 2008. № 14.

[2] Жарикова А.П., Лупикова Е.В. Классификация мошенничества с финансовой (бухгалтерской) отчетностью // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 12-1. С. 276-280.

[3] Федеральный стандарт аудиторской деятельности (ФСАД 5/2010) «Обязанности аудитора по рассмотрению недобросовестных действий в ходе аудита».

[4] Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. И.Э. Звечаровского. М.: Юрист. 2006. С. 19-21.

совершенное путем использования ложного имени или ложного статуса, либо путем злоупотребления действительным статусом, либо путем использования обманных приемов введение в заблуждение какого-либо физического или юридического лица и склонение его таким образом к тому, чтобы оно в ущерб себе или третьим лицам передало денежные средства, ценные бумаги, материальные ценности или какое бы то ни было иное имущество, предоставило услуги или совершило сделку, влекущую возникновение обязанности или освобождение от нее»[1], что, на наш взгляд, делает честь отечественному законодателю, который смог более кратко и емко сформулировать данный состав преступления. Не менее казуистично изложены нормы о мошенничестве в голландском уголовном законодательстве: «Лицо, которое с целью получить незаконные доходы для себя или кого-нибудь другого, присваивая ложное имя или путем искусной уловки, или с помощью паутины лжи склоняет потерпевшего отказаться от собственности, сделать доступными данные, имеющие денежную стоимость в коммерции, принять на себя долг или отказаться от претензий, виновно в умышленном введении в заблуждение и подлежит…»[2]. Следует поддержать С.В. Шиловского, что данное законодательство содержит неуместные для уголовного закона метафоры, в связи с чем не вполне отвечает современным реалиям данного состава мошенничества, поскольку неоправданно ограничивает сферу действия статьи и способы, применяемые виновным при совершении преступного деяния[3]. Довольно туманно определено мошенничество в УК Финляндии: «обман или использование заблуждения другого лица в качестве преимущества с целью извлечения незаконной финансовой выгоды для себя или другого лица, или в целях причинения ущерба другому лицу, в результате чего потерпевший совершил или

[1] Уголовный кодекс Франции. Принят в 1992 г. Вступил в силу с 1 марта 1994 г. С изменениями и дополнениями на 1 января 2002 г.: Перевод с французского / Науч. ред.: Головко Л.В., Крылова Н.Е. (Пер., предисл.) - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С.295.
[2] Уголовный кодекс Голландии. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. С. 401.
[3] Шиловский С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и дифференцирующее средство. Дис. …канд. юрид. наук. Архангельск, 2014. С.154.

воздержался от совершения каких-либо действий в ущерб себе или лица, чьи интересы он представляет»[1].

Немецкий законодатель определяет мошенничество следующим образом: «Кто, намереваясь получить для себя или третьего лица противоправную имущественную выгоду, причиняет вред имуществу другого лица тем, что вводит в заблуждение или поддерживает это заблуждение, утверждая заведомо ложные факты или искажая, или скрывая подлинные факты, наказывается…»[2]. Таким образом, германское законодательство понимает мошенничество только как обман. Отдельные авторы считают, что уголовное законодательство ФРГ оперирует термином злоупотребление доверием в § 266, где идет речь о злоупотреблении властью по распоряжению чужим имуществом[3], что, на наш взгляд, не совсем корректно, т.к. данная норма ничего общего с мошенничеством не имеет.

Уголовный кодекс Австрии и испанский законодатель аналогично российскому законодательству определяют мошенничество как корыстное преступление, совершаемое посредством обмана[4].

Отдельные страны англо-саксонской правовой семьи предусматривают самостоятельные законы о мошенничестве. Так, в Великобритании в 2006 г. был принят «Закон о мошенничестве», где акцент сделан на совершение преступных посягательств посредством совершения недобросовестных действий, тогда как наличие факта заблуждения потерпевшего не требуется[5].

Свод федерального законодательства США рассматривает как синонимы мошенничество и жульничество (ч.1 раздела 18 главы 63). Обязательными элементами мошенничества является факт искажения истины, обманутое

---

[1] УК Финляндии, глава 36, § 1. С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002.

[2] 176. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. В редакции от 13 ноября 1998 г. по состоянию на 15 мая 2003 г.: Перевод с немецкого / Пер.: Рачкова Н.С.; Предисл.: Йешек Г.-; Науч. ред. и вступ. ст.: Шестаков Д.А. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 413.

[3] Южин А.А. Указ. соч. С. 40.

[4] Уголовный кодекс Австрии. § 146; ст. 248 175. Уголовного кодекса Испании / Под ред. и с предисл.: Кузнецова Н.Ф., Решетников Ф.М.; Пер.: Зырянова В.П., Шнайдер Л.Г. - М.: Зерцало, 1998..

[5] См.: Fraud Act 2006 // The №atio№al Archives URL: http://www.legislatio№.gov.uk/ukpga/2006/35/co№te№ts

физическое или юридическое лицо, которое основываясь на ложных фактах, совершает действия, приведшие к убытками. При этом действия потерпевшего обязательно должны носить законный характер.

Компаративистский подход позволяет сделать вывод, что понятие мошенничества в отечественном законодательстве наиболее полно отражает сущность такого рода преступных посягательств, избегая, тем не менее, казуистичных формулировок. Выделение специальных составов мошенничества не является «изобретением» российского законодателя, и вполне характерно как для англо-саксонской, так и романо-германской правовой семьи. Полагаем, что толкование мошенничества в отечественной доктрине уголовного права является наиболее четким и полным, и наиболее приемлемой видится понимание мошенничества как хищения, совершаемого посредством обмана[1].

Но прежде чем рассуждать о совершенстве предложенных конструкций, необходимо определиться с **классификацией** видов современного мошенничества.

Анализ научной литературы показывает, что мошенничество предусмотренное ст. 159.1-159.6 УК РФ отдельные авторы рассматривают как привилегированные составы[2], другие как специальные нормы. Во всех случаях совершения мошенничества на современном этапе, правоприменитель обязан из пяти норм[3] о мошенничестве выбрать единственно правильную. При этом за одно деяние недопустимо применение сразу нескольких норм о мошенничестве, поскольку речь идет не о совокупности преступлений, а о конкуренции норм. При этом деяние будет правильно квалифицировано лишь в том случае, когда будет верно избрана та из конкурирующих норм, которая

[1] В следующих параграфах, посвященных объективным и субъективным признакам, нами будет предложено более конкретизированное определение мошенничества.

[2] Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Социально-правовые основания уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. №2. С. 279; Боровских Р.Н., Зыков Д.А. Мошенничество в сфере страхования: специфические черты конструкции уголовно-правовой нормы // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1 (38). С. 66-68.

[3] В соответствии с Федеральным законом от 3 июля 2016 года ст. 159.4 УК РФ утратила силу.

наиболее полно отражает социально-правовой смысл содеянного. Квалификация содеянного по совокупности конкурирующих норм недопустима, так как это привело бы к искусственному созданию множественности преступлений там, где ее нет, и к необоснованному усилению уголовной ответственности виновного.

Так, в случае, если указанные виды мошенничества рассматривать как привилегированные составы, квалификация должна проводится по правилам применения привилегированного состава.

Если же признать, что указанные виды мошенничества являются специальными по отношению к общей норме, предусмотренной ст. 159 УК РФ, то правоприменитель при конкуренции общей и специальной нормы обязан применить последнюю (ч.3 ст. 17 УК РФ).

Выходит, что терминологическая рассогласованность понимания «новых» видов мошенничества, при квалификации заставляет правоприменителя применять при наличии необходимых дополнительных признаков соответствующую «новую» статью мошенничества, а не ст. 159 УК РФ.

Следует отметить, что аргументы и тех авторов, которые утверждают, что рассматриваемые нормы являются привилегированными составами, и те, кто констатируют, что речь идет о специальных составах, вполне убедительны. Так, анализ санкций статей о мошенничестве частично доказывает позицию Н.И. Пряхиной и В.Ф. Щепелькова[1] о том, что специальные составы мошенничества являются привилегированными.

Почти все части «простого» мошенничества и «новых видов» мошенничества относятся к одной категории преступлений (ч.1 – к преступлениям небольшой тяжести, ч.2 – к преступлениям средней тяжести, ч.3, 4 – к тяжким преступлениям). Исключением из данного правила была ст. 159.4 УК РФ, на что и обратил внимание Конституционный Суд РФ в своем

[1] Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф.Указ. соч. С.239.

решении[1]. В силу данного обстоятельства признать соотношение рассматриваемых составов как привилегированных и общих нельзя.

Обособленно здесь выглядит так называемое предпринимательское мошенничество, по непонятной причине предусмотренное законодателем в «материнской» норме в ч. 5-7. Данный вид мошенничества не предусматривает ответственность за совершение данного деяния без квалифицирующих признаков, поэтому ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности уголовно наказуемо только при причинении значительного ущерба (не менее 10 тыс. руб.).

На наш взгляд, следует поддержать тех авторов, которые мошенничество, предусмотренное ст. 159.1-159.6 УК РФ, относят к специальным составам. Дополнительным аргументом является решение Конституционного Суда РФ, в котором указано, что в **специальных** (выделено автором) нормах, устанавливающих уголовную ответственность за мошенничество, содержатся дополнительные признаки этого деяния[2]. Аналогичные пояснения даются Верховным Судом РФ.

При разработке законопроекта о введении в действие специальных видов мошенничества, его авторы разделили их по отдельным сферам экономической деятельности, в которой совершается мошенничество, по способам совершения преступления, а также по особым предметам посягательства. Таким образом, в основу систематизации специальных видов мошенничества были заложены три классификационных основания.

В результате, к специализированным *сферам экономической деятельности* можно отнести факты мошенничества, предусмотренные ст. 159.1, 159.2, 159.5, 159.6 УК РФ, а также мошенничество в сфере

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 2.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 23.12.2014 № 2860-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шихова Дмитрия Павловича на нарушение его конституционных прав статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации» [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. 2015.

предпринимательской деятельности (ч.5-7 ст.159 УК РФ). Полагаем, что нет какой-либо особо охраняемой сферы в ст. 159.3 УК РФ. Н.А. Лопашенко ее обозначила как сферу использования платежных карт[1], с чем мы не можем согласиться[2].

А.В. Шеслер, занимая сходную позицию, также указывает, что основой криминализации послужили мошеннические действия в отдельных сферах экономики или других сферах общественной жизни (ст. 159.1, 159.2, 159.4, 159.5 УК РФ), в других - средства совершения мошеннических действий (ст. 159.3 УК РФ - платежные карты), в-третьих - сфера общественной жизни и средства совершения мошеннических действий (в ст. 159.6 УК РФ - сфера компьютерной информации и средства хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникативных сетей)[3]. Не отрицая факт того, что в ст. 159.6 УК РФ сфера определена, тем не менее, можно предположить, что особое средство посягательства – ЭВМ, явилось доминирующим обстоятельством в принятии решения законодателя о выделении данной нормы в самостоятельную.

На первый взгляд, разделять специальные виды мошенничества *по способу* совершения преступления нет необходимости, поскольку у всех он один – обман или злоупотребление доверием, если исходить из понимания способа как совокупности действий или системы действий, применяемых при исполнении какой-нибудь работы, при осуществлении чего-нибудь[4] или «тот или иной порядок, образ действий, метод в исполнении какой-нибудь работы, в достижении какой-нибудь цели»[5]. В доктрине уголовного права определение способа мошенничества определяется аналогично[6].

---

[1] Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т.9. №3. С. 506.

[2] Аналогичную точку зрения высказывает А.В. Шеслер: Шеслер А.В. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. №2.

[3] Шеслер А.В. Указ. соч. С. 13.

[4] Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1972. С. 158.

[5] Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940.

[6] Соловьев И.Н. Мошенничество в сфере налогообложения // Налоговый вестник. 2001. № 7. С. 131 - 136; Выявление и раскрытие мошенничества / Под ред. В.П. Сальникова. СПб., 2000. С. 18 – 27;

В то же время детальный анализ отдельных специальных составов мошенничества позволяет утверждать, что обман и злоупотребление доверием как способ совершения преступления имеют место не везде. Например, в ст. 159.1 УК РФ в качестве способа преступления предусмотрен только активный обман; преступления, предусмотренные ст. 159.2, 159.3, 159.5 УК РФ могут совершать только посредством обмана – как пассивного, так и активного; способ совершения преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ заключается в введении, удалении, блокировке, модификации компьютерной информации.

В качестве особого *предмета* посягательства следует выделить только денежные средства (ст. 159.1 УК РФ), исключительно государственное имущество (ст. 159.2 УК РФ), безналичные денежные средства (ст. 159.3 УК РФ), компьютерную информацию (ст. 159.6 УК РФ). В других специальных видах мошенничества специфический предмет совершения преступления отсутствует.

Сказанное свидетельствует, что классифицировать специальные составы мошенничества по какому-либо одному критерию не представляется возможным. Несомненно, всякая классификация является результатом некоторого огрубления действительных граней между видами, т.к. они всегда условны и относительны. Например, разделить сферу кредитования с предпринимательской, страхования с социальной сферой крайне затруднительно не только теоретически, но и практически. Однако, отказ от деления мошенничества, как это будет показано далее, может привести к ошибкам в квалификации.

Классификацию можно признать правильной только при соблюдении определенных условий: полнота деления (все члены деления должны быть перечислены) и чистота (члены деления не являются пересекающимися

Осокин Р.Б. Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 62; Шкеле М.В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. С. 6.

понятиями). Как видно в случае деления мошенничества по сферам не выполняется ни одно из правил классификации.

Рассмотренные классификации по заданным критериям вынуждают прийти к выводу, что единого классификационного основания для видов мошенничества нет. Подобно тому как теория уголовного права все признаки преступления делит на субъективные и объективные с определенной долей условности, с той же мерой условности мы можем все виды мошенничества разделить на две группы: мошенничества, совершаемые в определенной сфере и мошенничества, где одним из криминообразующих признаков является средство совершения преступления. Данное деление с позиций классификационных групп можно бы было признать ущербным, ввиду пересечения отдельных видов мошенничества, однако именно такое деление мы положим в основу нашего дальнейшего исследования исходя из сугубо методологических соображений. Поэтому на наш взгляд, целесообразней вести речь не о классификации, а о систематизации преступлений, именуемых в уголовном законе мошенничеством, как о процедуре объединения однородных составов в функциональных целях на основе существующих внутренних и внешних связей.

Таким образом, сказанное позволяет сделать следующие выводы.

Введение в уголовное законодательство в 2012 году специальных составов мошенничества продиктовано желанием законодателя определить более четкие рамки реализации норм, предусматривающих ответственность за мошенничество. Такой подход не является новеллой отечественного уголовного законодательства, и характерен для большинства уголовных законодательств как англо-саксонской, так и романо-германской правовой семьи.

Мы придерживаемся доктринального токования термина «мошенничество», под которым понимается хищение. Мошенничество, совершенное в какой либо сфере необходимо рассматривать как специальные нормы по отношению к ст. 159 УК РФ.

Законодатель попытался заложить в основу систематизации специальных видов мошенничества три классификационные группы: по сферам экономической деятельности, по способам совершения преступления, а также по особым предметам посягательства. Однако сформировать ни одну классификационную группу невозможно, поэтому данные нормы можно пытаться только систематизировать. С определенной долей условности все виды мошенничества предложено разделить на две группы: мошенничества, совершаемые в определенной сфере и мошенничества, совершаемые специфическими средствами. Данное мы положим в основу нашего дальнейшего исследования исходя из сугубо методологических соображений.

В целом критически оценивая имеющее место в уголовном законодательстве деление мошенничества на шесть самостоятельных составов, мы исходим из объективной необходимости поиска оптимальных путей совершенствования правоприменительной практики. Как метко заметила Н.А. Лопашенко «…правоприменение ставит новые вопросы, вызванные неловкостью законодателя, и они требуют ответов, и уже не неловких, а правильных, точных…»[1]

1.2. Влияние признаков объекта и предмета на выделение специальных видов мошенничества

Объект преступления – сложный, и в то же время самый «заштампованный» институт уголовного права. На сегодняшний день не сложилось единого понимания понятия «объект преступления». В дореволюционной уголовно-правовой доктрине было принято считать, что объектом преступления являются социальные блага[2]. В советский период объект преступления понимался как общественные отношения, охраняемые аппаратом уголовно-правового принуждения[3]. Современные исследователи в большей мере предпочитают определять объект преступления как

[1] Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т.9. №3. С. 511.
[2] См., например: Учебник уголовного права, составленный В. Спасовичем. Т. 1. СПб., 1863. С. 84, 85.
[3] См.: См.: Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР: Часть общая. М., 1925. С. 129 - 130.

общественные отношения[1], однако сторонники понимания объекта как социального блага также вполне убедительны в своих доводах[2]. Имеют место определения объекта через определение перечня его элементов. «Объект преступления представляет собой систему, состоящую из следующих элементов: само общественное отношение, охраняемое уголовным законом, предмет преступления, потерпевший от преступления, преступные последствия»[3]. Принимая за основу разделение объекта на отдельные элементы (исключительно из методологических соображений), в то же время мы не можем согласиться с тем, что преступные последствия являются составной частью объекта преступления. Собственно в рамках данного исследования мы и не ставим задачу детального анализа объекта мошенничества. Рассматривая указанные элементы лишь отчасти, мы попытаемся сконцентрироваться на проблемах, имеющих прикладное значение.

Родовым объектом любого вида мошенничества являются общественные отношения в сфере экономики. На эти отношения посягают все преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями, помещенными в разделе VIII «Преступления в сфере экономики» УК РФ.

Видовой объект мошенничества – общественные отношения собственности, независимо от ее форм[4]. Однако, отдельные авторы полагают, что определение родового объекта в качестве общественных отношений

---

[1] См.: Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. Саратов, 1997. С. 12; Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Преступления в сфере экономической деятельности. М., 1998. С. 17; Бородин С.В. Преступления против жизни. М., 1999. С. 48; Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 13; Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 2004. С. 102.

[2] См.: Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003. С. 29; Наумов А.В. Российское уголовное право: Курс лекций. М., 2004. Т. 1. Общая часть. С. 179; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015.

[3] Краснопеев В.А. Объект преступления в российском уголовном праве (Теоретико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2001. С. 3.

[4] Н.А. Лопашенко считает, что видовые объекты посягательств на собственность полностью совпадают с родовым объектом, поэтому их дробление лишено смысла. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 26.

собственности является узкой трактовкой[1]. Например, использование чужого имущества, не нарушающего процесс реализации собственником своих правомочий, причиняет имущественный ущерб: происходит износ, следовательно, ухудшаются потребительские свойства, что, в конечном счете, может приводить к невозможности извлечения выгоды из его использования[2].

Действительно, незаконное использование чужого имущества должно подвергаться уголовному преследованию. На основании п. 1 ст. 209 ГК РФ «собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом». В гражданско-правовой доктрине владение заключается в юридическом закреплении объекта собственности за конкретным лицом, пользование – есть возможность извлечения пользы (эффекта) из объекта собственности, а право распоряжаться означает возможность совершать любые разрешенные законом действия[3]. Указанная триада образует право собственности, поэтому и незаконное использование чужого имущества также нарушает право собственности.

Подробный анализ позиций ученых к пониманию объекта уголовно-правовой охраны права собственности представлен в монографии Н.А. Лопашенко «Посягательства на собственность», выделившей несколько групп (подходов). Первый, именованный ей как глобально-экономический, собственность отождествляет с экономическими отношениями по производству и распределению материальных благ, т.е. родовой объект посягательств на собственность глобализируется, расширяется до уровня экономических отношений[4]. Вторая позиция (узкоэкономическая), хотя и опирается на экономическое содержание собственности, основывается на нормах гражданского законодательства. В то же время сторонники данной позиции исключают право собственности из понятия родового объекта

[1] Суслина Е.В. К вопросу об объекте мошенничества и иных обманных имущественных посягательств // Российский юридический журнал. 2007. № 1. С. 149-151.
[2] Суслина Е.В. Указ. соч. С. 149-151.
[3] Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. П.В. Крашенинникова. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2012. С. 545
[4] Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012.

преступлений против собственности[1]. Третья группа – юридическая, считает, что основой родового объекта преступлений должно стать то понятие собственности, которое дается в гражданском законодательстве. Объект хищений и иных посягательств на собственность представители этой позиции связывают с юридической категорией собственности. Четвертая группа, именованная автором как экономико-юридическая, пытается соединить две составляющие. Например, С.М. Кочои пишет: «...Признать объектом преступления собственность только как экономическую категорию - значит игнорировать факт нарушения правомочий, принадлежащих по закону собственнику (или иному владельцу)»[2].

Являясь правовой оболочкой отношений собственности, право собственности нарушается при совершении любого преступления против собственности. Причем отдельными видами преступлений данной группы нарушаются либо все правомочия собственности, либо некоторые из них. Например, сложно представить ситуацию, когда в результате кражи, грабежа или разбоя будет нарушена не вся триада (владение, пользование, распоряжение), тогда как в случае с мошенничеством, присвоением или растратой отдельные правомочия собственника могут сохраняться.

Однако право собственности вторично, производно от отношений собственности, которые первичны. Посягательствами на собственность право собственности нарушается как бы «попутно», тогда как, в конечном счете, нарушаются фактические отношения собственности. Поэтому объектом преступлений против собственности являются фактические отношения собственности, а не право собственности, ибо объектом преступления является то, на что преступление посягает в конечном счете[3]. *Действительно право собственности вообще не может быть нарушено преступлением, т.к.*

[1] Лоапшенко Н.А. Указ. соч. С.112.

[2] Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. С. 82.

[3] Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. 2-е изд., испр. — М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. С.18. Аналогичная точка зрения: Исаев А. Фиктивные деньги как инструмент мошенничества // Законность. 2005. № 5. С. 25–27; Уголовное право: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. 2-е изд. испр. и доп. М.: Юриспруденция, 2001. С.341-344 и др.

любое преступление посягает на отношения, в данном случае отношения собственности в экономическом смысле. Юридически право собственности не переходит к преступнику. «…Право личной собственности и экономическое содержание собственности не составляют тождества: право собственности есть лишь юридическое выражение производственных отношений по поводу присвоения материальных благ и обладания ими внутри и посредством определенной общественно-экономической формации»[1].

Непосредственным объектом мошенничества являются также общественные отношения собственности, независимо от ее формы. В соответствии с п. 1 ст. 212 ГК РФ «В Российской Федерации признаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности», а согласно п. 4 этой статьи «права всех собственников защищаются равным образом». Поэтому искусственным, на наш взгляд, является выделение непосредственного объекта мошенничества исходя из формы собственности[2]. Г.Н. Борзенков в связи с этим пишет, что непосредственный объект преступления целесообразно выделять лишь тогда, когда это имеет юридическое значение, что в случае с собственностью не допустимо ввиду конституционного положения о равной защите всех форм собственности[3].

Помимо деления объекта по вертикали в доктрине уголовного права имеет место деление объекта по горизонтали. Выделяют основной, дополнительный и факультативный непосредственный объект[4]. Как видно, основным непосредственным объектом мошенничества являются общественные отношения собственности. Специальные составы

---

[1] Зыков Д.А. Компьютерные мошенничества с использованием сети Интернет // Проблемы обеспечения прав и интересов личности в России: материалы Всероссийской конференции, г. Владимир, 16 декабря 2004 г. Владимир: Изд-во Владимир. ун-та, 2005. С.86.

[2] См., например: Капустина Е.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против собственности, совершаемых путем обмана и (или) злоупотребления доверием // Вестник ТГУ. – 2010 – выпуск 11 (91). С.284.

[3] См.: Российское уголовное право: учеб.: в 2 т. Т.2. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С.172.

[4] См, например: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. // СПС КонсультантПлюс.

мошенничества можно охарактеризовать как двухобъектные преступления, где имеют место и нематериальные последствия в качестве дополнительного объекта посягательства. Сразу оговоримся, что речь идет не о моральном вреде, недополучении должного[1], а о вреде, причиненном определенной сфере: страховая сфера, сфера предпринимательской деятельности, сфера кредитования, сфера компьютерной информации, социальная сфера. Не представляется возможным выявить отдельную сферу в ст. 159.3 УК РФ, что ставит под сомнение необходимость существования указанной нормы в качестве самостоятельной[2]. Выявление данного дополнительного непосредственного объекта влияет на квалификацию, а потому подлежит обязательному выявлению. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, несмотря на кажущуюся простоту понимания указанных сфер, при ближайшем их рассмотрении оказывается, что это далеко не так. Можно с уверенностью утверждать, что в настоящее время не сложилось четкого понимания границ ни одной из указанных сфер, что на наш взгляд, имеет принципиальное значение. Поэтому данные проблемы уместно рассматривать в рамках исследования конкретных составов преступлений, предусматривающих специальные виды мошенничества.

В соответствии с ч.1 ст. 159 УК РФ предметом преступления является имущество и право на имущество. Такая законодательная конкретизация привела к тому, что, по мнению отдельных авторов, мошенничество не является хищением в силу того, что мошеннические действия могут совершаться не только в отношении конкретного имущества, обладающего экономическими и юридическими свойствами, но и в отношении прав на такое

[1] Отдельные авторы высказываются за необходимость взыскания с виновного всех убытков, причиненных преступлением. (см.: Фликер С. Возмещается ли только реальный ущерб или упущенная выгода? Социалистическая законность. 1968. № 2. С. 43; Михлин А.С. Последствия преступления. М., 1969, с. 24-25.)

[2] Впрочем аргументы в пользу декриминализации данного состава нельзя свести лишь к тому обстоятельству, что отсутствует непосредственный дополнительный объект. Аргументы нашей позиции будут представлены в параграфе, посвященному данному составу преступления.

имущество[1]. Отдельные ученые полагают, что ч.1 ст. 159 УК РФ предусматривает два самостоятельных состава преступления, разграничение которых основано на предмете преступления[2]. Другие хищение имущества и приобретение права на имущество рассматривают как две самостоятельные формы[3]. Следует отчасти поддержать позицию тех ученых, которые говорят, что: «Мошенничество является формой хищения и обладает всеми признаками хищения, перечисленными в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, с той лишь разницей, что предмет посягательства при мошенничестве шире, чем предмет других форм хищения»[4].

Статья 128 ГК РФ определяя объектами гражданских прав имущество, результаты работ и оказание услуг, интеллектуальную собственность и нематериальные блага, уточняет, что под имуществом понимаются вещи, включая наличные деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, **имущественные права** (выделено авт.). В связи с этим С.В. Розенко, К.А. Мурзина приходят к выводу, что диспозиция ст. 159 УК РФ изложена в усложненном виде, предусматривая ответственность и за хищение имущества и за приобретение права на чужое имущество[5]. И коль скоро гражданское законодательство имущественные права включает в понятие имущества, очевидно указание в диспозиции ч.1 ст. 159 УК РФ приобретение права на чужое имущество как самостоятельный предмет данного преступления

---

[1] См., например: Суслина Е.В. К вопросу об объекте мошенничества и иных обманных имущественных посягательств // Российский юридический журнал. 2007. № 1. С. 149-151.

[2] Волженкин Б.В. Мошенничество. С. 20. См. также: Лимонов В. Понятие мошенничества // Законность. 1997. № 11. С. 41;Тамазов И.А. Объект и предмет мошенничества // Современное право. 2010. № 12. С. 129-131.

[3] См.: Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищения или вымогательства // Государство и право. 2000. № 12. С. 11 – 19; Белов Е.В. Мошенничество с недвижимостью в жилищной сфере: способы совершения и проблемы квалификации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 9;Южин А.А. Указ. соч. С. 36.

[4] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 2 т. / Под ред. О.Ф. Шишова. М., 1998. Т. 2. С. 22.. Аналогичная точка зрения: Курс уголовного права / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. Т. 3. С. 436; Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. С. 200; Вишнякова Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности. Омск, 2008. С. 100-101.

[5] Розенко С.В., Мурзина К.А. Особенности квалификации мошенничества по уголовному законодательству Российской Федерации // Вестник Югорского государственного университета. 2017. № 1-2 (44). С. 113-116.

является излишним. Об искусственности данной конструкции говорилось неоднократно[1].

Мы солидарны с теми учеными, которые имущество и право на имущество рассматривают как тождество, а исключение из диспозиции ч.1 ст. 159 УК РФ данного уточнения могло бы завершить давнюю дискуссию о пределах понимания предмета преступления, предусмотренного всеми составами о мошенничестве.

Тем не менее, термин «имущество» является собирательным и разнородным по своему составу. Гражданско-правовая доктрина понимает имущество как вещи материального мира и имущество как право на имущество. Последнее не всегда имеет материальное воплощение, тем не менее в отдельных случаях могущее стать предметом хищения. Например, лицо, намереваясь получить бессрочную аренду на земельный участок по заниженной арендной плате, предоставляет в государственный орган ложную информацию о качестве земель, либо фактических целях ее дальнейшего использования. С точки зрения гражданского права речь идет о праве на имущество (т.е. не вещи), тогда как в доктрине уголовного права общепризнанным является положение о том, что все хищения являются предметными преступлениями, (т.е. предметом хищения является вещь материального мира). Уточнение в диспозиции ст. 159 УК РФ посредством речевого оборота «приобретение права на чужое имущество» ориентирует правоприменителя на то, что мошеннические действия могут быть совершены не только в отношении вещей, но и в отношении права на имущество. Здесь принципиальное значение имеет то обстоятельство, что в гражданско-правовой доктрине «право на имущество» и «имущественное право» - понятия не равнозначные. Право на имущество определяет полномочия собственника (владельца), тогда как понятие «имущественное право» характерно для

[1] См., например: Кочои С.М. Преступления против собственности. М.: Проспект. 2014. С. 4; Кравцов И.А. Спорные вопросы предмета хищений чужого имущества, совершенных с использованием служебного положения // Вестник ВИ МВД России. 2010. №2. С. 90; Уголовное право: часть Общая, часть Особенная / Под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. С. 401.

вещного права, «…которое может быть реализовано путем непосредственного воздействия на вещь, без нужды в активных действиях другого лица, как это имеет место в обязательственных правоотношениях»[1].

В этом смысле самым «растиражированным» спором является спор о возможности (или невозможности) хищения недвижимого имущества[2]. Однако на сегодняшний день можно утверждать, что такая постановка вопроса потеряла свою актуальность, т.к. предметом хищения (особенно мошенничества) являются все объекты гражданских прав, изложенных в ст. 128 ГК РФ, за исключением интеллектуальной собственности и нематериальных благ. Полагаем, рассогласованность понятийного аппарата в доктрине гражданского и уголовного права по данному вопросу должна быть устранена. *Предлагаем ст. 158 УК РФ дополнить примечанием 1.1. следующего содержания: «Под предметом хищения в статьях настоящего Кодекса понимаются объекты гражданских прав за исключением интеллектуальной собственности и нематериальных благ». Такой подход, во-первых, позволит завершить давний спор о правовой сущности мошенничества, во-вторых, сведет на «нет» необходимость указания в диспозиции ст. 159 УК РФ текстуально излишнего оборота «приобретение права на чужое имущество», в-третьих, позволит более оперативно уголовному законодательству «реагировать» на изменения регулятивного законодательства. А самое главное, границы предмета хищения будут существенно расширены, не потеряв при этом четких очертаний*[3].

[1] Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / В.В. Андропов, К.П. Беляев, Б.М. Гонгало и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011.

[2] См, например: См., напр.: Иващенко С.Б. Уголовная ответственность за неправомерное завладение чужим имуществом: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998; Белов Е.В. Мошенничество с недвижимостью в жилищной сфере: способы совершения и проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012; Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищения или вымогательства // Государство и право. 2000. № 12. С. 11 - 19.

[3] О необходимости расширения предмета хищения говорит Н.А. Лопашенко, указывая, что необходимо реформировать понятие хищения, предусмотрев в самом этом понятии возможность его совершения в отношении права на имущества. (Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. С. 200.)

Данный подход позволит решить ряд сопутствующих, но не менее сложных и важных проблем. Например, криптовалюта, т.е. децентрализованная электронная валюта, стала предметом проекта закона об уголовной ответственности за оборот денежных суррогатов. Министерство финансов РФ предлагало ввести в УК РФ статью 187.1 «Оборот денежных суррогатов» и установить ответственность в виде штрафа до 500 тысяч рублей либо лишения свободы на срок до четырех лет за изготовление, приобретение в целях сбыта, а равно сбыт денежных суррогатов[1]. Также Минфин РФ предлагал внести изменения в ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», касающиеся запрета операций с денежными суррогатами, в то время как в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предполагалось расширить полномочия Банка России, в соответствии с которыми он смог бы принимать решения о признании того или иного денежного суррогата средством платежа. Права Э.Л. Сидоренко задавая вопрос: «Если легитимность того или иного финансового инструмента определяется исключительно федеральным законодательством, то почему на его признание правомерным влияет решение ЦБ РФ, которое оформляется как подзаконный правовой акт?»[2]. Более того, регулятивное законодательство должно в первую очередь определить вопросы, связанные с легализацией криптовалюты, когда будет доработано законодательство о платежной системе, о лицензировании отдельных видов деятельности, налоговое и банковское законодательство, определены зоны контроля и т.д.

Поэтому любые формы хищения, предметом которых явилась криптовалюта, не подпадает под уголовно-правовую охрану. Учитывая, какой

[1] Единый портал для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения // http://regulatio№.gov.ru/

[2] Сидоренко Э.Л. Стратегии регулирования криптовалюты в российском законодательстве: прогнозы на будущее // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. №2 (71). С. 176-182.

масштаб сегодня приобрели сделки с криптовалютой[1], попыткой «урезонить» данный процесс стало указание Федеральной службы по финансовому мониторингу РФ, что использование криптовалют при совершении сделок является основанием для рассмотрения вопроса об отнесении таких сделок (операций) к сделкам (операциям), направленным на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма[2]. Такой подход напоминает практику работы советских правоохранительных органов, когда мужчины привлекались к уголовной ответственности за мужеложство, а за лесбиянство, за неимением соответствующей нормы, привлекали к ответственности за хулиганство.

Для определения границ действия норм о мошенничестве, необходимо выделить обязательные признаки предмета. Доминирующей точкой зрения является выделение трех признаков: физический, экономический и правовой[3], где физический признак означает материальность предмета, экономический свидетельствует, что имущество имеет потребительскую значимость, меновую стоимость, и оно должно быть выделено из естественного состояния, т.е. опосредовано через человеческий труд. Юридический признак указывает на наличие законного владельца, следовательно, для виновного оно должно быть чужим.

В то же время отдельные составы преступлений главы 21 свидетельствуют, что далеко не во всех случаях предмет преступления обладает всеми тремя указанными признаками. Например, предметом преступления, предусмотренного ст. 159.3, 159.6 УК РФ являются

---

[1] Только по приблизительным подсчетам, в 2016 году по сравнению с 2010 годом объем вычислительной мощности наиболее популярной виртуальной валюты Bitcoi№ возросла в 100 триллионов раз, а по сравнению с 2015 годом – в 10 раз. Только за последний год оборот криптобирж увеличился в 8,5 раза (с 48 до 415 млн. долларов), число крупных биткойн-компаний – в 3,5 раза (с 14 до 59), а биткойн-автоматов – в 2 раза. Кроме того, существенно возросла стоимость биткойна (далее – BTC): с 0,003 долл. США (начало продаж в апреле 2010 г.) до 607 долл. США в сентябре 2016 г. // Bitcoi№s calculator a№d curre№cy // http://bitkurs.ru/

[2] Информационное сообщение «Об использовании криптовалют» // Федеральная служба по финансовому мониторингу URL: http://www.fedsfm.ru/№ews/957

[3] Сунчалиева Л.Э. Мошенничество (уголовно-правовой и криминологический аспект): дис. …канд. юрид. наук Ставрополь. 2004. С. 61; См.: Уголовный кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий. М., 1997. С. 336 - 337.

безналичные денежные средства, которые физическим признаком не обладают. Но коль уж скоро ст.128 ГК РФ безналичные денежные средства относит к имуществу, очевидно, рассматриваемый признак можно признать неким «архаизмом». Данные три критерия в большей мере характеризуют термин «вещь», которая согласно гражданскому законодательству является имуществом. На необходимость исключения физического признака предмета хищения косвенно указывает Н.А. Лопашенко, анализируя положения ч.3 ст. 158 УК РФ: «Так очень тихо и незаметно в уголовном праве произошла революция в понимании предмета преступлений против собственности (предмета хищений особенно)»[1]. Позволим некоторое отступление. Н.А. Лопашенко критикует законодателя, предусмотревшего кражу только из газопровода, нефтепродуктопровода и нефтепровода, не распространив на все другие виды энергии. Очевидно законодатель исходил именно из того обстоятельства, что содержимое газопровода, нефтепродуктопровода и нефтепровода вполне осязаемы (газ в газопроводе находится в жидком состоянии), тогда как иные виды энергии не могут быть осязаемы в принципе. В силу этого вопрос о «незаметной и тихой революции» остается под сомнением. Физический признак предмета хищения в данном случае сохранен.

Однако мы солидарны с позицией Н.А. Лопашенко[2], А.В. Шульги[3] и других авторов[4], утверждающих, что давно пора отказаться от «старых» подходов. В 2013 году в гражданское законодательство были внесены изменения,[5] согласно которым в качестве объектов гражданских прав были включены безналичные денежные средства и бездокументарные ценные

[1] Лопашенко Н.А. Указ. соч. С.36.
[2] Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. С. 30-31.
[3] См.: Шульга А.В. Объект и предмет преступлений, посягающих на собственность, в условиях рыночных отношений и информационного общества: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 12.
[4] См., например: Хабаров А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1999. С. 11; Вишнякова Н.В. Указ. соч. С. 153.
[5] Федеральный закон от 02.07.2013 №142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 145. 05.07.2013.

бумаги. На наш взгляд, выделение физического признака предмета хищения будет противоречить регулятивному законодательству. Поэтому предмет мошенничества обладает только двумя признаками – экономическим и юридическим.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что непосредственным объектом мошенничества является общественные отношения собственности независимо от ее формы.

Все специальные виды мошенничества являются двухобъектными преступлениями, где дополнительным непосредственным объектом выступает определенная сфера (предпринимательская, кредитная, социальная, страховая сфера, сфера компьютерной информации). Из всех специальных видов мошенничества дополнительный непосредственный объект отсутствует только в ст. 159.3 УК РФ, что ставит под сомнение необходимость существования нормы в качестве самостоятельного состава преступления.

Предмет мошенничества имеет два обязательных признака – экономический и юридический, где экономический свидетельствует, что имущество имеет потребительскую ценность, стоимость и опосредовано через человеческий труд, а юридический признак указывает на наличие законного владельца.

Имущество и право на имущество необходимо рассматривать как тождество, поэтому исключение из диспозиции ч.1 ст. 159 УК РФ данного уточнения могло бы завершить давнюю дискуссию о пределах понимания предмета преступления, предусмотренного всеми составами о мошенничестве и единообразному пониманию имущества в гражданско-правовой и уголовно-правовой доктрине.

*В силу того, что предметом мошенничества могут быть все объекты гражданских прав, изложенных в ст. 128 ГК РФ, кроме интеллектуальной собственности и нематериальных благ, предлагаем ст. 158 УК РФ дополнить примечанием 1.1. следующего содержания: «**Под предметом хищения в***

статьях настоящего Кодекса понимаются объекты гражданских прав за исключением интеллектуальной собственности и нематериальных благ». *Такой подход, во-первых, позволит завершить давний спор о правовой сущности мошенничества, во-вторых, сведет на «нет» необходимость указания в диспозиции ст. 159 УК РФ текстуально излишнего оборота «приобретение права на чужое имущество», в-третьих, позволит более оперативно уголовному законодательству «реагировать» на изменения регулятивного законодательства. А самое главное, границы предмета хищения будут существенно расширены, не потеряв при этом четких очертаний, а гражданское и уголовное законодательство станут менее противоречивыми в понимании одних и тех же терминов.*

1.3. Значение признаков объективной стороны в дифференциации мошенничества

Как известно, все признаки объективной стороны делятся на обязательные и факультативные. В рамках нашего исследования мы будем акцентировать внимание на те признаки объективной стороны состава преступления, которые на наш взгляд в большей степени вызывают сложности в правоприменительной деятельности, не ставя перед собой цели углубляться в повторение известных истин.

Деяние. Принято считать, что хищение возможно совершить только путем действия. Однако более детальный анализ видов мошенничества позволяет констатировать тот факт, что и путем бездействия может совершаться незаконное изъятие чужого имущества. Речь идет о так называемом пассивном обмане, когда лицо умалчивает о фактах и у потерпевшего создается искаженное представление об объективной действительности. Законодатель акцентирует внимание в ч.1 ст. 159.2 УК РФ на данное обстоятельство, указывая, что мошенничество при получении выплат может совершаться путем «представления заведомо ложных и (или недостоверных) сведений, а равно **путем умолчания о фактах** (выделено авт.), влекущих прекращение указанных выплат». Можно бы было

подвергнуть критике такую, на первый взгляд, казуистичную формулировку диспозиции ст. 159.2 УК РФ в связи с тем, что доктриной уголовного права давно выработано деление обмана на пассивный и активный, а позиция Верховного Суда РФ является аналогичной доктринальной[1]. Однако в практической деятельности данное нормативное уточнение исключило незаконные отказы в возбуждении уголовных дел, имевшие место до 2012 года ввиду «…отсутствия события преступления»[2]. Так в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела г. Мончегорска от 27.02.2011 указано, что «В. ложные сведения в Пенсионный Фонд РФ не предоставлял, а полученная им пенсия от работника Почты России принадлежит умершей его родственнице…»[3]. В другом постановлении указано, что Б. не предпринимал никаких действий, направленных на незаконное получение субсидии. Из пояснений Б. видно, что ему было неизвестно, что он обязан сообщать в соответствующие органы об изменении в его социальном статусе»[4], «…в показаниях гражданина П. не выявлено ложных сведений, поэтому в его действиях отсутствует состав преступления…».[5] Учитывая, что инициатором введения специальных видов мошенничества являлся Верховный Суд РФ, данная формулировка очевидно была заимствована из п. 11 абз. 3 Постановления Верховного Суда РФ №51, где говорилось о том, что хищение может быть совершено «…также путем умолчания о прекращении оснований для получения указанных выплат»[6].

Преступные последствия. В доктрине уголовного права общепризнанным является утверждение, что все формы хищения, к которым

[1] См. п.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»

[2] См, например: Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 11.06.2011 г. Курск. [электронный ресурс] // URL: https://ya№dex.ru/images/search?img_url=.

[3] Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 27.02.2011 г. Мончегорск. [электронный ресурс] // URL: https://ya№dex.ru/images/search?img

[4] Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 27.08.2011 г. Пермь. [электронный ресурс] // URL: https://ya№dex.ru/images/search?img

[5] Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 14.11.2011 г. Тула. [электронный ресурс] // URL: https://ya№dex.ru/images/search?img

[6] Аналогичное указание содержится в п.16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 30.11.2017 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

также относится мошенничество, по конструкции объективной стороны состава преступления являются преступлениями с материальным составом. В связи с этим, говоря о преступных **последствиях,** их необходимо понимать в узком смысле, т.е. как конкретный ущерб, предусмотренный составом преступления. Н.Ф. Кузнецова понимала их как «последствия вообще» и «последствия как элемент состава»[1], за что была подвергнута критике[2]. Не включаясь в данный спор, носящий исключительно теоретический характер, отметим, что действительно ущерб, причиненный конкретным преступлением конкретному лицу, причиняет вред в целом обществу и государству.

Ущерб, причиняемый при совершении любого вида мошенничества, носит прямой (реальный положительный) материальный характер. Иными словами неполучение должного (некоторые авторы называют это упущенная выгода[3]) не может считаться вредом, причиненным в результате мошеннических действий. В этом заключается принципиальная разница со ст. 165 УК РФ и гражданско-правовыми спорами.

Рассматриваемый признак объективной стороны состава преступления в научной литературе в основном обсуждается на предмет обоснованности закрепленных законодателем размеров причиненного вреда (как с позиций их социально-экономической обоснованности, так и с позиций соотношения с размером наказания) и момента окончания. Рассмотрим указанные вопросы.

В представленных ниже таблицах отчетливо отражена непоследовательность законодателя в определении санкций и размера причиненного преступлением ущерба.

Таблица1.

Статья УК РФ	Санкция и размер			
	ч.1	ч.2; ч.5 ст. 159	ч.3; ч.6 ст. 159	ч.4; ч.7 ст. 159
159 УК РФ	до 2 лет лишения свободы	до 5 лет	до 6 лет	до 10 лет
159.1 УК РФ	нет лишения свободы	до 4 лет	до 6 лет	до 10 лет
159.2 УК РФ	нет лишения свободы	до 4 лет	до 6 лет	до 10 лет
159.3 УК РФ	нет лишения свободы	до 5 лет	до 6 лет	до 10 лет

[1] Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. С. 38.
[2] Тимейко Г. В. Указ. соч. С.70.
[3] Тимейко Г.В. Указ. соч. С.89.

159.5 УК РФ	нет лишения свободы	до 5 лет	до 6 лет	до 10 лет
159.6 УК РФ	нет лишения свободы	до 5 лет	до 6 лет	до 10 лет

«Нехватку» в санкциях ч.2 ст.159.1 и 159.2 УК РФ, очевидно, следует объяснить тем, что в данных частях имеет место такой квалифицирующий признак как групповое совершение мошенничества, тогда как указание на альтернативный квалифицирующий признак – «причинение значительного ущерба гражданину» отсутствует.

Таблица 2.

Статья УК РФ	Размер ущерба			
	ч.1	**ч.2** (значительный)	**ч.3** (крупный)	**ч.4** (особо крупный)
159 УК РФ	до 5000 руб.	от 5000 до 250 тыс. руб.	от 250 тыс. до 1, 5 млн. руб	от 1 млн руб.
		ч.5	**ч.6**	**ч.7**
		от 10 тыс. руб.	3 млн. руб.	12 млн руб.
159.1 УК РФ	до 1,5 млн руб.	до 1,5 млн руб.	от 1,5 млн до 6 млн руб.	от 6 млн руб.
159.2 УК РФ	до 250 тыс руб.	до 250 тыс руб.	от 250 тыс. до 1 млн. руб	от 1 млн руб.
159.3 УК РФ	до 1,5 млн руб.	от 1,5 млн до 6 млн руб.	от 6 млн руб.	часть отсутствует
159.5 УК РФ	до 5000 руб.	от 5000 до 1,5 млн руб.	от 1,5 млн до 6 млн руб.	от 6 млн руб.
159.6 УК РФ	до 5000 руб.	от 5000 до 1,5 млн руб.	от 1,5 млн до 6 млн руб.	от 6 млн руб.

Здесь еще уместно отметить, что с 2016 года в уголовном законе имеет место и мелкое мошенничество, именуемое как мелкое хищение в ст. 158.1 УК РФ. Норма сформулирована как бланкетная, отсылающая к ч.2 ст. 7.27 КоАП РФ. Таким образом, мошенничество, совершенное в любой сфере, является уголовно ненаказуемым в случаях, если стоимость похищенного не превышает 1000 рублей. В случае совершения любого хищения имущества повторно в размере от 1000 до 2500 руб., т.е. «…лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное частью 2 статьи 7.27 КоАП РФ», наступает уголовная ответственность по ст.158.1 УК РФ. Здесь стоит несколько слов сказать о повторности, понимаемом

уголовным законом как «лицо, подвергнутое административному наказанию…». Дело в том, что в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, считается со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. Иными словами, год исчисляется с момента выплаты всей суммы штрафа, со следующего дня после отбытия ареста либо со следующего дня после отработки всех часов обязательных работ, назначенных в качестве наказания по ст. 7.27 КоАП РФ.

В случае совершения мошенничества, причинившего ущерб собственнику либо иному законному владельцу в размере от 2500 руб., ответственность наступает либо за «простое» мошенничество, т.е. по ст.159 УК РФ либо за один из видов специального мошенничества, т.е. по ст. 159.1-159.6 УК РФ соответственно. Если же стоимость похищенного составляет более 5000 рублей и данный ущерб является значительным для гражданина, ответственность наступает по одной из норм, предусмотренныхч.2 ст. 159, ч.2 ст. 159.3, ч.2 ст. 159.5, ч.2 ст. 159.6 УК РФ.

А.А. Южин полагает, что существующий критерий определения размера похищенного в части «простого» мошенничества и мошенничества с причинением значительного ущерба гражданину не отвечает современным реалиям и предлагает поднять этот размер в 6 раз, как это было сделано в соответствии с Федеральным Законом от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ в статьях 159.1, 159.3, 159.4, 159.5, 159.6 УК РФ, применительно к крупному и особо крупному размеру ущерба[1]. Как видно из ФЗ № 323-ФЗ от 03.06.2016 законодатель не стал «рубить с плеча» и серьезно увеличивать размеры неквалифицированного и квалифицированного хищения. Фактически порог уголовной ответственности за неквалифицированное хищение был поднят в 2,5 раза, а за квалифицированное хищение (по признаку значительного ущерба

[1] Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве. Дис. …канд. юрид. наук. Москва, 2016. С. 97-98.

гражданину) в 2 раза. Очевидно, существенное увеличение «планки» размера похищенного, не подпадающего под действие уголовно-правовой нормы, могло бы привести к увеличению числа мелких хищений. Что касается тех лиц, которые совершают хищения до 5 тыс. руб., то уголовное законодательство предусматривает достаточный арсенал уголовно-правовых средств для того, чтобы такие лица испытали определенные лишения как морального, так и материального свойства, но без назначения наказания (судебный штраф, примирение с потерпевшим, деятельное раскаяние). Поэтому решение законодателя в этой части следует поддержать.

Исключением из данного правила является мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, где ответственность наступает только в случае причинения ущерба свыше 10 тыс. руб., т.к. законодатель не предусмотрел неквалифицированное мошенничество в указанной сфере. Возникает вопрос. Как квалифицировать действия виновного, если мошенничество сопряжено с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если причиненный ущерб составил до 10 тыс. руб.? Очевидно в таком случае необходимо квалифицировать действия виновного как «простое» мошенничество. Однако Верховный Суд РФ указал, что уголовные дела по «предпринимательскому мошенничеству» подлежат пересмотру в том случае, если лицо осуждено по статье 159.4 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 ноября 2012 года N 207-ФЗ) или по любой из частей статьи 159 УК РФ за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, когда сторонами договора являются только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации и стоимость похищенного чужого имущества составляет менее десяти тысяч рублей. Такое лицо с учетом примечания 1 к статье 159 УК РФ (в

новой редакции) подлежит освобождению от наказания ввиду устранения преступности деяния, содержащего указанные признаки[1].

Если же стоимость похищенного составляет десять тысяч рублей или большую сумму, но не превышает трех миллионов рублей, действия лиц, осужденных за мошенничество, содержащее указанные признаки, по части 3 или части 4 статьи 159 УК РФ (в редакции Федерального закона от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ), подлежат переквалификации на часть 5 статьи 159 УК РФ, а если не превышает двенадцати миллионов рублей, - на часть 6 статьи 159 УК РФ[2].

В пояснительной записке к законопроекту было указано, что проект направлен на формирование условий для создания благоприятного делового климата в стране, сокращению рисков ведения предпринимательской деятельности, исключению возможностей для давления на бизнес с помощью механизмов уголовного преследования[3].

Полагаем, сколько-нибудь серьезных доводов необходимости установления существенно завышенных размеров причиненного вреда для мошенничества, совершенного в сфере предпринимательской деятельности, авторы законопроекта не высказали. Учитывая, что и Верховный Суд РФ не соглашался с такими высокими размерами, в законопроекте указано: «… Верховным Судом РФ не принят во внимание тот факт, что все иные специальные виды мошенничества не имеют никакого отношения к предпринимательской деятельности и, как правило, совершаются физическими лицами[4]. Верховный Суд РФ совершенно справедливо отметил, что крупный и особо крупный размер, применительно к мошенничеству,

---

[1] Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ - 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 12.

[2] Там же.

[3] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ» [электронный ресурс] // http://asozd2.duma.gov.ru/mai№.№sf/%28Spravka№ew%29?Ope№Age№t&R№=1083199-6&02

[4] Там же.

ответственность за которое установлена общими нормами – ч.1-4 ст. 159 УК РФ, мошенничеству в сере предпринимательской деятельности, которое предлагается предусмотреть в ч. 5-7 ст. 159 УК РФ, и мошенничеству, ответственность за которое предусмотрены иными специальными нормами, по-прежнему будет различаться **принципиальным и существенным образом** (выделено авт.)[1].

К слову сказать, позиция Верховного Суда РФ в вопросе единообразного подхода к определению размеров вреда во всех составах мошенничества остается неизменной с момента введения в 2012 году специальных видов мошенничества. Учитывая, что нормы о мошенничестве пересматривались на законодательном уровне не один раз, рассчитывать на реализацию на законодательном уровне мнения Верховного Суда РФ не приходится, хотя на наш взгляд, именно она соответствует принципу справедливости. Необходимость определения единых размеров вреда является доминирующей и в научной литературе. Отдельные авторы предлагают дифференцировать размеры в зависимости от принадлежности имущества, т.е. для физических и юридических лиц[2]. Полагаем, причинение ущерба по признаку значительности для потерпевшего должно быть единым не только по сумме, но и для всех форм собственности, критерии крупного и особо крупного размера также должны быть одинаковыми во всех составах мошенничества, поэтому *примечания 1,2,3 ст. 159 УК РФ, примечание ст. 159.1 УК РФ необходимо признать утратившими силу*.

Итак, по размеру причиненного ущерба почти все виды мошенничества делятся на административно-наказуемое (ст. 7.27 КоАП РФ – до 1000 руб.), уголовно-наказуемое с административной преюдицией (ст. 158.1 УК РФ – от 1000 до 2500 руб), основной состав мошенничества (ч.1 ст. 159 УК РФ – от

[1] Официальный отзыв на проект федерального закона Верховного Суда РФ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ» [электронный ресурс] // http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_6.№sf/ByID/942421615760C84A43257FC00033C0B3/$File/%D0%92%D0%A1.pdf?Ope№Eleme№t

[2] См, например: Южин А.А. Указ. соч. С. 99.

2500 руб. до 5000 руб.), мошенничество с причинением значительного ущерба гражданину (ч.2 ст. 159, ч.2 ст. 159.3, ч.2 ст. 159.5, ч.2 ст.159.6 УК РФ – от 5000 руб. до 250 тыс. руб.), мошенничество в крупном размере (ч.3 ст. 159, ч.3 ст. 159.2 УК РФ - от 250 тыс. руб. до 1 млн руб; в других специальных видах мошенничества крупный размер составляет от 1,5 тыс. руб. до 6 млн), мошенничество в особо крупном размере (ч. 4 ст. 159, ч.4 ст. 159.2 УК РФ – от 1 млн руб., в других специальных видах мошенничества – от 6 млн руб.).

Исключением из правил является мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, содержащее не только свои размеры крупного и особо крупного размера причиненного ущерба, но и содержащее новый квалифицирующий признак – «значительный ущерб».

Складывается парадоксальная ситуация: в случае причинения значительного ущерба гражданину, необходимо не только установить формальный критерий стоимости похищенного в 5000 рублей, но и определить соотношение данного ущерба с доходами гражданина, тогда как мошенничество в сфере предпринимательской деятельности устанавливает исключительно формальный признак – 10000 рублей, как криминообразующий, в то время как необходимости доказывать соотношение данного ущерба с финансовыми возможностями частного предпринимателя или юридического лица (т.к. только они могут быть потерпевшими по «предпринимательскому мошенничеству») не требуется.

В научной литературе рассматриваемый признак (значительный ущерб гражданину) наиболее подвержен критике. Он не учитывается в случае причинения ущерба государству, юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю. Очевидно, что последний правоприменительной практикой не должен восприниматься как гражданин (а соответственно, рассматриваемый признак не применим), когда изъятое имущество было в обороте как субъекта предпринимательской деятельности. Сам факт того, что лицо зарегистрировано в качестве ИП не может предрешать вопрос о квалификации в части определения критерия причиненного ущерба. Однако,

при всей очевидности вывода, на практике не единичны случаи, когда наличие свидетельства ИП, позволяло суду не признавать его потерпевшим по ч. 2 ст. 159 УК РФ[1].

Доводы современных авторов, указывающих на необходимость декриминализации рассматриваемого признака, сводятся к тому, что Конституция РФ провозгласила равную защиту всех форм собственности. Аргументы сторонников сохранения признака заключаются в следующем: «Ущерб свыше 250 тыс. руб. и свыше 1 млн. руб. юридическим лицам гораздо легче перенести, нежели чем физическим лицам, ввиду коллективного разделения убытков между членами организации. Для юридических лиц такой ущерб напрямую связан с осуществляемой его деятельностью, когда же затрагиваются имущественные интересы определенного человека, то для него подобный ущерб равносилен как удар по его жизненным ценностям и может привести к существенным последствиям, связанным с его выживанием»[2].

Принимая аргументы как сторонников, так и противников существования данного признака в уголовном законодательстве, полагаем, наиболее оптимальным выходом из данной ситуации была бы формулировка данного признака *«с причинением значительного ущерба»*, т.е. без привязки к гражданину. Во-первых, в такой формулировке признак уже появился в ч.5 ст. 159 УК РФ, касающейся предпринимательского мошенничества, во-вторых, спор о неравной защите всех форм собственности был бы завершен

[1] Так, Д. путем обмана из павильона, принадлежащего индивидуальному предпринимателю В., изъяла ее личную сумку, где находились денежные средства в размере 5560 рублей и иконка. На предварительном следствии действия Д. были квалифицированы как мошенничество с причинением значительного ущерба гражданину. В судебном заседании государственный обвинитель не согласилась с такой квалификацией действий подсудимой, полагала правильным исключить из обвинения квалифицирующий признак «причинение значительного ущерба гражданину». Свою позицию государственный обвинитель мотивировала тем, что похищенные у В. денежные средства находились в ее обороте как субъекта предпринимательской деятельности, и именно как лицу, осуществляющему индивидуальную предпринимательскую деятельность, потерпевшей был причинен преступлением ущерб. Суд согласился с позицией государственного обвинителя (Приговор Ангарского городского суда Иркутской области от 15.06.2015. Дело № 1-193/2015 [электронный ресурс] // ГАС Правосудие: URL: http://bsr.sudrf.ru)

[2] Южин А.А. Указ. соч. С. 99-100. Аналогичная позиция С.М. Кочои: Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. Учебно-практическое пособие, 2-е изд., доп. и перераб. М., 2000. С. 168-169.

окончательно, в-третьих, учет имущественного положения важен не только в случае с гражданином, но и юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем. Совершенно очевидно, что хищение со значительным ущербом для юридического лица, владеющего, скажем, одной парикмахерской может быть «…равносилен как удар по его жизненным ценностям и привести к существенным последствиям, связанным с его выживанием»[1], равно как и для физического лица.

Сказанное позволяет предложить следующую редакцию примечания 2 ст. 158 УК РФ: *«Значительный ущерб в статьях настоящей главы, определяется с учетом имущественного положения потерпевшего, но не может составлять менее пяти тысяч рублей».*

Наиболее сложным, и как следствие представляющим практический и научный интерес из всех факультативных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 159-159.6 УК РФ, представляет способ совершения преступления. Именно специфический способ совершения деяния отличает мошенничество от других форм хищений.

Для специальных составов мошенничества криминообразующим признаком иногда выступает еще и средство совершения преступления (ЭВМ при совершении мошенничества в сфере компьютерной информации, кредитная карта при совершении мошенничества с использованием платежных карт). Учитывая рамки и тематику исследования, полагаем необходимым остановиться на исследовании такого факультативного признака объективной стороны состава преступления как способ, в силу того, что иные признаки на квалификацию не влияют. Специфические орудия преступления будут рассмотрены в рамках других параграфов, посвященным специальным составам мошенничества.

Способ. Г.В. Тименко способ понимает как форму выражения вовне преступного деяния, обращая внимание, что он существует не сам по себе, а

[1] Южин А.А. Указ. соч. С. 100.

взят наряду с действием (бездействием) [1]. Более точно, на наш взгляд, высказывается С.В. Шиловский, указывая, что способ совершения преступления в качестве признака состава преступления, как и сам состав преступления в целом, является фикцией, то есть «выдумкой» законодателя, поскольку он искусственно отчленен от деяния, выделен в качестве отдельного признака состава преступления, хотя в преступлении, происходящем в объективной действительности, он слит с деянием, выступает в формах конкретных действий, тех приемов и методов, которыми преступник воздействует на предмет посягательства[2].

Существуют точки зрения в литературе о том, что обман и злоупотребление доверием являются также и средством мошеннического получения имущества[3]. Другие авторы полагают, что обман, злоупотребление доверием выступают в качестве способа, средства или условия совершения преступления[4]. Понятие «средства преступления» употребляется в юридической литературе и в законодательстве также в другом специальном смысле. Под средствами понимают обычно вещи, документы, различные приспособления и механизмы, иначе говоря, материальные предметы, используемые преступником для совершения преступления[5]. Следовательно, предпочтительнее говорить об обмане (злоупотреблении доверием) только как о способе совершения преступления.

В научной литературе имеет место расширительное понимание обмана[6], основанное не только на общеупотребительном, но и на юридическом и

---

[1] Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. Изда-во Ростовского университета, 1977. С.6.

[2] Шиловский С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и дифференцирующее средство: дис. ... канд. юрид. наук. Архангельск, 2014. С. 64.

[3] См.: Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. С. 49; Соловьев О.Г. Уголовно-правовые средства охраны бюджетных отношений: проблемы юридической техники. Ярославль : ЯрГУ, 2008. С. 90.

[4] См.: Кронин А.Г. Мошенничество: спорные вопросы квалификации неоконченного состава // Следователь. 2003. № 2. С. 34.

[5] Кузнецова А.Н. Уголовно-правовой анализ обмана и злоупотребления доверием при совершении мошенничества (ст. 159 УК РФ) // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 67-70.

[6] См.: Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М.: Норма-Инфра-М., 1998. С.295-304; Талан М.В. Преступления в

оценочном критерии словесного обозначения способов совершения преступления в уголовном законодательстве[1]. Действительно приемы фиксации признаков обмана, например, в преступлениях в сфере экономической деятельности, отличаются от используемых законодателем приемов формулирования юридической природы обмана в преступлениях против собственности[2]. Прав Б.В. Яцеленко, что в преступлениях против собственности термин «обман» используется в общеупотребительном понимании[3].

Следуя определению обмана, изложенного в словаре С.И. Ожегова, под которым понимается «ложное представление о чем-нибудь, заблуждение»[4], в уголовном праве сформулированы в целом схожие определения обмана, например, «искажение истины или умолчание об истине»[5], «…умышленное искажение или сокрытие истины или сокрытие истины с целью ввести в заблуждение другое лицо»[6] Г.Н. Борзенков определяет обман как всякое искажение истины или умолчание об истине[7]. В данной формулировке, как видим, представлены две формы обмана – активная и пассивная. Однако более детальный анализ специальных составов мошенничества обнаруживает некую «новую» форму обмана – «предоставление недостоверных сведений» (ст. 159.1 УК РФ).

Соответственно чем ложные сведения отличаются от недостоверных? С.В. Шевелева, М.Н. Урда указывают, что в контексте ст. 159.1. УК РФ

сфере экономической деятельности: вопросы теории и законодательного регулирования. Казан, 2001. С.95.

[1] См.: Коняхин В.П. Уголовно-правовое значекние способа совершения преступления // Уголовное право в борьбе с преступностью. М., 1981. С.117.

[2] Более подробно: Степанов Ю.И. Уголовно-правовая характеристика обмана как признака преступлений в сфере экономики. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001.

[3] Яцеленко Б.В., Гуйва О.А. Обман как способ совершения преступлений в сфере экономической деятельности и уголовный закон // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 3. С. 30-40.

[4] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений. М.,2011.

[5] Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М., 1974. С. 150; Джинджолия Р.С. Об оценочных понятиях обмана и злоупотребления доверием в статьях Особенной части УК РФ // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 18 - 21.

[6] Кузнецов А.В. Ответственность за подлог документов по уголовному праву. М., 1959. С.71.

[7] См.: Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество: вопросы квалификации // Законность. 2000. № 3. С. 30.

указанные термины различаются следующим: ложная информация – это информация изначально содержащая не соответствующие действительности сведения. Недостоверные сведения могут изначально не быть ложными, но при определенных условиях (о которых несомненно знает заемщик) способны приводить кредитора к ошибочным представлениям о фактическом финансовом положении акцептанта. Например, потенциальный заемщик представляет банку реальную справку 2-НДФЛ и другие документы, которые требует банк, однако умалчивает о своих существенных финансовых обязательствах по договору найма, залога и т.п[1]. Другая группа ученых полагает, что в данных терминах нет разницы, т.е. это синонимы[2]. В целом поддерживая позицию С.В. Шевелевой и М.Н. Урда, следует уточнить, что законодатель, акцентируя внимание на способе предоставления информации, подчеркнул, что в указанном составе преступления обман может быть только активным.

Обман или злоупотребление доверием представляет собой акт человеческого поведения. Как справедливо отмечается в литературе, в составе мошенничества обман и злоупотребление доверием «выступают в роли вспомогательного действия, обеспечивающего выполнение основного действия, и включаются в него»[3]. *Иными словами обман реализуется не столько для того, чтобы ввести лицо в заблуждение, сколько «заставить» его совершить какое-либо действие.* Если обман понимать слишком широко, то отдельные виды хищения сложно будет отграничить от мошенничества либо непреступное поведение от преступного. Например, лицо, проникающее в квартиру под видом работника районной поликлиники, несет

[1] Шевелева С.в., Урда М.Н. Проблемы применения ст. 159.1 УК РФ // Уголовное право. 2013. №1. С. 2-4.

[2] Чесноков М.В. Обман как способ совершения мошенничества в сфере кредитования // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 5. С. 76-78

[3] Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, 1982. С. 35; аналогичная точка зрения: «…само по себе искажение истины или умолчание о ней не есть обман, если оно не направлено на введение в заблуждение другого лица» (Сабитов Р.А. Понятие и признаки криминального обмана // Уголовное право. 2015. № 5. С. 86 – 89).

ответственность за кражу[1]; директор либо биржевой аналитик, обладающий авторитетом в деловых кругах, высказываясь о неудачной сделке какой-либо компании, которая может привести к падению стоимости ее акций на бирже, может, таким образом, «заставить» акционеров продать свои акции по более низкой цене, не подлежит уголовной ответственности за мошенничество, хотя в бытовом понимании термина «обман» действительно обманывает акционеров, преследуя корыстные цели. Поэтому к предложенному выше пониманию обмана в его уголовно-правовом значении следует добавить, что *у потерпевшего субъективно не остается выбора в совершении действий либо этот выбор очевиден*. В силу этого мы не можем согласиться с позицией Г.Н. Борзенкова указывающего, что «…в содержание мошеннического обмана могут входить и другие обстоятельства, которые не служат непосредственным основанием для передачи имущества, но учитываются потерпевшим, когда он принимает решение о передаче имущества»[2].

Вопрос о соотношении терминов «обман» и «злоупотребление доверием» в последнее время все больше приобретает риторический характер, т.к. законодатель, с завидным постоянством внося изменения в нормы о мошенничестве, тем не менее не торопится расстаться с указанием в диспозиции ч.1 ст. 159 УК РФ на «злоупотребление доверием» как один из способов совершения мошеннических действий. Одни авторы считают, что злоупотребление доверием является самостоятельным способом мошенничества, другие – разновидностью обмана, третьи предлагают ввести в уголовный закон самостоятельный состав преступления против собственности, где способом совершения будет являться злоупотребление доверием.

[1] Козерод Д.Н. Специфика обмана как способа мошеннического хищения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 60. С. 145-147.
[2] Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. С. 209.

Так, Е.А. Красикова считает, что мошенничество может совершаться только одним способом: обман[1], в связи с чем предлагает исключить из диспозиции ч. 1 ст. 159 УК РФ указание на злоупотребление доверием как формообразующий способ мошенничества и предусмотреть норму о самостоятельном имущественном посягательстве: «Злоупотребление полномочиями, предоставленными в силу закона, договора либо иных правовых оснований, совершённое в корыстных целях при управлении чужим имуществом и причинившее имущественный ущерб представляемому лицу»[2].

Идея о том, что злоупотребление доверием должно представлять собой самостоятельный состав преступления, является далеко не новой в уголовно-правовой доктрине[3]. Действительно, развитие экономики, создание крупных корпораций, усложнение социально-экономических связей ведет к тому, что собственники имущества вынуждены передавать часть полномочий по управлению имуществом управляющим, менеджерам и иным наемным служащим, что влечет за собой расширение сферы преступной деятельности, где злоупотребление доверием выступает способом совершения преступления.

Однако в доктрине уголовного права имеет место другой подход к пониманию термина «злоупотребление доверием». Так, четко по этому вопросу высказывается Н.А. Лопашенко: «…в любом обмане элементы злоупотребления доверием присутствуют»[4], однако далее поддерживает позицию законодателя, выделившего в качестве самостоятельного способа

---

[1] Красикова А.А. Приобретение права на чужое имущество и хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Автореф. дис. … канд. юрид. наук., Екатеринбург, 2013. С.3.

[2] Там же. С. 4.

[3] См., например: Розенцвайг А.И. Категории «обман» и «злоупотребление доверием» в главе 21 УК РФ: современные вопросы толкования и законодательной техники // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Юридические науки. 2010. №2. С. 142–144; Смолин С.В. Социальная обусловленность криминализации преступного использования лжи, обмана и злоупотребления доверием // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 1. С. 126-137; Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. С. 182 – 183; Безверхов А.Г. Имущественные преступления. С. 278.

[4] Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. С.203. Аналогичную позицию занимают и другие авторы. См, например: Ворошилин Е.В. Ответственность за мошенничество. М., 1980. С. 31-32; Кудашев Ш.А. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за хищения чужого имущества (в законе и судебной практике): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 12-13 и др.

мошенничества злоупотребление доверием[1]. По меткому замечанию Г.Н. Борзенкова, «Представление о том, что возможно мошенничество без обмана, - это сомнительное завоевание советского уголовного права первых лет его существования»[2]. Еще С.В. Познышев писал, что способом действия в мошенничестве является только обман[3].

Поддерживая позицию ученых, полагающих, что злоупотребление доверием является одной из составляющих обмана, полагаем, что ее изъятие из диспозиции ч.1 ст. 159 УК РФ могло бы придать более единообразное звучание уголовному закону. Дело в том, что специальные составы мошенничества предполагают совершение мошеннических действий не иначе как исключительно посредством обмана. Законодатель «забыл» о злоупотреблении доверием как способе совершения мошенничества, прямо указав в диспозициях ч.1 ст.159.1 УК РФ «путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений», в ч.1 ст. 159.2 УК РФ «…путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведения, а равно путем умолчания о фактах…», в ч.1 ст. 159.3 УК РФ «…путем обмана уполномоченного работника кредитной или иной организации», в ч.1 ст. 159.5 УК РФ «…путем обмана относительно наступления страхового случая…».

Кроме того, выведение имущества из законного владения, пользования и распоряжения только посредством злоупотребления доверием не образует состав мошенничества. В данном случае мы можем вести речь и присвоении и растрате. Так, Г.Н. Борзенков совершенно справедливо указывает: «Если какое-либо имущество было вверено виновному для определенных целей (ремонта, перевозки, просто на хранение) без обмана с его стороны, то присвоение в дальнейшем этого имущества можно рассматривать **как злоупотребление оказанным доверием** (выделено авт.). Однако данная

[1] Там же. С. 224.
[2] Борзенков Г. Разграничение обмана и злоупотребления доверием // Уголовное право. 2008. №5. С. 5.
[3] Познышев С.В. Очерк основных начал науки уголовного права. Т. 2. Особенная часть. М., 1923. С. 124.

ситуация не выходит за рамки состава ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата)»[1]. Лишь сочетание злоупотребления доверием с обманом дает повод оценивать действия виновного как мошенничество. Дополнительным аргументом в пользу изъятия данного термина из диспозиции ч.1 ст. 159 УК РФ является то обстоятельство, что ни правоохранительные органы, ни суды так и не придают значения каким из альтернативных способов совершалось мошенничество. Наиболее типичным является указание в приговоре, что виновный совершил хищение чужого имущества путем обмана и злоупотребления доверием[2]. Хотя сторонники такого подхода правоприменителя к указанию двух способов совершения мошенничества оправдывают его тем, что «…Пленум не предписывает квалифицировать мошенничество только по одному из названных признаков и вменять виновному либо признак обмана, либо признак злоупотребления доверием...»[3]. В то же время в Определении Верховного Суда РФ от 06.03.2008 по делу № 19-008-3МВ имеется указание: «…принимая во внимание, что в соответствии с требованиями закона, способ совершения мошенничества выражается альтернативно либо в обмане, либо в злоупотреблении доверием, а в данном случае имел место обман, поскольку Зефиров А.С. обещал А. сдать в аренду земельный участок и спортивный зал, которыми не вправе был распоряжаться, следует согласиться с доводами государственного обвинителя в представлении **о необоснованности квалификации действий осужденного по признаку злоупотребления доверием** (выделено авт.)»[4]. В другом решении Верховного Суда РФ исключил из обвинения покушение на

[1] Борзенков Г. Разграничение обмана и злоупотребления доверием // Уголовное право. 2008. №5.
[2] См., например: Уголовное дело № 1-346/08 // Архив Солнцевского районного суда г. Москвы за 2008 год; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2. По данным С.А. Петрова из изученных 549 фактов мошенничества, нашедших отражение в 195 приговорах судов, в 375 случаях (68,3%) в качестве способа совершения мошенничества указаны одновременно обман и злоупотребление доверием. (Петров С.А. Доверие как условие совершения мошенничества // Уголовное право. 2015. № 4. С. 52 – 56).
[3] Яни П.С. Мошенничество: момент возникновения умысла // Законность. 2017. № 2. С. 32 - 37; № 3. С. 35 - 39; № 4. С. 29 - 33; № 5. С. 32 - 36.
[4] Определение Верховного Суда РФ от 06.03.2008 по делу № 19-008-3МВ [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

мошенничество, поскольку суд первой инстанции не установил, в чем конкретно выразилось злоупотребление доверием[1].

И коль скоро высшая судебная инстанция «не может определиться» с данными признаками, очевидно проще было бы признать **злоупотребление доверием составляющей обмана,** т.к. для такого решения имеют место предпосылки как теоретического, так и прикладного характера.

В заключение следует сказать, что за пределами нашего исследования мы намеренно оставили вопрос о видах мошеннического обмана (или как их называет Г.Н. Борзенков содержание обмана[2]). Во-первых, данные исследования уже проводились[3], и вряд ли мы здесь сможем что-либо новое добавить, во-вторых, деление мошеннического обмана на виды в большей мере имеет значение для криминологических исследований в целях предупреждения такого рода преступных посягательств и для криминалистики в целях установления механизма совершенного преступления.

Итак, анализируя признаки объективной стороны мошенничества, мы постарались акцентировать внимание на дискуссионных вопросах, имеющих место в доктрине уголовного права, а также определить уязвимые места правоприменительной практики и предложить пути преодоления проблем реализации норм о мошенничестве.

Мошенничество с точки зрения конструкции объективной стороны включает в себя следующие признаки, имеющие значение для квалификации: деяние в форме действия или бездействия; причинная связь; преступные последствия; специфический способ совершения преступления – обман; в

---

[1] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 22.06.2005 № 35-О05-35 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

[2] См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. С. 209

[3] См.: Лимонов В.Н. Мошенничество: уголовно-правовая и криминологическая характеристики. М., 2000. С. 44; Безверхов А.Г. Имущественные преступления. С. 251; Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество: вопросы квалификации. С. 30 – 54; Бойцов А.И. Указ. соч. С. 338; Сердюк П.Л. Мошенничество в сфере банковского кредитования. М., 2009. С. 51; Багаутдинов Ф.Н., Хафизова Л.С. Финансовое мошенничество (уголовно-правовой и криминологический аспекты противодействия). М., 2008. С. 66; Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. С. 203-223 и др.

отдельных случаях (в некоторых составах специального мошенничества) – средство совершения преступления.

Ущерб, причиняемый при совершении любого вида мошенничества, носит прямой (действительный) материальный характер. Размер причиненного вреда, как с позиций социально-экономической обоснованности, так и с позиций соотношения с размером наказания нельзя признать удовлетворительным в полной мере.

Заслуживает поддержки решение законодателя об увеличении криминообразующего размера причиненного ущерба при совершении мошенничества в 2,5 раза (от 2500 руб.) и в 2 раза квалифицирующего признака «с причинением значительного ущерба гражданину» (от 5000 руб.); сведены к единообразию санкции квалифицированных основного и специальных составов мошенничества.

В то же время нельзя поддержать законодателя, не предусмотревшего уголовную ответственность за причинение ущерба в размере до 10 тыс. руб. в случаях совершения мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, а также установившего иные, существенно завышенные, размеры для данного вида мошенничества. Кроме того, не поддается логическому объяснению отсутствие оценочного критерия «имущественное положение потерпевшего» при причинении ущерба в случае совершения мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, тогда как в других видах мошенничества для признания ущерба значительным, требуется установление не только формального критерия, но и оценочного.

Предлагаем квалифицирующий признак «причинение значительного ущерба гражданину» изложить в соответствующих статьях УК РФ как «причинение значительного ущерба». Указанные обстоятельства дают основание сформулировать следующую редакцию примечания 2 к ст. 158 УК РФ: ***«Значительный ущерб в статьях настоящей главы, определяется с учетом имущественного положения потерпевшего, но не может составлять менее пяти тысяч рублей».***

Считаем позицию Верховного Суда РФ о необходимости установления единых критериев определения крупного и особо крупного размера для всех видов мошенничества соответствующей принципу справедливости, поэтому ***примечания 1,2,3к ст. 159 УК РФ, примечание ст. 159.1 УК РФ необходимо признать утратившими силу.***

Обман, являющийся конструктивным признаком мошенничества, следует понимать как формирование ложного представления об объективных обстоятельствах действительности или прошлого, либо нацеленный в будущее, который реализуется не столько для того, чтобы ввести лицо в заблуждение, сколько «заставить» его совершить какое-либо действие, когда у потерпевшего субъективно не остается выбора в совершении действий либо этот выбор очевиден.

Полагаем, что из диспозиции ч.1 ст. 159 УК РФ альтернативный способ совершения преступления ***«злоупотребление доверием» следует исключить.*** *Во-первых, если преступление совершается исключительно путем злоупотребления доверием, действия виновного нельзя квалифицировать как мошенничество, т.к. мошенничества без обмана не бывает. Во-вторых, специальные составы мошенничества не содержат указания на данный альтернативный способ совершения преступления. В-третьих, правоприменительная практика не ориентируется на выяснение вопроса каким способом совершалось то или иное мошенничество, а в большинстве приговоров имеет место формулировка, что хищение было совершено путем обмана и злоупотребления доверием.*

1.4. Субъективные признаки мошенничества

В юридической литературе изучению субъекта преступления посвящено немало исследований[1]. Субъект хищения анализировался преимущественно в

[1] См.: Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. М., 1987; Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970; Орлов В.С. Субъект преступления. М., 1958; Рашковская Ш.С. Субъект преступления. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1960; Семенов С.А. Специальный субъект преступления в уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 1999; Устименко В.В. Специальный субъект преступления. Харьков, 1989 и др.

связи с понятием и признаками хищения вообще[1]. Поэтому изучение данного вопроса мы будем строить в том же ключе, что и в предыдущих параграфах: акцентируя внимание на наиболее острых вопросах, по возможности, исключая констатацию очевидных, устоявшихся в уголовно-правовой доктрине и практике моментов.

Ответственность за мошенничество может наступить при достижении виновным 16-летнего возраста, хотя возраст субъекта других форм хищений (кража, грабеж, разбой) снижен до 14 лет.

А.И. Бойцов неравный подход законодателя к определению возрастных границ уголовной ответственности за хищения объясняет двумя обстоятельствами: более высокой общественной опасностью данных имущественных посягательств, обусловленной более опасным способом их совершения и более широкой их распространенностью среди совершаемых подростками преступлений[2]. Л.Д. Ермакова напротив, считает, что в ч.2 ст.20 УК РФ «… закон перечисляет только те деяния, общественную опасность которых в полной мере может осознать лицо, достигшее 14 лет. Распространенность среди подростков тех или иных деяний, а также уровень опасности этих деяний она не ставит «во главу угла», что на наш взгляд, совершенно справедливо. Кроме того, ч.2 ст. 20 УК РФ помимо тяжких и особо тяжких преступлений, называет и те составы, которые относятся к категориям небольшой и средней тяжести (например, ст. 166, 214, 267 УК РФ). Поэтому единственно правильным критерием определения возраста, с которого может наступать уголовная ответственность, является возможность осознания лицом общественной опасности совершаемого деяния.

---

[1] Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Изд-во «Юридический центр «Пресс», 2002; Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003; Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. М.: ЮрИнфоР, 1997; Кочои С.М. Преступления против собственности. М.: Проспект, 2001; Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. М.: Волтерс Клувер, 2006; Устинов В.С. Преступления против собственности (уголовно-правовые вопросы). Н. Новгород, 1997; Яни П.С. Методологические основы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности: Лекция. М.: Эксмо, 2006 и др.

[2] Бойцов А.И. Преступления против собственности. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С.12.

Зададимся вопросом, может ли подросток в 14-16 лет осознавать, что похищает чужое имущество посредством обмана? Ответ напрашивается положительный. Ведь если уровень интеллекта подростка позволил ему придумать как обмануть, и обман был воспринят как истина потерпевшим, следовательно, он вполне способен осознать и общественную опасность своего поступка. Совершенно справедливо С.В. Векленко, С.А. Петров пишут, что мошенничество – это интеллектуальное по своей сути преступление, предполагающее наличие определенного жизненного опыта у виновного, довольно значительных интеллектуальных способностей, знания основ психологии, хотя бы на житейском уровне, зачастую приобретенных опытным путем, поэтому, действительно, среди несовершеннолетних мошенничество практически не распространено[1]. Опасность и значение этих посягательств доступны, по мнению специалистов, пониманию подростков»[2].

По поводу законодательного порога возраста уголовной ответственности за мошенничество сложились две противоположные точки зрения. Одни авторы полагают, что возраст необходимо снизить до 14 лет[3], другие не видят необходимости в снижении возраста уголовной ответственности за мошенничество, объясняя не распространенностью таких преступлений среди подростков от 14 до 16 лет[4]. Полагаем, что критерием криминализации или декриминализации не может быть только лишь слабая распространенность того или иного явления. В противном случае практически все преступления,

[1] Векленко С.В., Петров С.А. Уголовно-правовые проблемы определения субъекта мошенничества // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 32-38.

[2] Уголовное право России. Общая часть: учебник / отв. ред. д.ю.н. Б.В. Здравомыслов. М.: Юрист, 1996. С.124.

[3] Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 277; Осокин Р.Б. Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества. Дис. …канд. юрид. наук М., 2004. С. 955. Векленко С.В., Петров С.А. К;аз. Соч. С.33-34.

[4] Бондарь А.В. Мошенничество как вид преступного посягательства против собственности и особенности его проявления в сфере банковской деятельности (уголовно-правовой аспект). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2003. С. 8; Сунчалиева Л.Э. Мошенничество (уголовно-правовой и криминологический аспект). Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 123; Хмелёва М.Ю. Уголовная ответственность за мошенничество. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 15; Окружко В.Ю. Современное мошенничество: криминологическая характеристика и предупреждение. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. С. 19; Южин А.А. Указ. сочю. С. 127.

например, против конституционных прав граждан необходимо декриминализовать, а обман потребителей вернуть в уголовное законодательство[1]. Критериями определения общественной опасности является не только распространенность деяния, но и его вредоносность. Совершенно справедливо А.Д. Нечаев пишет: «Для определения вредоносности учитываются социальные последствия деяния, объект посягательства и поведенческие связи между ними. … То, что деяние носит не единичный, **не случайный характер** (выделено авт.), образует его распространенность»[2]. Далее он пишет: «Уголовное право должно рассматриваться как последнее средство, но наличие альтернативы не всегда свидетельствует о необходимости отказа от криминализации или осуществления декрминализации. Установление уголовно-правового запрета будет адекватным, а криминализация будет иметь достаточное основание тогда и только тогда, когда потенциально возможные альтернативные средства предупреждения несут более значимые социальные издержки, чем криминализация»[3].

Поддерживая мнение ученого, попытаемся спроецировать высказанный им тезис на исследуемый нами вопрос. Имеет ли место альтернатива замены уголовно-правовой репрессии на иные, например, гражданско-правовые средства восстановления нарушенного права собственности лица, у которого обманным путем несовершеннолетний (14-16 лет) похитил имущество? Да, имеет. Могут ли данные альтернативные средства предупреждения покрыть в полном объеме социальные издержки таких деяний? Очевидно, нет. Так называемые альтернативные средства будут являться предпосылкой

[1] По представленным статистическим данным Н.А. Лопашенко ст. 200 УК РФ (обман потребителей) до ее исключения в 2003 году удельный вес составлял в 1997 г. – 44%, в 1998 г. – 52%, в 1999 г. – 55 %, в 2000 г. – 54 %, в 2001 г. – 57 %, в 002 г. – 58 %, в 2003 г. – 57%, т.е. более половины всех преступлений, зарегистрированных по статьям гл. 22 УК РФ составлял обман потребителей. (Лопашенко Н.А. Уголовная политика России в отношении преступлений в сфере экономической деятельности (анализ на основе изменений уголовного законодательства) // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 4. С. 36-44.)

[2] Нечаев А.Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декрминализации. Дис. …канд. юрид. наук. Саратов, 2017 С. 13.

[3] Там же. С. 14.

появления чувства безнаказанности у подростка. Потенциальные противники высказанной позиции могут возразить, что привлекая несовершеннолетнего в столь раннем возрасте к уголовной ответственности, мы, таким образом, приобщаем его к криминальной субкультуре. Однако уголовный закон в достаточной мере обладает рядом иных мер уголовно-правового характера, способных оказать исправительное воздействие на несовершеннолетнего, тем не менее, не «калеча» ему жизнь. Это и воспитательные меры, и судебный штраф. Кроме того, не исключены и возможности института освобождения от уголовной ответственности.

Ввиду интеллектуальности мошенничества, общественная опасность, на наш взгляд, доступна для осознания несовершеннолетними в возрасте 14-15 лет. «Осознание общественной опасности происходит независимо от способа совершения хищения, а исходя из противоправности обращения чужого имущества в пользу виновного. При грабеже несовершеннолетний понимает, что он не имеет никаких прав на похищаемое имущество, при мошенничестве происходит то же самое, однако законодатель считает, что, исходя из способа хищения, несовершеннолетний не осознает общественной опасности мошенничества»[1]. Так, несовершеннолетние Ж., Л. и О. путем обмана хотели похитить телефон у потерпевшего несовершеннолетнего И. В суде действия виновных с грабежа были переквалифицированы на мошенничество, а учитывая, что на момент совершения преступления О. не исполнилось 16 лет, по данному эпизоду он был оправдан[2]. Получается, что совершая хищение, опасность которого осознается подростком, из-за несовершенства законодательных конструкций в отдельных случаях невозможно привлечь к уголовной ответственности такое лицо.

Кроме того, ч.2 ст. 20 УК РФ предусматривает более «взрослые», т.е. требующие определенного жизненного опыта, уровня интеллектуального развития преступления, ответственность за которые наступает с 14-летнего

[1] Векленко С.В., Петров С.А. Указ. соч. С. 33.
[2] Уголовное дело №1-266/07. Архив Орджоникидзевского районного суда г.Магнитогорска Челябинской области за 2013 год.

возраста: практически все преступления террористической направленности, захват заложника, угон судна воздушного или водного транспорта или железнодорожного подвижного состава, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля и т.д. *Снижение возраста уголовной ответственности за мошенничество до 14 лет, на наш взгляд, оправдано и логически объяснимо.*

Не имеет смысла устанавливать пониженный возраст уголовной ответственности для всех специальных видов мошенничества. Так, подросток в возрасте 14-16 лет не может стать заемщиком при получении кредита в банке. Он не является адресатом получения социальных выплат, т.к. от его имени всегда выступает законный представитель. Совершить мошенничество в сфере предпринимательства такой подросток также не сможет, т.к. это состав со специальным субъектом. Исходя из положений ст. 27 ГК РФ эмансипация возможна только для лиц, достигших 16-летнего возраста, поэтому стать индивидуальным предпринимателей до достижения этого возраста невозможно. Участником договора страхования несовершеннолетний быть не может, т.к. страхователями признаются дееспособные физические лица[1], а деятельность субъектов страхового дела подлежит лицензированию[2], поэтому также предполагает дееспособность.

В то же время, подросток 14-16 лет – это в большинстве случаев человек, достаточно уверенно пользующийся возможностями ЭВМ, и коль скоро он научился проводить «аферы», путем «ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» (ч.1 ст. 159.6 УК РФ), совершенно очевидно полное осознание таким подростком недопустимости, противозаконности такого рода действий. Что касается

[1] Ст.5 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 26.07.2017) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 14.01.1993. №2. Ст. 56.
[2] Часть 2 ст. 4.1. Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 26.07.2017) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 14.01.1993. №2. Ст. 56.

мошенничества с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ), то нет никаких причин отказываться от идеи снижения возраста уголовной ответственности и по данному составу по указанным выше соображениям, т.к. подросток, рассчитываясь поддельной или чужой картой в какой-либо организации, прекрасно осознает незаконность происхождения такой карты и желает похитить чужое имущество.

Итак, на наш взгляд, целесообразно снизить возраст уголовной ответственности по ч.1-4 ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ до 14 лет.

Второй обязательный признак субъекта – вменяемость. Вряд ли применительно к мошенничеству может вызвать какие-либо затруднения. Учитывая интеллектуальный способ совершения данного преступления, вопрос об отсутствии вменяемости просто не возникает.

Третий обязательный признак – физическое лицо. Опыт зарубежных государств, международные обязательства России[1], положительная оценка института уголовной ответственности юридических лиц отечественными специалистами[2] не единожды приводила к обсуждению законопроектов об уголовной ответственности юридических лиц[3]. Любое преступление – есть акт свободной воли, воля присуща каждому конкретному человеку, поэтому решение, принятое от имени юридического лица – есть решение отдельных физических лиц. Уголовная ответственность всегда несет в себе персонифицированный характер. Введение уголовной ответственности

---

[1] См.: Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // «Российская газета». № 56. 21.03.2006.

[2] См.: Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ. М., 1994. С. 5; Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 182; Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности. СПб. 2002. С. 109; Иванцов П.П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. СПб. 2001. С. 52; Арямов А. А. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2011. – №2 (16). – С.49; Демин С.Г. О необходимости уголовной ответственности юридических лиц в уголовном праве // Общество и право. – 2014. №2 (48). – С. 105; Дворецкий М.Ю. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: вопросы теории и правоприменительной практики // Вестник ТГУ. – 2012. – №10 (114) – С. 340.

[3] Законопроект УК РФ 1994г.; законопроект № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» от 23.03.2015 [электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы РФ.

юридических лиц может позволить уйти от ответственности тем лицам, которые действительно виновны в совершении того или иного уголовно наказуемого деяния, а тяготы ответственности будут распределяться солидарно на всех работников юридического лица, что вряд ли соответствует принципу справедливости.

Таким образом, по основному составу мошенничества субъект преступления – общий. Данная позиция является доминирующей в научной литературе, пожалуй, только А.И. Бойцов считает его специальным, а, именно, несобственник похищаемого имущества[1], за что подвергся справедливой критике[2].

Признаки специального субъекта отражены в ч.3 ст. 159 УК РФ – лицо, использующее свое должностное положение, аналогичный признак зафиксирован во всех третьих частях специальных составов мошенничества.

Так, У. совершила мошенничество при получении выплат путем предоставления заведомо ложных и недостоверных сведений с использованием своего служебного положения. Обладая специальными познаниями, находясь на муниципальной службе, являясь должностным лицом, обладающим административно-хозяйственными функциями подготовила для себя соответсвующие справки и иные документы для получения субсидии. Сотрудники филиала Главного управления социальной защиты населения Курганской области на основании предоставленных ею подложных документов при подаче сводной заявки на перечисление субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, включили У. в список получателей субсидии. Суд квалифицировал действия подсудимой У. по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ[3].

Квалифицирующий признак «лицо, использующее свое служебное положение» неоднократно являлся предметом обсуждения в научной

[1] Бойцов А.И. Указ. соч. С. 278.
[2] Векленко С.В., Петров С.А. Указ. соч. С. 33-34; Южин А.А. Указ. соч. С. 123.
[3]Кетовский районный суд Курганской области. Дело № 1-231/2014 [электронный ресурс] / URL:http://судебныерешения.рф/bsr/case/7204263

литературе. Одна группа ученых понимает его широко: должностное лицо, соответствующее признакам, указанным в примечании к ст. 285 УК РФ, а также государственный служащий или служащий органа местного самоуправления, не являющийся должностным лицом; лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой организации, а также служащий коммерческой или иной организации, не обладающий управленческими функциями[1]. Другие придерживаются узкого понимания, не включая служащих, не обладающих признаками должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческих или иных организациях[2].

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: «Под лицами, использующими свое служебное положение …, следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными примечанием 1 к статье 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным примечанием 1 к статье 201 УК РФ»[3]. Таким образом, высшая судебная инстанция заняла некую усредненную позицию, и, как справедливо указывает Н.А. Лопашенко «…для таких ограничений закон не дает никаких оснований»[4], хотя логика ясна.

Лицо, представляющее интересы органов государственной власти и органов местного самоуправления, совершая мошеннические действия, посягает не только на имущество потерпевшего, но и дискредитирует авторитет государства. Поэтому действия такого лица имеют большую общественную опасность и законодателем оцениваются как квалифицированное мошенничество и дополнительной квалификации по ст.

---

[1] Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. С. 497; Уголовное право России: части Общая и Особенная: Учебник / Под ред. А.И. Рарога. 6-е изд. С. 387

[2] См.: Уголовное право: часть Общая, часть Особенная / Под ред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, С.В. Максимова. С. 404; Практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. С. 397; Кочои С.М. Уголовное право: Общая и Особенная части. С. 307.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КонсультантПлюс.

[4] Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. С. 498.

285 УК РФ не требуется. Совершение мошеннических действий лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, требовало бы дополнительной квалификации по ст. 201 УК РФ, т.к. нарушается «…нормальная деятельность коммерческих или иных организаций, их управленческого аппарата»[1]. Но коль скоро Верховный Суд РФ указал, что данные лица подпадают под действие ч.3 ст. 159 УК РФ, то совокупности преступлений здесь не будет. Действия «простых» служащих коммерческих или иных организаций нормой о злоупотреблении полномочий (ст. 201 УК РФ) не охватываются, следовательно, и совершение мошеннических действий такими служащими не может расцениваться как квалифицированное мошенничество.

В то же время не поддается логическому объяснению позиция высшей судебной инстанции, указавшей: «В том случае, если указанное лицо (должностное лицо, либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации – коммент. авт.) получило ценности за совершение действий (бездействие), которые в действительности оно не может осуществить ввиду **отсутствия служебных полномочий** и невозможности использовать свое служебное положение, такие действия при наличии умысла на приобретение ценностей следует квалифицировать как мошенничество, совершенное лицом **с использованием своего служебного положения** (выделено авт.)[2].

Очевидно, отсутствие служебных полномочий не может быть основанием для квалификации действий виновного как квалифицированное мошенничество. В то же время получение взятки или коммерческого подкупа за действия, который субъект не может выполнить, но обладающий при этом

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 2.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

полномочиями, определенными примечаниями к ст. 201, 285 УК РФ, должно оцениваться по признакам ч.3 ст. 159 УК РФ[1].

Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности также может совершить только специальный субъект. В соответствии с примечанием 4 к ст. 159 УК РФ действие уголовного закона о предпринимательском мошенничестве распространяется на все случаи преднамеренного неисполнения договорных обязательств, где сторонами договора являются либо частные предприниматели, либо юридические лица. Поэтому субъектом может быть либо индивидуальный предприниматель, либо лицо на законных основаниях, представляющее интересы юридического лица. Верховный Суд РФ уточнил, что данное преступление может быть совершено «…индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо … членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, за исключением случаев, указанных в данной норме.

При этом к членам органа управления коммерческой организации относятся, в частности, член совета директоров (наблюдательного совета) или член коллегиального исполнительного органа коммерческой организации (например, правления акционерного общества), лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа (директор, генеральный директор, председатель производственного кооператива и т.п.)»[2].

---

[1] Аналогичную позицию занимают Д.Ю. Гончаров, С.Г. Гончарова: Гончаров Д.Ю., Гончарова С.Г. Квалификация мошенничества, совершенного с использованием служебного положения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 3 (26). С. 281-291.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

Признаки специального субъекта можно обнаружить в составе преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ – заемщик, т.е. лицо, оформившее кредитный договор.

Словарь экономических терминов определяет заемщика как одного из субъектов кредитных отношений, получателя кредита, который гарантирует возвращение временно заимствованных средств, оплату предоставленного кредита[1].

Так, на стадии проверки кредитных заявок сотрудники Номос-банка проявив достаточную бдительность, выявили несколько фактов, когда потенциальные заемщики сообщили заведомо ложные или недостоверные сведения, способные повлиять на решение по заявкам, или значимые для обеспечения возвратности кредитов. Сотрудники банка обратились в полицию, и при попытке заключить договоры с банком подозреваемые в мошенничестве были задержаны в офисе банка[2].

Сотрудники банка справедливо полагали, что в описанных случаях имели место покушения на преступления, предусмотренные ст. 159.1 УК РФ, но органы предварительного расследования в возбуждении уголовных дел отказали (!), обосновывая своё решение следующим. В ст. 159.1 УК РФ предусмотрен специальный субъект преступления – заемщик. Гражданин, который обратился с банк с просьбой выдать ему кредит, представивший туда требуемые документы, но не заключивший договор с банком (соответственно, не являющийся стороной договора, заемщиком (ст. 819 ГК РФ)), не является субъектом указанного преступления. Следовательно, по мнению сотрудников полиции, состав преступления в действиях гражданина отсутствует[3].

Если рассуждать подобным образом, то абсолютное большинство составов преступлений, где субъект специальный, преступления нет, покуда

---

[1] Райзберг Б.А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. / Б.А. Рейзберг— М.: ИНФРА-М, 2007. С.212.

[2] Скобликов П.А. Новый закон об ответственности за кредитное мошенничество и первые гримасы правоприменительной практики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zako№.ru/Discussio№s/

[3] Там же.

оно не доведено до конца. Например, при убийстве матерью новорожденного ребенка в процессе родов, роженица матерью (в юридическом смысле) еще не является. Получается, что покушение на мошенничество в сфере кредитования возможно на стадии когда кредитный договор уже подписан, а денежные средства еще не выданы.

Совершенно справедливо П.А. Скобликов указывает, что правоприменителю следует исходить из презумпции добросовестности законодателя и разумности принимаемых им законов[1].

Итак, доктринально субъект ст. 159.1. УК РФ можно определить как лицо, ***стремящееся в преступных целях приобрести статус заемщика и предпринимающее для этого необходимые действия, а также лицо, вступившее в кредитно-заемные обязательства.*** Подобное определение заемщика мы можем найти и в регулятивном законодательстве. Так, в федеральном законе «О потребительском кредите (займе)» дано следующее определение заемщика: «Заемщик - физическое лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее потребительский кредит (заем)»[2]. Аналогичную позицию можно встретить и научной литературе[3].

Так, Подгорнов Г.В. и Нещадимов А. В. каждый виновны в том, что совершили мошенничество в сфере кредитования, то есть хищение денежных средств заемщиком путем предоставления банку заведомо ложных сведений, совершенное группой лиц по предварительному сговору. Используя заведомо подложные паспорта на посторонние фамилии, в различных отделениях банков, получали кредиты[4]. Фактами, подтверждающими преступность

---

[1] Там же.

[2] Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О потребительском кредите (займе)» // Российская газета. 23.12.2013. № 289. Аналогичное определение дано в п.13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48.

[3] Смолин С.В. Актуальные вопросы квалификации мошенничества в кредитной сфере // Уголовное право. 2014. № 6. С. 65 - 72.

[4] Архив Замоскворецкого районного суда г. Москвы. Дело №1-265/2013 [электронный ресурс] // http://судебныерешения.рф/bsr/case/7063335

намерений виновных, т.е. получение кредита без цели его возращения, является предоставление подложных документов.

Иные лица, не обладающие признаками заемщика уголовную ответственность по ст. 159.1 УК РФ нести не могут. Так, П., ***работая кредитным инспектором*** (выделено автором) – специалистом по потребительскому кредитованию банка «Первомайский» (ЗАО), которая согласно своей должностной инструкции обязана принимать и проверять достоверность предоставленных заемщиком документов на получение потребительского кредита, вступила в предварительный преступный сговор с неустановленным следствием лицом, направленный на хищение денежных средств банка «Первомайский» (ЗАО), путем обмана банка и составления фиктивных документов для получения кредита. По паспорту внеся в нее не соответствующие действительности сведения о заемщике, в том числе изготовила и внесла фото неустановленного мужчины вместо Б.А.И.., после чего, … отправила указанные документы по электронной почте на рассмотрение в банк «Первомайский» (ЗАО) на получение кредита в размере 150000 рублей. Получив одобрение банка …, П. заполнила кредитный договор на имя Б.А.И. и сформировала кредитное досье на его имя, в котором от имени Б.А.И. расписалось неустановленное лицо. По данному кредитному договору она получила в банке «Первомайский» (ЗАО) ПИН-код и банковскую карту, на счете которой находились денежные средства в сумме 150000 рублей, которые совместно с неустановленным лицом обналичила и распорядилась ими по своему усмотрению, причинив ущерб банку «Первомайский» (ЗАО) на сумму 150000 рублей. Действия виновной квалифицированы по ч.3 ст. 159 УК РФ[1].

Учитывая, что виновная фактически заемщиком не являлась, суд справедливо дал оценку ее преступных действий как мошенничество, не смотря на то, что оно и было совершено в сфере кредитования.

[1] Архив Колпашевского городского суда Томской области. Дело № 1-143/14. [электронный ресурс] / http://судебныерешения.рф/adva№ced/search

Касательно признаков субъекта возникает еще один вопрос. Следует ли признавать субъектом преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, лицо, которое предъявляет чужие подлинные документы. Учитывая, что такое лицо при обращении с заявкой о предоставлении кредита, находится «в сфере кредитования», а предъявляя чужие документы, обманывает представителей банка в свойствах личности, логично предположить, что действия такого лица следует квалифицировать по ст. 159.1 УК РФ. По такому пути формировалась и практика. Так, У, обратившись в банк за предоставлением кредита, представила паспорт своей сестры, с которой имела визуальное сходство. Банком заявка была одобрена, и У. получила кредит, чем причинила банку ущерб в размере 280701, 75 рублей[1]. В научной литературе такую позицию судов отдельные авторы оценивают критически[2]. Верховный Суд РФ указал, что если лицо выдает себя за другое либо для получения кредита использует других лиц, не осведомленных о его преступных намерениях, действия виновного следует оценивать как «простое» мошенничество[3].

Субъективная сторона мошенничества характеризуется виной в форме прямого умысла и корыстной целью. Можно с уверенностью утверждать, что в настоящее время в уголовно-правовой доктрине сложилась довольно последовательная и непротиворечивая теория субъективной стороны[4]. В практической деятельности установление признаков субъективной стороны всегда представляло и будет представлять набольшую трудность.

---

[1] Приговор мирового суда Судебного участка № 112 Центрального АО г. Омска. Дело № 1-148/2013 // Савин С.В., Рузин С.Е. Проблемы применения специальных составов мошенничества при квалификации преступных деяний // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. №1 (38). С.196

[2] Савин С.В., Рузин С.Е. Проблемы применения специальных составов мошенничества при квалификации преступных деяний // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. №1 (38). С.196

[3] П. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

[4]См., например: Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Субъективная сторона преступления. Ростов н/Д, 1999; Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001; Скляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб., 2004; Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти, 1998; Неустроева А.В. Правовые и криминалистические проблемы установления субъективной стороны преступления. Дис ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011 и др.

«Проникнуть в мысли (побуждения, намерения, переживания) гораздо труднее, чем познать внешние признаки общественно опасного деяния»[1].

На первый взгляд, учитывая интеллектуальный характер мошенничества, сложно представить ситуацию, когда виновный совершает деяние путем обмана или злоупотребления доверием, не осознавая общественную опасность своих действий, не предвидя возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и не желая их наступления.

Еще И.Я. Фойницкий в понятии обмана выделял три признака: заведомость, намерение обольстить, искажение истины[2]. Данные признаки не вызывают сомнения и у современных авторов[3].

Практически не подвергается сомнению то обстоятельство, *что умысел при совершении мошенничества может быть только прямой*[4]. Чаще всего этот тезис объясняется законодательным указанием на наличие цели. Действительно, если лицо преследует конкретную цель – в данном случае корыстную, то сложно представить себе, что по отношению к наступлению результата – преступных последствий, оно их не желает, но сознательно допускает либо относится к ним безразлично (ч.3 ст. 25 УК РФ). Отдельные авторы ставят под сомнение наличие прямого умысла в ситуациях умолчания о фактах, влекущих прекращение социальных выплат, ссылаясь на забывчивость, необязательность, незнание об обязанности уведомления компетентных органов о соответствующих фактах[5]. Полагаем, доводы

---

[1] Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т.Б. Басова, Е.В. Благов, П.В. Головненков и др.; под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013.

[2] Фойницкий И.Я. Курск уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Пятое издание. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. С.247.

[3] См., например: Векленко С.В., Петров С.А. Внушение при гипнозе как средство мошеннического обмана // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 10-13; Сабитов Р.А. Понятие и признаки криминального обмана // Уголовное право. 2015. № 5. С. 86 - 89.

[4] См., например: Лопашенко Преступления против собственности. С. 147; Хмелева М.Ю. Уголовная ответственность за мошенничество. Дис. …канд. юрид. наук. Омск, 2008 С.101; Мальцев В.В. Указ. соч. С. 33; Архипов А.В. Корыстная цель как признак хищения // Уголовное право. 2016. № 1. С. 4 - 8 и др. Противоположную точку зрения занимает Л.В. Красуцких, утверждающего, что мошенничество может быть совершено с как с прямым, так и с косвенным умыслом. (Красуцких Л.В. Карательная практика по уголовным делам о хищениях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 17.)

[5] Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Реализация принципа вины при квалификации мошенничества при получении выплат // Уголовное право. 2015. № 1. С. 11 - 15.

обвиняемых о том, что они не знали о своей обязанности, как правило, является способом защиты.

Дополнительным аргументом является еще и то обстоятельство, что обман в его уголовно-правовом понимании всегда совершается со стремлением создать заблуждение о реальности событий у потерпевшего, и соответственно побудить совершить (либо воздержаться) тот поступок, который выгоден виновному.

«Эта цель является субъективным признаком любого обмана. Она же свидетельствует о том, что обмануть можно только с прямым умыслом»[1].

Однако в практической деятельности, проблема установления прямого умысла на совершение мошеннических действий является довольно сложной[2].

Неудивительно, что высшая судебная инстанция каждый раз разъясняет на какие обстоятельства необходимо обращать внимание судам для определения прямого умысла на совершение мошеннических действий. «К обстоятельствам, подтверждающим умышленный характер деяния, могут относиться, в частности, обстоятельства, указывающие на то, что у лица фактически не имелось и не могло быть реальной возможности исполнить обязательство; сокрытие информации о наличии задолженностей и залогов имущества; распоряжение денежными средствами, полученными от стороны договора, в личных целях; использование при заключении договора фиктивных уставных документов, поддельных гарантийных писем и другие.

[1] Сабитов Р.А. Понятие и признаки криминального обмана // Уголовное право. 2015. № 5. С. 86 - 89.

[2] Так, Президиум Верховного Суда РФ указал на отсутствие состава преступления, предусмотренного ч.1 ст. 159 УК РФ. Р. Предоставил в бухгалтерию своей организации поддельный счет за гостиницу, в которой он якобы проживал в период нахождения в командировке. Фактически деньги передал своей родственнице, у которой действительно проживал. Верховный Суд РФ, отменяя решение нижестоящего суда, указал на отсутствие прямого умысла на хищение средств организации // Судебная практика по уголовным делам Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Европейского суда по правам человека. М.: ИД «Городец», 2006. 742 с.; П., продолжавший получать пенсию после смерти своего родственника, был признан виновным по ч.1 ст. 159.2 УК РФ. Защита указывала, что в действиях П. отсутствует прямой умысел на совершение мошенничества при получении выплат, т.к. ложных сведений в ПФР он не подавал, а пенсия перечислялась на кредитную карту умершего родственника. Суд доводы защиты признал несостоятельными, т.к. обнаружив денежные средства на кредитной карте своего родственника, у П. возник умысел на хищение денежных средств с карты. (Альменевский районный суд Курганской области. Дело № 2-48/2015[электронный ресурс] / URL: http://судебныерешения.рф/search)

При этом каждое из указанных обстоятельств в отдельности само по себе не может свидетельствовать о наличии умысла на совершение преступления, а выводы суда о виновности лица должны быть основаны на оценке всей совокупности доказательств»[1].

С этим обстоятельством связан еще один немаловажный момент: *умысел на совершение мошенничества должен возникнуть до начала совершения действий, составляющих объективную сторону*[2]. Иными словами, прежде чем обманывать (злоупотреблять доверием) у виновного должен сформироваться умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество[3]. Данный вопрос, казалось бы однозначно решенный не только в доктрине уголовного права, но и правоприметительной деятельности, недавно получил новый виток обсуждений. Дело в том, что при работе над проектом Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» предлагалось сделать указание, согласно которому момент возникновения умысла в предпринимательском мошенничестве значения не имел бы[4]. Ни рабочая группа, ни представители предпринимательского сообщества первоначально не придали серьезного значения данному обстоятельству[5]. По справедливому

[1]Абз. 2 п.9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

[2] Противоположную точку зрения занимает З.Л. Шхагапсоев, указывая, что мошенничество не является хищением. Шхагапсоев З.Л.Проблемы квалификации преступлений против собственности, совершаемых путем обмана или злоупотребления доверием //Общество и право. 2009.

[3] Об этом неоднократно указывал Пленум Верховного Суда: Пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности». Пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51.

[4] https://legal.report/uploads/doc/busi№ess.pdf.

[5] См.: Хутов Т. Проблема в формальном подходе // Новая адвокатская газета. 2016. 10 ноября; Выступление руководителя Экспертно-правового центра Уполномоченного при Президенте РФ по защите предпринимателей на заседании Пленума Верховного Суда РФ (3 ноября 2016 г.), посвященном рассмотрению проекта обсуждаемого Постановления: https://www.youtube.com/watch?v=AoAd49DE_TA.

замечанию П.С. Яни, подобный исход мог бы привести к тому, что любые невыполненные обязательства по договору можно было бы оценивать как мошенничество[1]. Данное обстоятельство заставило автора более подробно проанализировать вопрос о возможности квалификации действий виновного как мошенничества, если умысел возник после получения имущества во владение, пользование, распоряжение. Подробный анализ практики и юридической литературы, привел его к совершенно справедливому выводу о том, что утверждение о возможности возникновения у лица в рамках состава мошенничества умысла на совершение хищения путем злоупотребления доверием уже после того, как лицом указанное имущество получено в свое обладание нельзя признать обоснованным[2]. В настоящее время высшая судебная инстанция разъяснила, что о наличии прямого умысла, возникшего до совершения деяния могут свидетельствовать заведомое отсутствие у лица реальной возможности исполнить обязательство по договору, использование при заключении договора поддельных документов и гарантийных писем, сокрытие информации о наличии задолженности и другие обстоятельства[3]. Так, виновной по ст. 159.1 УК РФ была признана С., которая по поддельным документам на себя и поручителя в Сбербанке РФ получила кредит на 280000 рублей. По мнению суда «…обман заключается в том, что при получении кредита С. заранее знала, что погасить кредит не сможет. У нее на тот момент было много всяких задолженностей у других лиц, которым она также не отдавала деньги»[4].

[1] Яни П.С. Мошенничество: момент возникновения умысла // Законность. 2017. № 2. С. 32 - 37; № 3. С. 35 - 39; № 4. С. 29 - 33; № 5. С. 32 - 36.

[2] Яни П.С. Мошенничество: момент возникновения умысла // Законность. 2017. №5. С. 32-36. Противоположной точки зрения придерживаются В.В. Хилюта, А.В. Грошев: Хилюта В.В. Самовознаграждение посредника: от мнимого посредничества к злоупотреблению доверием // Уголовное право. 2016. № 6. С. 80 – 89; Грошев А.В. Мнимое посредничество во взяточничестве: вопросы квалификации // Российский следователь. 2012. № 23. С. 36 – 38.

[3] П. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

[4] Приговор Советского районного суда г. Тамбова от 24.12.2012. Дело № 1-186/2012 [электронный ресурс] // ГАС Правосудие: URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id=5fe42291

Кроме того, в диспозиции ст. 159.1 УК РФ имеет место прямое указание на ***заведомость*** предоставления ложных или недостоверных сведений, а учитывая, что субъективная сторона всех специальных составов мошенничества идентична, признак заведомости априори характерен и другим составам. Так, обвинительный приговор в отношении Ш. и А. был отменен Верховным Судом РФ за отсутствием в состава преступления, в связи с тем, что в суде не было доказано, что обвиняемые заведомо предоставили неполные сведения о реальной стоимости покупаемой недвижимости покупателю и не сообщили о своей личной заинтересованности в сделке, выступая в ней от имени покупателя[1].

Виновные часто оплачивают часть кредита, либо проценты по нему в целях имитации добросовестности. Однако практика идет по пути признания такого рода действия способом сокрытия преступления[2].

Корыстная цель как криминообразующий признак мошенничества в научной литературе обсуждается исключительно *с позиций смешения понятий мотива и цели преступления*[3]. Так, С.М. Кочои, А.И. Рарог полагают, что при хищении виновный преследует цель обогащения, тогда как мотив может быть не только корыстный, но и другой[4]. Соглашаясь с таким суждением Н.А. Лопашенко приходит к выводу, что действия Ю. Деточкина в известном фильме «Берегись автомобиля» нельзя признать хищением[5].

Категорически нельзя согласиться с таким выводом[6]. Во-первых, законодатель указывает, что хищение может осуществляться в пользу третьих

---

[1] Определение Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 21-УД14-3 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. 2015.

[2] См.: Определение Верховного суда Республики Коми от 06.12.2011 по делу № 22-6074/2011.

[3] См, например: Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. С. 111.

[4] Кочои С.М. Там же; Российское уголовное право: Учебник: В 2 т. / Под ред. А.И. Рарога. Т. 2. С. 177; Уголовное право России: Особенная часть: Учебник для студентов вузов / Под ред. А.И. Рарога. С. 155.

[5] Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. С. 149.

[6] Солидарны по данному вопросу П.С. Яни, А.В. Архипов:
Яни П.С. Постановление Пленума Верховного Суда о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления // Законность. 2008. № 4, 5, 6; Архипов А.В. Корыстная цель как признак хищения // Уголовное право. 2016. № 1. С. 4 - 8.

лиц. Во-вторых, мотив у известного киногероя действительно не корыстный, а скорее альтруистический, тогда как цель – обогащение (в законе называемая корыстная) имеет место. В этом смысле абсолютно верно писал В.С. Устинов: «Вызвать у лица решимость совершить хищение могут следующие некорыстные мотивы: престижного характера - зависть, стремление проявить смелость, самостоятельность, испытать риск; подражательного характера - солидарность, ложное чувство товарищества, следование примеру; альтруистического характера - желание оказать помощь, показать щедрость, глубину чувства перед знакомыми, близкими»[1].

Пленум Верховного Суда РФ по данному вопросу дал разъяснения: «…обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание **других лиц, круг которых не ограничен** (выделено авт.)»[2] Расширительно понимая круг выгодоприобретателей от хищения складывается и судебная практика[3].

Возвращаясь к вопросу о соотношении мотива и цели мошенничества, следует отметить, что мотив не является криминнобразующим признаком мошенничества, поэтому он действительно может быть разнообразным[4]. Мы не можем поддержать позицию тех ученых, которые полагают, что мотив является неотъемлемым признаком хищения и «…при отсутствии корыстного мотива как ведущего, определяющего волевой акт и содержание умысла, меняет социальную сущность содеянного и исключает квалификацию преступления как хищения»[5]. Предложенный нами подход, как

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.А. Чекалин. М., 2002. С. 373.
[2] П. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.
[3] См., например: Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 мая 2009 г. № 48-О09-29 // СПС «Гарант».
[4] Аналогичную точку зрения высказывает Д.О. Теплова: Теплова Д.О. Корыстные цель и мотив как признаки хищения // Российский следователь. 2013. № 13. С. 22 - 23.
[5] Волженкин Б.В. Мошенничество: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и процессе». СПб., 1998.

представляется, коррелирует с представленными выше соображениями по поводу выгодоприобретателя похищенного. Ведь если мотив совершения преступления продиктован желанием получить ответную услугу, но неимущественного характера; злобой, завистью или местью по отношению к потерпевшему; желанием продемонстрировать свои способности, смелость; либо альтруистические соображения, то похищенное может быть передано абсолютно любому лицу[1], а говорить о том, что лицом не было совершено хищение, невозможно.

Итак, *корыстную цель можно определить как стремление виновного обогатить себя или третьих лиц, получив возможность распоряжаться похищенным имуществом по собственному усмотрению.*

Учитывая, что единственно верным критерием определения возраста, с которого может наступать уголовная ответственность, является возможность осознания лицом общественной опасности совершаемого деяния, считаем целесообразным снижение возраста до 14 лет для преступлений, предусмотренных ч.1-4 ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ.

Признаки специального субъекта отражены в ч.3 ст. 159 УК РФ – лицо, использующее свое должностное положение, аналогичный признак зафиксирован во всех третьих частях специальных составов мошенничества.

Кроме того, мошенничество в сфере предпринимательской деятельности и в сфере кредитования также может совершить только специальный субъект.

Субъективная сторона мошенничества характеризуется виной в форме прямого умысла и корыстной целью. Корыстная цель как криминообразующиц признак мошенничества в научной литературе обсуждается исключительно с позиций смешения понятий мотива и цели преступления. Учитывая, что мотив не является криминнобразующим

[1] Противоположной точки зрения придерживается А.В. Шеслер. Он считает, что корыстный мотив отсутствует в тех случаях, когда виновный обращает имущество не в свою пользу, а в пользу третьих лиц, т.к. у него отсутствует стремление извлечь выгоду имущественного характера (Шеслер А..В. Хащения: понятия и признаки // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. №4. С. 74)

признаком мошенничества, он может быть разнообразным. Корыстную цель можно определить как стремление виновного обогатить себя или третьих лиц, получив возможность распоряжаться похищенным имуществом по собственному усмотрению.

В целом подводя итоги, следует отметить следующее.

Выделение специальных составов мошенничества не является «изобретением» российского законодателя, и вполне характерно как для англо-саксонской, так и романо-германской правовой семьи, а толкование мошенничества в отечественной доктрине уголовного права является наиболее четким и полным.

В основу деления специальных видов мошенничества законодателем фактически заложены три основания: по сферам экономической деятельности (ч.5-7 ст. 159, 159.1, 159.2, 159.5, 159.6 УК РФ); по специфическим средствам совершения преступления (159.3, 159.6 УК РФ); по способу совершения (ст. 159 УК РФ – обман или злоупотребление доверием, ст. 159.1 УК РФ – только активный обман, ст. 159.2, 159.3, 159.5 УК РФ – все виды обмана; ст. 159.6 - введение, удаление, блокировка, модификация компьютерной информации), что дало основание сделать вывод о невозможности классификации по одному критерию.

ГЛАВА 2. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ МОШЕННИЧЕСТВА В ОТДЕЛЬНЫХ СФЕРАХ

2.1. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности

29 ноября 2012 года Федеральным законом № 207-ФЗ был введен специфический вид мошенничества, сопряженный с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Норма была призвана обеспечить охрану нормальных отношений, складывающихся в предпринимательской сфере. Однако сложившаяся судебная практика не показала усиления превентивного действия уголовного закона. По данным Верховного Суда РФ, в 2013 году по ст. 159.4 УК РФ были осуждены всего 290 человек, из них лишь 13% (39 человек) - к реальному лишению свободы. Средний же срок наказания составил всего три года. За это же время по ст. 159 УК РФ были осуждены 19,6 тыс. человек. Кроме того, 601 приговор, вынесенный по ст. 159 УК РФ, был переквалифицирован на ст. 159.4, в результате чего осужденные предприниматели смогли рассчитывать на амнистию, объявленную Госдумой в июле 2013 года[1]. С декабря 2014 года данная норма фактически прекратила свое действие, ввиду решения Конституционного Суда РФ.

15 мая 2015 года депутатами Государственной Думы РФ П.В. Крашенинниковым, Р.М. Марданшиным, В.В. Пинским был внесен законопроект, направленный на устранение противоречий, указанных Конституционным Судом РФ. Авторы законопроекта считали, что за простое мошенничество, совершенное в крупном размере (250 тыс. рублей), преступник может быть наказан до пяти лет лишения свободы, а за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, совершенное в

[1] Сухаренко А. Экономическая преступность как угроза бизнесу // ЭЖ-Юрист. 2014. № 39. С. 9.

особо крупном размере (свыше 6 млн рублей) наказание не может превышать шести лет лишения свободы[1].

Относительно изменения санкций Верховный Суд РФ в официальном отзыве[2] не согласился с предложениями депутатов, сославшись на поручение Президента Российской Федерации № Пр-815ГС (п. 3а), в соответствии с которым необходимо снизить санкции, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации[3]. Давая официальный отзыв, Правительство РФ не согласилось с предложенной санкцией для ч.3 ст. 159.4 УК РФ (6 лет лишения свободы), указав на необходимость ее увеличения. В то же время, в абзаце 7 данного отзыва было указано: «…в целях уравнивания санкций за совершение преступлений, относящихся к специальным видам мошенничества, связанных с причинением особо крупного ущерба, представляется целесообразным снизить в частях четвертых статей 159.1, 159.2., 159.3, 159.5, 159.6 УК размер наказания в виде лишения свободы»[4].

Авторы законопроекта предложили уточненную редакцию ч.1 ст. 159.4 УК РФ: «Мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, если такое деяние причинило ущерб индивидуальным предпринимателям, организациям или государству»[5].

---

[1] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [электронный ресурс] // URL: http://asozd2.duma.gov.ru/mai№.№sf/(Spravka№ew)

[2] Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» заместителя Председателя Верховного Суда РФ С.В. Рудакова от 14.05.15 [электронный ресурс] // URL: http://asozd2.duma.gov.ru/mai№.№sf/(Spravka№ew)

[3] Перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Государственного совета по вопросам развития малого и среднего бизнеса, состоявшегося 7 апреля 2015 года [электронный ресурс] // URL: http://www.kremli№.ru/acts/assig№me№ts/orders/49354

[4] Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», вносимый в Государственную Думу депутатом Государственной Думы Р.М. Марданшиным Правительством РФ от 15.05.2015. [электронный ресурс] // URL: http://asozd2.duma.gov.ru/mai№.№sf/(Spravka№ew)

[5] Законопроект № 793245-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части приведения норм по мошенничеству в соответствие с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации) [электронный ресурс] // URL: http://asozd2.duma.gov.ru/mai№.№sf/(Spravka№ew)

С изменением диспозиции ч.1 ст. 159.4 УК РФ не согласилось Правительство РФ, предложив в официальном отзыве дополнить указанную статью УК квалифицирующим признаком в виде причинения значительного ущерба гражданину. Действительно, указанный квалифицирующий признак характерен для всех специальных видов мошенничества, кроме ст.159.1, 159.2 УК РФ. Решение законодателя относительно отсутствия данного квалифицирующего признака в ст. 159.2 УК РФ вполне оправдано, т.к. пособия, компенсации, субсидии и иные социальные выплаты выплачиваются государством физическим лицам, поэтому гражданин (в том виде в каком его понимает УК РФ) потерпевшим по данному преступлению быть не может. Гражданин не может быть признан потерпевшим и по ст. 159.1 УК РФ, т.к. кредиты физические лица выдавать в России не могут.

Федеральным законом от 03.07.2016 №323-ФЗ, учитывая правовую позицию Конституционного Суда РФ о несоразмерности наказания общественной опасности рассматриваемого деяния (напомним, максимальное наказание за мошенничество в предпринимательской сфере составляло 1 год лишения свободы), были внесены изменения в ст. 159 УК РФ. Теперь мошенничество, сопряженное с неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности наказывается до пяти лет лишения свободы (ч.5 ст.159 УК РФ), если это деяние повлекло причинение значительного ущерба, который в соответствии с примечанием 1 к данной статье составляет не менее десяти тысяч рублей. Данным федеральным законом также введены в действие квалифицированные и особо квалифицированные составы мошенничества в сфере предпринимательской деятельности в зависимости от размера, разделяя их на крупный (более 3 млн руб.) – часть 6 ст. 159 УК РФ и особо крупный (свыше 12 млн руб.) – часть 7 ст. 159 УК РФ[1].

[1] Федеральный закон от 03.07.2016 № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 149. 08.07.2016.

Критика законодательных нововведений стала единодушной в научной среде, т.к. в одной норме законодатель соединил простой (ч.1 ст.159 УК РФ), квалифицированный (ч.2-4 ст. 159 УК РФ) и специальный (ч.5-7 ст.159 УК РФ) состав, тогда как иные виды специального мошенничества предусмотрены отдельными нормами УК РФ (ст. 159.1-159.6 УК РФ, за исключением ст.159.4 УК РФ как недействующей). В этом смысле проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [1], где речь шла о ст. 159.7 УК РФ, дублирующей положения недействующей ст. 159.4 УК РФ, в которой были увеличены размеры наказания в виде лишения свободы за преступления, предусмотренные частями второй и третьей проектируемой нормы, был более удачным.

С точки зрения юридической техники такой подход законодателя хоть и выглядит критичным, однако, полагаем, не окажет принципиального влияния на практику применения данной нормы в будущем.

Внесенные изменения в УК РФ от 03.07.2016 федеральным законом №323-ФЗ поставили точку в вопросе определения признаков субъекта мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Согласно примечанию 4 к ст. 159 УК РФ неисполнение договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности будет признаваться мошенничеством в данной сфере в случае, если «…сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации»[2], т.е. субъектом преступления может быть только индивидуальный предприниматель или руководитель либо иное лицо, выступающее от имени коммерческой организации. Однако Верховный Суд РФ еще уже трактует признаки субъекта предпринимательского

[1] Заключение на проект федерального закона № 793245-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (второе чтение) от 2 ноября 2015 г. // URL: http://asozd2.duma.gov.ru

[2] Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства РФ. 04.07.2016. № 27 (часть II). Ст. 4256,

мошенничества – «…индивидуальный предприниматель или член органа управления коммерческой организации»[1].

Собственно говоря, имеющая практика применения ст. 159.4 УК РФ свидетельствует, что именно такой подход имел место и до изменения законодательства. Так, Ленинским районным судом г. Костромы мать и дочь Л. были признаны виновными в совершении мошеннических действий в предпринимательской сфере. Согласно исследованным в судебном заседании материалам уголовного дела, старшая Л. была зарегистрирована в установленном законом порядке в качестве индивидуального предпринимателя. Действия подсудимой по оказанию информационных услуг клиентам при подыскании съемного жилья входили в сферу ее предпринимательской деятельности. Действия матери были квалифицированы по ч.1 ст.159.4 УК РФ, а действия дочери по ч.5 ст.33 и ч.1 ст.159.4 УК РФ, как пособничество в совершении мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, т.к. последняя не являлась индивидуальным предпринимателем[2].

В соответствии с ч. 4 ст. 23 ГК РФ лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица или без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, не может ссылаться в отношении заключенных им при этом сделок на то, что он не является предпринимателем. Суд может применить к таким сделкам правила гражданского законодательства об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. Аналогичное указание предусмотрено Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012

[1] П. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

[2] Приговор Ленинского районного суда г. Костромы от 13.12.2012. Дело № 1-169/2012 [электоронный ресурс] // ГАС Правосудие: URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id=d06291c3237eb9126a98c35842e79390

№ 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»[1].

Налицо противоречие разъяснений высшей судебной инстанции, касающееся определения признаков субъекта предпринимательской деятельности. Очевидно, что правильнее исходить из **понимания правовой природы заключаемых сделок, а не только признаков контрагентов.** Например, если лица заключают договор, касающийся удовлетворения личных, семейных, домашних и иных нужд, нельзя вести речь о предпринимательской деятельности, а, равно как и совершении сделок от случая к случаю. Если же данные потребности удовлетворяет только одна сторона договора, а другая сторона фактически осуществляет предпринимательскую деятельность, в целом, исходя из буквального смысла преамбулы закона о защите прав потребителей, следует признавать договор, совершенным в рамках осуществления предпринимательской деятельности.

Полагаем законодатель должен быть последователен в сфере охраны прав граждан, пострадавших от такого рода деятельности не только гражданско-правовыми, но и уголовно-правовыми средствами.

Однако небогатая практика применения ст. 159.4 УК РФ свидетельствует об обратном[2]. Достаточно типична следующая формулировка суда, не признающего в действиях виновного признаков преступления, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ: « …преступления Х. совершены в сфере туристической деятельности лицом, не зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя. При решении вопроса о том, является ли такая деятельность предпринимательской, судебная коллегия руководствуется п. 1 ст. 2 ГК РФ,... в данном случае Х. осуществлял мошенническую

[1] П.12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

[2] Определение Тамбовского областного суда от 17.09.13 № 22-1493/2013 [электронный ресурс] //ГАС Правосудие URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id; Определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 24.12.2012 г. № 22-16448; Определениях судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 17.12.2012 г. по делу № 22-16028/12; Определениях судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 06.08.2013 г. по делу № 10-5645/13 и др [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

деятельность в сфере туризма, не будучи зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, следовательно, оснований для переквалификации действий Х. с ч.ч. 1, 2 ст. 159 на ч. 1 ст. 159.4 УК РФ не имеется»[1].

Специалисты в области уголовного права полагают, что данную норму (применительно к ст. 159.4 УК РФ – прим. авт.) необходимо рассматривать не с позиции только лишь специального субъекта – предпринимателя, а с позиций сферы деятельности, т.е. «…преднамеренного неисполнения договорных предпринимательских обязательств»[2].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что сам факт наличия свидетельства индивидуального предпринимателя не может свидетельствовать, что преступление совершено в сфере предпринимательской деятельности. Так, суд, на наш взгляд, обоснованно, не усмотрел в действиях М. признаков преступления, предусмотренного ст. 159.4 УК РФ, а квалифицировал 20 эпизодов как «простое» мошенничество и лишь один эпизод как мошенничество в сфере предпринимательской деятельности. М., являясь индивидуальным предпринимателем, осуществляла предпринимательскую деятельность, связанную с поставкой продуктов питания в различные организации. Прикрываясь наличием такой деятельности, у своих знакомых занимала деньги под 10%, объясняя, что деньги ей нужны на расширение бизнеса. По мнению стороны защиты, М. заключала договоры займа. Суд посчитал данный довод защиты по эпизодам в отношении граждан несостоятельным, поскольку, М., являясь индивидуальным предпринимателем, фактически брала у граждан деньги, не именно для осуществления предпринимательской деятельности, а для иных личных нужд, при этом обещая помощь в трудоустройстве, приобретении квартиры, оформлении отсрочки от армии и др. Лишь по одному эпизоду

[1] Определение Верховного Суда Удмуртской Республики от 18.06.2013 по делу № 22-1390/2013 электронный ресурс] //ГАС Правосудие URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal

[2] Есаков Г. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ): проблемы применения нормы // Уголовное право. 2014. № 3. С. 40 – 44; Аналогичную позицию занимает П.С. Яни: Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 6. С. 19 - 23.

действия М. были квалифицированы по ч.1 ст.159.4 УК РФ, т.е. как мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. М. с директором О. был заключен договор на поставку продуктов питания в ассортименте и взята предоплата. Впоследствии данный договор исполнен не был [1].

Если же речь идет о лицах, являвшихся членами органа управления коммерческой организации, ибо под последними имеются в виду организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности[2], для определения круга лиц, относящихся к членам органов управления коммерческой организации, представляется возможным обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», согласно которому к лицам, выполняющим управленческие функции в коммерческой организации, относятся лица, выполняющие функции единоличного исполнительного органа, члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа, а также лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях (например, директор, генеральный директор, член правления акционерного общества, председатель производственного или потребительского кооператива и т.п.)[3]. При этом лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой

[1]Приговор Кумертауского городского суда республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-48/2014. [электронный ресурс] // ГАС Правосудие. URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.

[2] Приказ Росстата от 01.10.2007 г. № 150 «О Методических указаниях по расчету основного вида деятельности хозяйствующих субъектов на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) для формирования сводной официальной статистической информации» (вместе с «Методическими указаниями по расчету основного вида экономической деятельности хозяйствующих субъектов на основе общероссийского классификатора видов экономической деятельности (Оквэд) для формирования сводной официальной статистической информации») [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. 30.10.2009. № 207.

организации, одновременно являются и членами органов управления таковой. Эти понятия равнозначны.

Преступление следует считать совершенным в сфере предпринимательской деятельности, если оно совершено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность или участвующим в предпринимательской деятельности, и это преступление непосредственно связано с указанной деятельностью. При этом должен быть заключен любой договор гражданско-правового характера[1]. В п.8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» сказано, что преступления, предусмотренные статьями 159 - 159.6, 160 и 165 УК РФ, следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность самостоятельно или участвующим в предпринимательской деятельности, осуществляемой юридическим лицом, и эти преступления непосредственно связаны с указанной деятельностью. К таким лицам относятся индивидуальные предприниматели в случае совершения преступления в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим им имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также члены органов управления коммерческой организации в связи с осуществлением ими полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности[2].

[1] Урда М.Н., Шевелева С.В.Проблемы применения ст. 159 1 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 6. С. 70-73.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2. Аналогичное определение дано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

Само определение понятия предпринимательской деятельности, содержащееся в п. 1 ст. 2 ГК РФ, как «…самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке», еще более доказывают необходимость обнаружений «дополнительных признаков» субъекта мошенничества в этой сфере.

Остается открытым вопрос о совершении деяния фирмами-однодневками. В каждом конкретном случае с учетом всех обстоятельств дела нужно рассматривать вопрос о том, является ли деятельность юридического лица предпринимательской, либо оно используется исключительно для совершения преступлений и иных противоправных деяний. Очевидно, что здесь необходима квалификация не как мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств, а по ст.173.1 или 173.2 УК РФ, т.е. как деяния, направленного на образование (создание, реорганизацию) юридического лица, либо незаконное использование документов, для образования (создания, реорганизации) юридического лица. В силу того, что данные составы по конструкции объективной стороны относятся к формальным, очевидно, что любая сделка, совершенная такого рода организацией требует дополнительной квалификации по ч.1- 4 ст. 159 УК РФ. Применять ч.5-7 ст. 159 УК РФ недопустимо по указанным выше соображениям, т.е. ввиду отсутствия специального субъекта.

Так, действия Л. были квалифицированы как мошенничество в особо крупном размере, несмотря на то, что Л. действовал как директор ООО «А» и ООО «Т». Суд указал, что движение денежных средств по счетам ООО «А» и ООО «Т», отсутствие каких-либо договорных отношений между данными организациями и артистами, гастрольные туры которых, по словам подсудимого, организовывались, как и отсутствие каких-либо договорных отношений с организациями, предоставлявших места для проведения

концертов, в совокупности указывает на то, что ООО «А» и ООО «Т» не осуществлялась какая-либо законная предпринимательская деятельность. Составление Л. официальных документов путем подделывания подписи «фиктивного» исполнительного директора также свидетельствует о том, что данная деятельность не может быть признана осуществляемой в соответствии с действующим законодательством. Таким образом, оформление Л. лично и посредством привлечения иных лиц, не осведомленных о его преступных намерениях, договоров между ООО «А» и ООО «Т», с одной стороны, и организациями-потерпевшими, с другой, было направлено не на установление гражданско-правовых отношений между юридическими лицами, а являлось способом завладения имуществом потерпевших[1]. К сожалению, суд не дал оценку действий Л. на предмет наличия в его действиях составов преступлений, предусмотренных ст. ст.173.1 или 173.2 УК РФ.

Полагаем также, что физическое лицо, действуя от имени юридического лица, должно заключать подлинный договор (хотя и будучи заведомо осведомлено о том, что договор не будет исполнен). Так, не вызывает сомнений обоснованность отказа в переквалификации на ст. 159.4 УК РФ действий Ш., который, являясь генеральным директором ООО, у которого с ЗАО был заключен договор поручения, согласно которому общество принимало на себя обязательства по поиску и подбору клиентов (соинвесторов) для покупки квартир, заключал с последними поддельные договоры соинвестирования[2]. В другом деле С. заключил договор с несколькими лицами (всего более 10 эпизодов) на установку окон и дверей. Взял предоплату с каждого из потерпевших, однако, условия договора не выполнил. Суд его доводы о том, что договорные обязательства С. не исполнил из-за финансовых трудностей и значительных расходов на рекламу, признал несостоятельными, указав, что лицо, осуществляющее

[1] Приговор Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга от 04.06.2013г. Дело № 1-24/2013 (1-736/2012;) [электронный ресурс] // ГАС Правосудие: URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id

[2] Определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 27 июня 2013 г. по делу № 10-4612/2013.

предпринимательскую деятельность, должно рассчитывать стоимость оказываемых им услуг с таким расчетом, чтобы иметь возможность исполнить взятые на себя обязательства, а также обеспечить оплату затрат, связанных с накладными расходами. Обещание таким лицом оказать услугу за денежную сумму, которой заведомо не достаточно для выполнения обязательств, свидетельствует о наличии у такого лица умысла на неисполнение договорных обязательств, то есть на совершение мошенничества[1].

Не может оцениваться как мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности отсутствие договора, даже в случае, если денежные средства, полученные мошенническим путем, тратились на развитие бизнеса, и лицо являлось специальным субъектом, например, индивидуальным предпринимателем. Так, действия индивидуального предпринимателя С. суд квалифицировал как «простое» мошенничество, указав, что «…данных о том, что между потерпевшими и подсудимой заключались какие-либо договоры в сфере предпринимательской деятельности – нет». Однако, в показаниях потерпевших сказано, что им доподлинно было известно, что часть занятых денежных средств по договору займа С. тратила на развитие бизнеса[2].

Сомнительной, следуя этому правилу, представляется переквалификация на ст. 159.4 УК РФ действий Г., который, являясь учредителем и директором ООО и осуществляя предпринимательскую деятельность, оформил с потерпевшим М. договор задатка за автомобиль и впоследствии заключил с ним договор купли-продажи автомобиля, не намереваясь выполнить условия договора и предоставить потерпевшему автомобиль; денежные средства им были похищены. Суд указал, что «по смыслу закона, мошенничество считается совершенным в сфере предпринимательской деятельности, если оно

[1] Приговор Комсомольского районного суд г. Тольятти Самарской области от 31.01.2013. Дело №1-2/2013 (1-585/2012) // ГАС Правосудие: URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id

[2] Приговор Советского районного суда г. Тамбова от 24.12.2012. Дело № 1-186/2012 [электронный ресурс] // ГАС Правосудие: URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id=5fe436a6215adb71ed8bc&shard

совершено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность или участвующим в предпринимательской деятельности, и преступление непосредственно связано с указанной деятельностью»[1].

Указание на то, что преступление должно быть «непосредственно связано с указанной деятельностью», само по себе хотя и верно, однако нуждается в уточнении: эта связь должна быть содержательной, а не прикрывать фактически хищение в личных интересах отдельного физического лица. Так, Ф., представляясь директором ООО, принимал заказы от потерпевших на поставку запчастей на автомобили, однако, как справедливо указал суд, «…фактически предпринимательскую деятельность не осуществлял, и Ф. совершил хищение у вышеуказанных потерпевших без использования полномочий руководителя, обладающего организационно-распорядительные и административно-хозяйственными функциями. Сообщая потерпевшим сведения о том, что он является директором ООО, оформляя документы от имени директора ООО, Ф. облегчал себе доступ к чужому имуществу, так как, вводя потерпевших в заблуждение относительно искренности своих намерений, он создавал у них уверенность в правомерности своих действий и видимость желания исполнять взятые на себя обязательства, вместе с тем, не имея намерений исполнять их, с целью личного обогащения, завладев переданными ему денежными средствами, распоряжался ими по своему усмотрению, причиняя потерпевшим материальный ущерб»[2].

Сказанное не свидетельствует о том, что похищенное имущество должно использоваться только в предпринимательских целях. Виновный должен получить возможность свободно распоряжаться похищенным, что означает использование такого имущества как в личных, так и коммерческих целях.

Однако в новой редакции мошенничества в сфере предпринимательской деятельности законодатель еще более сузил возможности реализации данной нормы. Потерпевшей стороной мошенничества в предпринимательской сфере

[1] Постановление президиума Тульского областного суда от 12 ноября 2013 г. № 44у-709/13.
[2]Приговор Абаканского городского суда Республика Хакасия от 08.08.2014. Дело № 1-623/2014 [электронный ресурс] // ГАС Правосудие: URL: http://bsr.sudrf.ru

может быть только сторона договора, а в соответствии с примечанием 4 к ст. 159 УК РФ ей является индивидуальный предприниматель или коммерческая организация. Очевидно, что действия виновных в приведенных выше примерах теперь должны оцениваться как «простое» мошенничество, а под сферу действия новелл ст. 159 УК РФ будут подпадать сугубо предпринимательские отношения. Подобный вывод подтверждается и наличием фактически нового квалифицирующего признака – «значительный ущерб» без уточнения «гражданину», как это имеет место в других составах мошенничества.

Буквальное толкование текста закона свидетельствует о том, что если потерпевшими будут физические лица, то ответственность по ч.5-7 ст. 159 УК РФ не наступает. Очевидно, в таких случаях предприниматель или лицо, представляющее интересы коммерческой организации, должно нести ответственность по ч.1-4 ст. 159 УК РФ. Изначальная идея деления мошенничества с отражением его видов в специальных нормах, исходя из сферы совершения деяния, потеряло свой первоначальный смысл. Более того, как должен правоприменитель квалифицировать действия виновного при едином продолжаемом преступлении, когда жертвами такого преступления стали и граждане, и юридические лица? Если следовать правилам квалификации, то как совокупность преступлений, предусмотренных разными частями ст. 159 УК РФ!

Еще на стадии обсуждения законопроекта в пояснительной записке его авторы аргументировали свою позицию тем, что «...это будет способствовать выполнению требований Конституционного Суда Российской Федерации и соблюдению принципа равенства, баланса интересов и большей защите граждан, изначально находящихся в менее защищенном правовом положении»[1]. Совершенно справедливо Правовой комитет в своем официальном заключении на законопроект тогда сослался на постановление

[1] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // URL: http://asozd2.duma.gov.ru

Конституционного Суда РФ, в котором отмечается, что, поскольку предпринимательская деятельность осуществляется в различных сферах общественных отношений, предметом хищения чужого имущества применительно к преступлению, предусмотренному ст. 159.4 УК РФ, могут быть как средства потребителей (граждан), так и бюджетные средства (при преднамеренном неисполнении государственных и муниципальных контрактов), а также средства других коммерческих и некоммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей[1].

В Российской Федерации защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ч. 2 ст. 8 Конституции РФ). Исключение составляют ситуации, когда определяется значительный размер причиненного ущерба гражданину. Давно критикуемый учеными квалифицирующий признак кражи, предусмотренный п. «в» ч.2 ст. 158 УК РФ в части противоречия Конституции РФ, «оказался» криминообразующим для мошенничества, сопряженного с неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности «без привязки» к гражданину, понимаемому в доктрине уголовного права как физическое лицо. Фактически появился новый признак – «причинение значительного ущерба», которое следует понимать иначе, как это ранее было принято понимать для нужд всех форм хищения, где имеет место данный признак. В ст. 159 УК РФ в ч.2 мы обнаруживаем квалифицирующий признак «с причинением значительного ущерба гражданину», в ч. 5 ст. 159 УК РФ имеет место криминнобразующий признак «с причинением значительного ущерба». В первом случае он не может быть менее пяти тысяч рублей и определяется с учетом имущественного положения потерпевшего. Во втором случае размер ущерба не может быть менее десяти тысяч рублей без учета чьего-либо имущественного положения, и в случае, если ущерб составляет

[1] Заключение по проекту федерального закона № 793245-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», внесенному депутатами Государственной Думы П.В. Крашенинниковым, Р.М. Марданшиным и другими (первое чтение) от 18 мая 2015 г. // URL: http://asozd2.duma.gov.ru

менее десяти тысяч рублей, лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности[1].

Еще одним недостатком новой редакции ч. 5-7 ст. 159 УК РФ является отсутствие квалифицирующего признака для мошенничества в сфере предпринимательской деятельности в случае совершения данного преступления группой. Комплексное исследование организованного мошенничества, проведенное Д.О. Тепловой, позволяет констатировать тот факт, что мошенничество в сфере предпринимательской деятельности чаще всего совершается группой[2]. Однако законодатель «пропустил» данный квалифицирующий признак в ст. 159 УК РФ относительной предпринимательской сферы. Автор, ссылаясь на соблюдение принципа системности дифференциации уголовной ответственности за мошенничество, совершенное в соучастии, предлагал введение квалифицированных и особо квалифицированных составов мошенничества путем введения в ч. 2 ст. 159.4 УК РФ признака «группа лиц по предварительному сговору», а в ч. 4 – особо квалифицирующего признака «организованная группа»[3]. Отсутствие данных квалифицирующих признаков для «предпринимательского мошенничества» является серьезным упущением законодателя.

Таким образом, проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

Изменения законодательства в части закрепления мошенничества в сфере предпринимательской деятельности в общей норме о мошенничестве сложно признать удачными.

Исходя из буквального толкования нормы о «предпринимательском» мошенничестве субъектом ч.5-7 ст.159 УК РФ является представитель

[1] «Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ - 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.09.2016) [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

[2] Теплова Д. О. Криминологическая характеристика и предупреждение организованного мошенничества. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

[3] Там же. С. 10.

юридического лица или индивидуальный предприниматель. С учетом сложившейся практики применения предшествовавшей нормы о мошенничестве в предпринимательской сфере, субъектами преступления будут признаваться лица, юридически имеющие статус индивидуального предпринимателя, или осуществляющие свои преступные действия от имени зарегистрированной коммерческой организации.

Введен новый признак – «причинение значительного ущерба».

Наибольшую настороженность вызывает разделение способов уголовно-правовой охраны интересов физических лиц и юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В силу того, что потерпевшей стороной в мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности является сторона договора, следовательно, ими могут быть только индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, тогда как мошеннические действия хоть и осуществляемые в сфере предпринимательской деятельности, но совершенные в отношении гражданина должны оцениваться как «простое» мошенничество.

Критически следует оценивать отсутствие в уголовном законе квалифицирующих признаков, касающихся совершения преступления группой применительно к мошенничеству в сфере предпринимательской деятельности.

2.2. Мошенничество в сфере кредитования

Стремительный рост банковской сферы, появление различных организаций, предлагающих услуги по кредитованию как юридических, так и физических лиц, дали серьезный толчок к развитию экономики России. В то же время серьезная конкуренция среди кредитных организаций «облегчила» доступ к заемным средствам и тех, кто в принципе не в состоянии выплатить кредит, возможность получения кредита по одному документу породила среди населения представление легкодоступности получения заемных средств. В результате, долг населения перед кредитными организациями составляет миллиарды. В целях сокращения убытков в связи с невозвратом кредитов,

банки вынуждены поднимать процент по кредитному договору, что в конечном итоге, наряду с другими проблемами тормозит экономическое развитие государства, усиливает инфляцию, и обостряет все существующие экономические проблемы.

Для защиты имущественных интересов банков и иных кредиторов от недобросовестных заемщиков, обеспечения нормального порядка функционирования сферы кредитования УК РФ был дополнен ст. 159.1[1], предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере кредитования, под которым понимается хищение денежных средств заемщиком путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений.

Проведенное выборочное исследование практики работы судов, а также анализ многочисленных публикаций, дает основание утверждать, что мошенничество в сфере кредитования имеет широкое распространение. В то же время следует признать, что данные преступления высоко латентны. И причины здесь достаточно банальны: и нежелание банков обращаться в правоохранительные органы по поводу возбуждения уголовного дела, и завышенные проценты по кредитам, позволяющим банкам списывать долги неплательщиков, и более «эффективная» работа коллекторских агентств и т.д. С другой стороны, последние изменения уголовного законодательства привели еще к большей неразберихе в вопросе квалификации хищений в сфере кредитования.

Попытаемся не только определить уязвимые места законодательства и правоприменительной практики, но и предложить пути разрешения проблем.

Для выделения признаков рассматриваемого состава, необходимо определить, что представляет собой сфера кредитования и каковы ее пределы. От определения ее границ зависит в конечном итоге правильность выводов, касающихся рамок применения данной нормы и отграничения ее от смежных

[1] Александрова И.А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 54-62.

составов. Поддерживая позицию Л. Гаухмана, что по существу ст. 159.1 УК РФ является бланкетной[1], анализ диспозиции данной нормы не возможен без регулятивного законодательства.

В юридической науке единого мнения относительно понятия кредитной сферы нет. Так, С.Л. Нудель данную сферу определяет как финансово-кредитные отношения, т.е. относительно обособленные, регламентированные правом, экономические денежные отношения по формированию, распределению и использованию денежных фондов посредством кредитной системы[2]. Е. А. Дроздова кредитные отношения понимает как совокупность охраняемых уголовным законом общественных отношений, обеспечивающих движение кредитных средств в различных сферах экономики, возникающих между кредитором и заемщиком на условиях, установленных кредитором, в целях извлечения выгоды и оказания финансовых услуг юридическим и физическим лицам[3].

В экономической доктрине кредитную системой принято рассматривать в трех аспектах: как совокупность форм и видов кредитования (функциональный аспект), совокупность кредитно-финансовых учреждений (институциональный аспект), и как совокупность кредитно-финансовых отношений (сущностный аспект). Таким образом, С.Л. Нудель, Е.А. Дроздова определяют рассматриваемую сферу через *сущностный аспект*. В целом, соглашаясь с позицией авторов, полагаем, что не принимать во внимание два других аспекта будет не совсем верно.

Итак, в *институциональном аспекте* кредитная система России состоит из Центрального банка, коммерческих банков и специализированных

---

[1] Гаухман Л. Мошенничество: новеллы уголовного законодательства // Уголовное право. 2013. № 3. С. 25 - 27. Аналогичную позицию занимает С.В. Смолин: Смолин С.В.Актуальные вопросы квалификации мошенничества в кредитной сфере // Уголовное право. 2014. № 6. С. 65 - 72.

[2] Нудель С.Л. Особенности квалификации мошенничества в сфере кредитования // Российский следователь. 2015. № 7. С. 42 - 46. Сходную позицию занимает М.Ю. Шаляпина: Шаляпина М.Ю Уголовно-правовой анализ мошенничества в сфере кредитования // Российский следователь. 2015. № 14. С. 42 - 46.

[3] Дроздова Е.А. Уголовно-правовая охрана кредитных отношений и предупреждение преступных посягательств на них: автореф….канд. юрид. наук Москва, 2013. С.6.

кредитно-финансовых учреждений. Центральный банк монополизирует выпуск (эмиссию) кредитных денег в наличной форме (банкнот), аккумулирует и хранит кассовые резервы других кредитных учреждений, официальные золотовалютные резервы государства, осуществляет контроль за деятельностью прочих кредитных институтов. Он выдает кредиты только банкам. Поэтому теоретически возможно осуществление мошеннических действий в сфере кредитования, когда потерпевшей стороной будет Центральный банк России (далее ЦБ России), в случае если от имени коммерческого банка по подложным или поддельным документам лицо получит кредит для конкретного банка, но использует данные средства в свою пользу или пользу третьих лиц. Мы указали на гипотетическую возможность в силу того, что данная норма будет общей по отношению к таким составам как ст.172, 172.1, 173.1, 173.2, и др. УК РФ в зависимости от обстоятельств дела.

Коммерческие банки отличаются от специализированных кредитно-финансовых учреждений тем, что занимаются любыми видами кредитования, т.е. это кредитные учреждения универсального характера.

В свою очередь, специализированные кредитно-финансовые учреждения кредитуют определенные сферы и отрасли хозяйственной деятельности, которые в законе именуются как небанковские. Последние имеют право осуществлять банковские операции только в части банковских счетов юридических лиц в связи с осуществлением переводов денежных средств без открытия банковских счетов, осуществлять переводы денежных средств без открытия банковских счетов и осуществлять переводы денежных средств без открытия банковских счетов и связанных с ними иных банковских операций[1]. Часть 2 ст.1 ФЗ «О банках и банковской деятельности» указывает, что небанковская кредитная организация имеет право осуществлять отдельные банковские операции, предусмотренные указанным законом. Допустимые сочетания банковских операций для такой небанковской кредитной

[1] Ч.1 ст.1 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 в ред. от 29.12.2015 «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. 2016.

организации устанавливаются Банком России[1]. Определения, данные в ФЗ «О банках и банковской деятельности» в п.1 и 2 ст.1 соотносятся между собой как целое и частное. «Законодатель соединил видовое понятие платежной небанковской кредитной организации (далее НКО) посредством определения ее компетенции и родовое понятие иных видов НКО. Представляется, что данное определение несовершенно с точки зрения логики, ибо необходимо различать делимое и членов деления (т.е. объем родового понятия и видовое понятие)»[2].

Ученые обращают внимание, что термин «небанковская кредитная организация» был выбран законодателем крайне неудачно, т.к. «небанковские» организации осуществляют «банковские операции». В научной литературе, одни авторы предлагают отказаться от термина «банк»[3], другие, напротив, предлагают именовать данные организации как «расчетный банк» или «банковская организация»[4].

В контексте нашего исследования следует акцентировать внимание на то, что не все НКО могут осуществлять кредитование, поэтому и указание на такие организации в их наименовании «кредитная» также не совсем точно. Данную функцию могут выполнять только те НКО, которые имеют кредитную лицензию. Специалисты в области банковского права считают, что использование термина «кредитные» можно допустить по двум причинам: во-первых, законодательство не определяет кредитную организацию как организацию, имеющую исключительное право предоставлять банковские кредиты, а во-вторых, расчетные небанковские кредитные организации вправе представлять определенного вида кредиты клиентам - участникам расчетов на

[1] Там же.
[2] Тарасенко О.А., Хоменко Е.Г. Небанковские кредитные организации: особенности создания и деятельности: монография. Москва: Проспект, 2013. С.6.
[3] Мадыгина О.А. Небанковская кредитная организация как юридическое лицо: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 7.
[4] Рекомендации, принятые по результатам первых парламентских слушаний по НКО [Электронный ресурс] // URL: www.geocities.com/Pipeli№e/Reef/4305/PR-Duma2.htm

завершение расчетов по совершенным сделкам в порядке, определенном Банком России[1].

НКО, имеющие право осуществлять кредитование, т.е. размещение привлеченных во вклады денежных средств от своего имени и за свой счет, именуются в банковском законодательстве как небанковские кредитные организации, осуществляющие депозитно-кредитные операции (далее НДКО). Правовой статус этих организаций определен Положением ЦБ РФ от 21 сентября 2001 г. «Об особенностях пруденциального регулирования деятельности небанковских кредитных организаций, осуществляющих депозитные и кредитные операции»[2].

По состоянию на 2014 год небанковские депозитно-кредитные организации (НДКО) представляли собой самую малочисленную группу небанковских кредитных организаций, их было всего 4 в банковской системе России[3]. Данные организации могут не только выдавать кредиты, но и привлекать денежные средства на депозиты исключительно от юридических лиц, осуществлять куплю-продажу иностранной валюты в безналичной форме и выдавать банковские гарантии. НДКО не могут производить расчеты по поручению физических и юридических лиц, заниматься инкассацией, осуществлять переводы без открытия банковских счетов.

Такой вид небанковских кредитных организаций не интересен как бизнес, т.к. нормативы, предъявляемые к рассматриваемым организациям практически совпадают с нормативами, предъявляемым к банкам[4], тогда как перечень возможных операций значительно уже, что очевидно и послужило

---

[1] Тарасенко О.А., Хоменко Е.Г. Небанковские кредитные организации: особенности создания и деятельности: монография. Москва: Проспект, 2013. 112 с.

[2] Положение ЦБ РФ от 21 сентября 2001 г. № 153-П «Об особенностях пруденциального регулирования деятельности небанковских кредитных организаций, осуществляющих депозитные и кредитные операции» // Вестник Банка России. 2001. № 60; 2004. № 7.

[3] Ларина О.И. Правовое регулирование деятельности российских небанковских кредитных организаций: развитие, состояние и перспективы // Банковское право. 2014. № 4. С. 24 - 30.

[4] См. подробнее: Положение Банка России от 21.09.2001 № 153-П «Об особенностях пруденциального регулирования деятельности небанковских кредитных организаций, осуществляющих депозитные и кредитные операции» (утв. Банком России 21.09.2001 № 153-П) в ред. от 16.12.2003 // Вестник Банка России. 27.09.2001. № 60.

причиной прекращения деятельности и данных учреждений. На сегодняшний день в России нет ни одной НКДО, имеющей лицензию Центробанка России, хотя теоретически такие организации могут появиться, поскольку нормативные акты предполагают такую возможность[1].

Кроме кредитных организаций в банковскую систему в соответствии ст. 76.1 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» входят некредитные финансовые организации. К данным экономическим субъектам относится достаточно большой круг организаций, однако не все они вправе осуществлять профессиональную деятельность по предоставлению потребительских займов. К некредитным финансовым организациям, осуществляющим предоставление потребительских займов, относятся:

1) микрофинансовые организации;

2) кредитные потребительские кооперативы;

4) сельскохозяйственные кредитные потребительские кооперативы;

5) ломбарды[2].

Данные организации выдают займы[3], которые отличаются от кредита следующими признаками: договор займа – реальный договор, договор кредита – консенсуальный, т.е. считается заключенным с момента достижения соглашения по всем существенным условиям. Договор займа порождает одностороннее обязательство, договор кредита – двустороннее. Договор займа может быть как возмездным, так и безвозмездным, кредитный договор всегда будет только возмездным. Субъектами договора займа могут быть любые субъекты гражданского права, в кредитном договоре на стороне кредитора

[1] Инструкция ЦБ РФ № 135-И от 02.04.2010 «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» [электронный ресурс] // URL: http://www.profba№ki№g.com/library/363.html

[2] Владова О.Г. Комментарий к Федеральному закону от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2015.

[3] Федеральный закон от 19.07.2007 № 196-ФЗ в ред. от 21.12.2013 «О ломбардах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014) // Собрание законодательства РФ. 30.07.2007. № 31. ст. 3992; Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2010. № 27. ст. 3435 и др.

выступает только специальный субъект. Как мы указали выше, это может быть банк или НДКО. По форме банковский кредит заключается исключительно в простой письменной форме, тогда как договор займа может быть заключен как в простой письменной, так и в устной форме.

Таким образом, анализ институционального аспекта кредитной системы, позволяет сделать вывод, что не все ее составляющие учреждения могут осуществлять кредитование, потому следует выделить ограничения по данному аспекту для определения границ применения ст. 159.1 УК РФ.

Учитывая, что законодатель в ст. 159.1 УК РФ указывает на сферу кредитования, а не на сферу заемно-кредитных отношений, очевидно, что потерпевшей стороной по данному составу преступления не могут быть физические лица, а также ряд юридических лиц, например, таких как микрофинансовые организации, ломбарды и т.п[1].

Диспозиция ст. 159.1 УК РФ прямо указывает, что предметом данного состава преступления могут быть только денежные средства. Возникает вопрос, а не является ли такое законодательное определение основанием для исключения из сферы действия ст. 159.1 УК РФ товарных и товарно-денежных кредитов? Товарная форма кредита предусмотрена ст. 822 ГК РФ, в соответствии с которой предметом такого кредита являются вещи, определенные родовыми признаками. Товарно-денежная форма кредитования заключается в предоставлении кредита в форме товара, а возвращается деньгами или наоборот. В соответствии со ст. 823 ГК РФ договорами, исполнение которых связано с передачей в собственность другой стороне денежных сумм или других вещей, определяемых родовыми признаками, может предусматриваться предоставление кредита, в том числе в виде аванса, предварительной оплаты, отсрочки и рассрочки оплаты товаров, работ или услуг (коммерческий кредит), если иное не установлено законом.

[1] Противоположной точки зрения придерживается О.В. Ермакова, указывая, что потерпевшим при совершении мошенничества в сфере кредитования может быть не только банк, но и иной кредитор, в т.ч. физическое лицо, которое может предоставлять денежные средства в займы. (Ермакова О.В. Квалификация специальных видов мошенничества (ст. 159.1-159.6 УК РФ):
учебное пособие. Барнаул, 2016. С. 6.)

Таким образом, по форме кредита ст.159.1 УК РФ выделяет только одну – денежную. Остальные формы кредита не приемлемы. Однако здесь не следует отграничивать ситуации, когда выдается потребительский кредит, например, в магазине, уже не в виде денежных средств, а путем выдачи товара. Предметом договора являются денежные средства, а не конкретная вещь. Данный тезис подтверждается и регулятивным законодательством. Например, в случае возврата товара ненадлежащего качества, приобретенного потребителем за счет потребительского кредита (займа), продавец обязан возвратить потребителю уплаченную за товар **денежную сумму** (выделено автором), а также возместить уплаченные потребителем проценты и иные платежи по договору потребительского кредита (займа)[1], которые гражданским законодательством именуются как «убытки».

Здесь необходимо сделать оговорку, что если речь идет о потребительском кредите (займе), выдача которого регулируется федеральным законом «О потребительском кредите (займе)», то это отношения, возникающие в связи с предоставлением потребительского кредита (займа) физическому лицу в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, на основании кредитного договора, договора займа и исполнением соответствующего договора[2]. Иными словами, не все потребительские кредиты (займы) могут подпадать под сферу действия ст. 159.1 УК РФ.

Таким образом, рассматриваемая норма предусматривает обязательность заключения кредитного договора в качестве криминообразующего признака исходя из анализа регулятивного законодательства[3]. Принципиальность вопроса заключается в том, что предметом преступления могут быть только денежные средства, полученные мошенническим путем в сфере кредитования,

[1] П.6 ст. 24 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 13.07.2015) «О защите прав потребителей» // http://www.pravo.gov.ru

[2] Ст. 1 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О потребительском кредите (займе)» // Собрание законодательства РФ. 23.12.2013. № 51. ст. 6673.

[3] Аналогичную точку зрения занимает Шерстнева А.Н. См.: Шерстнева А.Н. Мошенничество в сфере кредитования // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. №15. С.234.

а кредитный договор может быть заключен только в письменной форме в соответствии со ст. 820 ГК РФ.

При банковской форме кредита используются исключительно денежные средства и предоставляется только финансово-кредитными учреждениями, имеющими лицензию ЦБ РФ на ведение такого вида операций.

Итак, уточняя предложенное выше С.Л. Нуделем определение кредитной сферы применительно к ст. 159.1 УК РФ, можно сформулировать ее следующим образом. ***Кредитная сфера – это совокупность относительно обособленных денежных правоотношений по формированию, распределению и использованию денежных фондов посредством кредитной системы, возникающих между банком или иной кредитной организацией, имеющей лицензию ЦБ России на кредитование физическим или юридическим лицом.***

Предложенное определение кредитной сферы позволяет выявить «зауженный» подход законодателя к определению деяний, подпадающих под признаки ст. 159.1 УК РФ. Исключение из диспозиции статьи указания на денежные средства как предмет преступления, могло бы позволить в дальнейшем рассматривать все преступные посягательства, связанные с получением имущества путем обмана или злоупотребления доверием в сфере кредитования, в рамках ст. 159.1 УК РФ. Дополнительным доводом для исключения указания на «денежные средства» из диспозиции ст. 159.1 УК РФ выступает отсутствие разницы по признакам предмета с основным составе мошенничества.

О том, что «новые» виды мошенничества отличаются от основного состава лишь сферой, неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Правительство РФ.

Так, А.Ю. Полянский считает, что в целях конкретизации кредитных правоотношений как особой сферы для совершения мошенничества в качестве предмета преступления нужно определить не только денежные средства, но и

иное имущество, которое может быть получено по договору кредитования[1]. С другой стороны, столь узкая трактовка ст. 159.1 УК РФ, позволяет утверждать, что отсутствуют расхождения уголовного и гражданского законодательства. Согласно регулятивному законодательству кредитная сфера имеет выражение в форме кредитного договора, предметом которого являются **только** денежные средства. Несмотря на то, что в регулятивном законодательстве выделены такие формы кредита как товарный и коммерческий, по своей правовой природе они представляют собой заем.

Анализ правопрменительной практики свидетельствует о том, что мошенничество, осуществляемое под «прикрытием» договоров займа, квалифицируется как «простое» мошенничество. Так, К. был признан виновным по ч.4 ст. 159 УК РФ. Он создал КПКГ «Кредитный союз». Будучи директором организации, под высокий процент брал у населения денежные средства. Чтобы создать видимость добропорядочности организации первоначально выплачивал проценты своим кредиторам. Впоследствии, создав другую фирму, все активы КПКГ «Кредитный союз» перевел в эту фирму, составив подложные квитанции, а в отношении КПКГ «Кредитный союз» инициировал процедуру банкротства[2].

Сказанное позволяет перейти к анализу признаков состава преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ.

В рамках анализа субъективных признаков мошенничества нами были высказаны критические замечания на предмет неточности формулировки признака специального субъекта рассматриваемого состава. Конструкция субъективной стороны ст. 159.1 УК РФ не обнаруживает каких-либо особенностей. Поэтому считаем необходимым сделать акцент на исследование криминообразующих объективных признаков мошенничества в сфере кредитования.

---

[1] Полянский А.Ю. Уголовно-правовые аспекты мошенничества в сфере кредитования // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1 (38). С. 220–223.

[2] Приговор Московского районного суда г. Чебоксары. Дело № 1-67/2015. [электронный ресурс] // URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https

Конструкция объективной стороны рассматриваемой нормы заставляет на теоретическом уровне разрешить ряд вопросов. Объективная сторона этого преступления выражается в том, что субъект обращается в банк или иному кредитору с просьбой о выдаче кредита. Поскольку имущественное положение или иные характеристики субъекта не позволяют претендовать ему на положительное решение кредитора, он сообщает ложные сведения, предоставляет кредитору подложные документы и т.д. Здесь стоит обратить внимание на ситуации пассивного обмана, т.е умолчание о фактах и обстоятельствах, могущих иметь значение для при принятия решения банком (кредитной организацией). В целом следует согласиться с позицией А. В. Шеслера, что такое хищение должно подпадать под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, так как является мошенничеством в сфере кредитования. Однако квалифицировать его следует по ст. 159 УК РФ, поскольку в ст. 159.1 УК РФ такой способ совершения преступления не предусмотрен[1]. На наш взгляд, **следует уточнить редакцию рассматриваемой нормы с целью устранения допущенной технико-юридической погрешности, приведшей к исключению одного из способов обмана (пассивный) из диспозиции ст. 159.1 УК РФ.**

Учитывая, что законодатель прямо называет в качестве субъекта преступления заемщика, отдельные авторы пришли к выводу, что между заемщиком и кредитором должен быть заключен кредитный договор[2]. Следовательно, может ли быть основанием для исключения квалификации по ст. 159.1 УК РФ отсутствие такого рода договора? Определяя выше пределы действия сферы кредитования, мы пришли к выводу, что кредитный договор между заемщиком и кредитором должен быть заключен в простой письменной форме.

[1] Шеслер А. В. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. № 2

[2] Шерстнева А.Н. Мошенничество в сфере кредитования // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. №15. С.234.

Рассматриваемое преступление считается оконченным с момента заключения кредитного договора и передачи (перечисления) денежных средств заемщику. Анализируя нормы, регулирующие кредитные правоотношения, мы пришли к выводу, что кредитный договор является консенсуальным[1], а, следовательно, заключенным с момента согласования всех его существенных условий, но обязательство возвратить денежную сумму, предоставленную по договору кредита, возникает с момента предоставления денежных средств заемщику[2].

Кроме того, в соответствии с п. 1 ст. 821 ГК РФ кредитор вправе отказаться от предоставления заемщику предусмотренного кредитным договором кредита полностью или частично при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что предоставленная заемщику сумма не будет возвращена в срок. Под такими обстоятельствами, как правило, понимаются либо обстоятельства, изложенные в самом договоре[3], и, соответственно, не исполненные заемщиком, либо ухудшение финансового состояния заемщика, в частности, возбуждение в отношении него дела о банкротстве[4].

На практике имеют место ситуации, когда кредит, являясь целевым, не выдается в качестве наличных денег или кредитной картой с отрытым на определенную сумму счетом, а путем выдачи товара, на который кредит и запрашивался. Так, С. подыскал в торговой сети «Евросеть» удовлетворяющий необходимым параметрам ноутбук и лицо, которому они с Ш. продадут похищенное после совершения мошенничества. В свою очередь, Ш. обратился к продавцу указанного магазина с заявлением о приобретении ноутбука в кредит, предоставляемый ЗАО «Банк Русский Стандарт», и предоставил

[1] Однако некоторые суды признают кредитный договор реальным: Постановление ФАС Московского округа от 13.05.2010 № КГ-А40/2867-10 по делу № А40-66647/09-30-526.

[2] Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.

[3] См, например: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.01.2010 по делу № А27-11055/2009; Определение ВАС РФ от 02.02.2010 № ВАС-16463/09 по делу № А57-2397/09-253; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 21.04.2011 по делу № А10-3193/2010 и др.

[4] См., например: Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24.12.2009 по делу № А27-6231/2009.

паспорт на имя Ш.А.М., украденный им ранее. В тот же день кредитный договор был оформлен, Ш. был передан ноутбук, которым он с С. в дальнейшем распорядился по собственному усмотрению. В результате преступных действий осуждённых ЗАО «Банк Русский Стандарт» был причинён ущерб на сумму 22 954 рубля[1]. Отдельные авторы полагают, что подобные деяния должны рассматриваться по признакам ст. 159 УК РФ, т.к. как такового хищения денежных средств банка не происходит – изначально умыслом осуждённых охватывалось незаконное приобретение товара в собственность для последующей реализации[2].

Действительно, в диспозиции ст. 159.1 УК РФ прямо указано на хищение **денежных средств,** и буквальное понимание нормы может привести к такому выводу. Однако полагаем, что для уяснения данного вопроса следует обратиться к регулятивному законодательству и договору, который заключает виновный с банком. По регулятивному законодательству данные отношения подпадают под понятие кредитного договора (ст. 819 ГК РФ), т.е. ситуации, когда банк или иная кредитная организация предоставляет денежные средства заемщику на условиях их возврата и уплаты процентов, т.е. так называемый банковский кредит. Предметом договора по банковскому кредиту являются денежные средства, а не товар. **Поэтому, при получении материальных ценностей мошенническим путем на основании заключенного банковского кредита, действия виновного подпадают под признаки ст. 159.1 УК РФ, т.к. предметом договора являются денежные средства, а в силу того, что кредит целевой, получателю кредита в отдельных случаях может выдаваться сразу имущество, приобретаемое за счет этих заемных средств.**

Учитывая то обстоятельство, что любая норма материального права должна быть процессуально исполнима, следует обратить внимание на то, что

[1] Архив Ленинского районного суда г. Омска. Уголовное дело № 1-535/2013

[2] Савин С.В., Рузин С.Е. Проблемы применения специальных составов мошенничества при квалификации преступных деяний // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. №1 (38). С.196.

фактически к уголовной ответственности по ст. 159.1 УК РФ можно привлечь при наличии двух обстоятельств: предоставленных ложных сведениях о своих финансовых возможностях и неисполнении возложенных кредитных обязательств в течение определенного срока (как минимум до первого платежа).

М. по подложным документам получил целевой кредит на покупку автомобиля. Первоначальный взнос он сделал в день покупки, в дальнейшем условия кредитного договора не исполнял. Действия М. суд квалифицировал по ч. 2 ст. 159.1 УК РФ, так как он совершил мошенничество в сфере кредитования, то есть хищение денежных средств заемщиком путем представления банку заведомо ложных сведений, группой лиц по предварительному сговору[1].

Однако, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»[2] говорится, что если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, … ***со времени заключения договора***…). Но законодатель предусмотрел мошенничество в сфере кредитования несколько уже, чем мошенничество, предусмотренное ст. 159 УК РФ. Последнее понимается не только как хищение чужого имущества, но и как приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

Следовательно, в случае, если заемщик представил ложные сведения (документы), а в процессе проверки банком, данная информация была выявлена, содеянное следует квалифицировать как покушение. Если же банком был выдан кредит или кредитная карта, то содеянное надлежит

[1] Архив Замоскворецкого районного суда города Москвы. Дело № 1-294 / 2013 [электронный ресурс] http://судебныерешения.рф/bsr/case/7052778.
[2] П.6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

квалифицировать как оконченное преступление, даже если преступник не успел использовать заемные средства по своему усмотрению. Однако Верховный Суд РФ занял иную позицию: «…если предметом преступления являются безналичные денежные средства….преступление считается оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета…»[1].

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что для получения кредита могут быть использованы поддельные или подложные документы, что само по себе является преступлением, предусмотренным ст. 327 УК РФ. Так, Орджоникидзевский районный суд г. Магнитогорска Челябинской области признал виновной гражданку К. по ч.5 ст. 33 и ч.1 ст. 327 УК РФ, ч.1 ст. 159.1 УК РФ, которая вначале передав паспорт неустановленному следствием лицу для внесения изменений в фамилию в своем паспорте, впоследствии воспользовалась им при получении кредита на сумму 30000 рублей[2].

Однако практика не единообразна в этом вопросе. В одном случае, суды квалифицируют подобного рода деяния как покушение на мошенничество, а подделку документов признают способом совершения мошенничества. В других случаях суды усматривают оконченный состав ст. 327 УК РФ, но покушение на мошенничество не признают.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Приморского краевого суда рассмотрела в судебном заседании кассационное представление на приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 01 октября 2012 года, которым Г. осужден по ст. 159 ч.2 УК РФ (в редакции Федерального закона от 07.03.2011 года № 26-ФЗ) к 3 годам лишения свободы без ограничения свободы. По ч. 2 ст. 327 УК РФ судом обвинение признано излишним, «…поскольку приобретение самонаборной печати…, изготовление поддельной печати, которая была использована при заключении договора купли-продажи … и при изготовлении справки-счета … ***фактически явились***

[1] П.5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.
[2] Приговор от 16 января 2013 г. Орджоникидзевский районный суд г. Магнитогорска (Челябинская область) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http:/sudact.ru

способом совершения мошеннических действий (выделено автором)»[1]. Однако, в Постановлении прямо указано, что «…хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием подделанного этим лицом официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, требует дополнительной квалификации по ч.1 ст. 327 УК РФ»[2].

В другом уголовном деле, суд усмотрел признаки преступления, предусмотренного ч.1 ст. 327 УК РФ, однако, юридической оценки покушения на мошенничество в области предпринимательской деятельности не дал. Суть преступного замысла Г. заключалась в том, что с помощью цветного принтера, преступник изготовил ряд документов, дающих право на покупку земельного участка. Поддельные документы он передал юристу для оформления права собственности на интересующий земельный участок, но реализовать задуманное он не смог по независящим от Г. обстоятельствам[3].

В приговоре Красночикойского районного суда (Забайкальский край) не была дана юридическая оценка действий С., покушавшегося на получение кредита путем использования поддельных документов. С., склонив своего знакомого директора ООО, выдать ему справку 2-НДФЛ и трудовую книжку, предоставил указанные документы в банк в целях получения кредита. Однако реализовать преступный замысел у С. на получение кредита по поддельным документам не получилось. Суд признал С. виновным только по ч.4 ст.33 ч.1 ст.327 УК РФ[4]. Аналогичное решение принял Орджоникидзевский районный суд г. Магнитогорска Челябинской области, признав виновной К. в подделке справки 2-НДФЛ по ч.1 ст.327 УК РФ, которая в целях получения кредита

[1] Кассационное определение № 22-487 от 17 января 2013 г. Приморский краевой суд (Приморский край) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://sudact.ru

[2] П.7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

[3]Приговор от 24 декабря 2012 г. Ленинский районный суд г. Магнитогорска (Челябинская область) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sudact.ru

[4] Приговор от 20 декабря 2012 г. Красночикойский районный суд (Забайкальский край) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sudact.ru

представила указанную справку в банк, где работниками банка подделка была изоблечена[1].

В каком же случае возможно применение ст.159.1 УК РФ без совокупности со ст. 327 УК РФ? Очевидно, когда заемщик предоставляет ложную информацию устно, т.е. без документального подтверждения. Также не требуется дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ в случае, когда мошеннические действия совершает одно лицо, а подделку документов – другое. Как указала высшая судебная инстанция данные правила применимы для всех специальных видов мошенничества, где может использоваться поддельный официальный документ (ст. 159.1, 159.2, 159.5 УК РФ)[2].

Заемщик, т.е. лицо, «…обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит…»[3] предоставляет «…банку или иному кредитору заведомо ложные и (или) недостоверные сведения» (ч.1 ст.159.1 УК РФ). Чем же отличается термин «ложный» от термина «недостоверный»?

Полагаем, что в контексте ст. 159.1. УК РФ указанные термины различаются следующим: ложная информация – это информация изначально содержащая не соответствующие действительности сведения. Недостоверные сведения могут изначально не быть ложными, но при определенных условиях (о которых несомненно знает заемщик) приводить кредитора к ошибочным представлениям о фактическом финансовом положении акцептанта. Например, потенциальный заемщик представляет банку реальную справку 2-НДФЛ и другие документы, которые требует банк, однако умалчивает о своих существенных финансовых обязательствах по договору найма, завышение оценки имущества, передаваемого в залог банку, с целью создания мнения об

[1] Приговор от 10 декабря 2012 г. Орджоникидзевский районный суд г. Магнитогорска (Челябинская область) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://sudact.ru

[2] П.7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

[3] П.13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

обеспеченности кредита[1], сокрытие от банка информации о непогашенном кредите, представление в банк поддельных документов, подтверждающих наличие дебиторской задолженности и устойчивое финансовое положение[2], наличие достаточных знаний и навыков предпринимателя, высшего образования и достаточного опыта работы, позволяющих подсудимому заведомо знать о ложности представляемых им в банк сведений, искажавших реальное финансовое состояние индивидуального предпринимателя[3], использование мошенником фигуры номинального директора-заемщика, которому мошенник давал указания[4], уклонение от регистрации договора ипотеки[5], продажа заемщиком имущества, находящегося в залоге у банка, без согласия банка и использование вырученных средств не для погашения кредита[6] и т.п. Прав А.Ю. Полянский, что исходя из содержания диспозиции ч. 1 ст. 159.1 УК РФ сведения кредитору могут быть представлены либо альтернативным образом, либо в совокупности[7].

В конструкции ст. 159.1 УК РФ законодатель понимает кредитора как «банк или иной кредитор». Как мы определили выше, посредством анализа регулятивного законодательства, это может быть банк либо НКО, имеющая кредитную лицензию от ЦБ России. Однако практика в данном вопросе крайне противоречива. Так, в апелляционном определении судебной коллегии по уголовным делам Курганского областного суда от 4 апреля 2013 г. в отношении Е. в связи с существенным нарушением уголовного закона,

---

[1] См.: Определение Верховного суда Республики Коми от 06.12.2011. Дело № 22-6074/2011; приговор Ленинского районного суда г. Воронежа от 06.06.2011.

[2] Приговор Ленинского районного суда г. Воронежа от 06.06.2011; Обзор судебной практики Кемеровского областного суда от 23.06.2005 № 01-19/320 по делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 159, 160, 165, 242, 327 УК РФ.

[3] См.: приговор Московского районного суда Чебоксары от 07.11.2011.

[4] См.: Кассационное определение Московского городского суда от 12.03.2012 по делу № 22-1997/12.

[5] См.: Обзор судебной практики Кемеровского областного суда от 23.06.2005 № 01-19/320 по делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 159, 160, 165, 242, 327 УК РФ.

[6] См.: приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 12.09.2012 по делу № 1-512/2012.

[7] Полянский А.Ю. Уголовно-правовые аспекты мошенничества в сфере кредитования // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1 (38). С. 220–223.

указано, что определение понятия «заемщик» установлено гражданским законодательством как для договоров займа, так и для кредитных договоров[1].

Приговором Тверского районного суда г. Москвы В. признан виновным в совершении мошенничества в сфере кредитования, т.е. хищении денежных средств заемщиком путем предоставления кредитору заведомо ложных сведений, а именно в том, что, имея умысел на хищение чужого имущества путем предоставления заведомо ложных сведений, 25 мая 2010 г. заключил договор займа с Кредитным потребительским кооперативом «Национальный кредит» в размере 400 тыс. руб. и являющийся его неотъемлемой частью договор залога, указав в последнем заведомо ложные сведения об отсутствии обременений предмета залога[2].

Противоположные решения также имеют место. Так, по приговору Ленинского районного суда г. Саранска, М. признан виновным по всем эпизодам по соответствующим частям ст. 159 УК РФ. Преступный замысел М. заключался в том, что он действовал по чужому паспорту, представляясь другим именем, входил в доверие к гражданам и брал деньги в долг по договору займа с выплатой 10%[3]. В данном случае граждане выступали кредиторами, а заемщиком выступал М. Намерения не возвращать денежные средства подтверждены тем фактом, что он действовал на основании подложного паспорта, не осуществлял предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, а, следовательно, не имел возможности вернуть заемные денежные средства в установленные договорами сроки.

Расширительное понимание сферы кредитования имеет место и в доктрине уголовного права[4]. Ученые, занимающие противоположную

---

[1] Постановление Президиума Курганского областного суда от 5 августа 2013 г. по делу № 44У-149/2013.

[2] Приговор от 1 февраля 2013 г. Тверской районный суд г. Москвы (http://tverskoy.msk.sudrf.ru).

[3] Приговор Ленинского районного суда г. Саранска от 25.02.2014. Дело. № 1-44/2014 [электронный ресурс] // ГАС Правосудие. URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id=c72d3d25346694a8a82373cb2761c440&shard=Уголовные дела

[4] См.: Семенчук В.В., Швец А.В. Проблемы квалификации мошенничества в кредитной сфере в свете последних изменений в уголовном законодательстве // Юридический мир. 2013. № 6. С. 17 - 20; Урда М., Шевелева С. Проблемы применения ст. 159.1 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 6. С. 70 - 73.

позицию, апеллируют к гражданскому законодательству[1]. Полагаем, что при существующей конструкции диспозиции ст. 159.1 УК РФ они более близки к истине. Однако заслуживает поддержки точка зрения, согласно которой имеется определенное сходство заемных и кредитных правоотношений, что обусловлено расположеним гражданско-правовых норм, их регулирующих, в одной главе ГК РФ (гл. 42 ГК РФ), а также наличие правила, предусмотренного п. 2 ст. 819 ГК РФ, согласно которому к отношениям по кредитному договору применяются правила, предусмотренные для договора займа, если иное не предусмотрено ГК РФ и не вытекает из существа кредитного договора[2].

В заключение необходимо остановиться еще на одной проблеме. Учеными неоднократно обращалось внимание на несоразмерность санкций ст. 159.1 УК РФ, особенно в сравнении с санкциями ст. 159 УК РФ. Если прежде мошенничество в сфере кредитования в крупном размере было отнесено к тяжким преступлениям (ч.3 ст.159 УК РФ, где срок наказания до шести лет лишения свободы), то ныне это деяние признано преступлением средней тяжести (ч.3 ст.159.1 УК РФ с санкцией до пяти лет лишения свободы). Федеральным законом от 03.07.2016 №325-ФЗ данная коллизия была отчасти разрешена. Указанным законом не подверглась изменениям санкция ч.1 ст. 159.1 УК РФ. Однако прежде крупным размером считалась стоимость имущества, превышающая 250 тыс. руб., то теперь порог поднят в 1,5 млн рублей. Например, до внесения изменения в УК РФ Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3] мошенник, похитивший денежные средства на сумму превышающую 1,5 млн.

---

[1] См.: Александрова И.А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве // Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2013. № 21. С. 55; Нудель С.Л. Особенности квалификации мошенничества в сфере кредитования // Российский следователь. 2013. № 13. С. 19.

[2] Смолин С.В. Актуальные вопросы квалификации мошенничества в кредитной сфере // Уголовное право. 2014. № 6. С. 65 - 72.

[3] Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2012. - № 49. - ст. 6752.

рублей подлежал уголовной ответственности по ч. 4 ст. 159 УК РФ, где санкция предусматривает лишение свободы на срок до десяти лет в совокупности с дополнительным наказанием. Теперь же такому мошеннику «выгодно», чтобы его действия квалифицировали по любой из статей УК РФ, предусматривающей специальные виды мошенничества, т.е. ст.ст. 159.1-159.6 УК РФ.

Несмотря на то, что законодатель отчасти разрешил проблемы, связанные с явно заниженными санкциями по специальным составам мошенничества, отсутствие изменений, касающихся размеров причиненного ущерба, очевидно, стоит понимать как решение, носящее сугубо политическую окраску.

Полагаем, завышенные критерии крупного и особого крупного размера в специальных видах мошенничества противоречат принципу справедливости.

Несмотря на закрепление в российском уголовном законодательстве мошенничества в сфере кредитования, это не решило всех проблем отграничения данного деяния от смежных составов преступления. Помимо вменения основного состава мошенничества на практике очень часто возникают ошибки квалификации хищения денежных средств путём представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений как преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, а также гражданско-правовых деликтов[1].

Исходя из буквального толкования диспозиции ст. 176 УК РФ, незаконное получение кредита отличается от мошенничества в сфере кредитования по субъекту, субъективной стороне, объекту и отдельным признакам объективной стороны.

К сожалению, конкретных разъяснений по данному вопросу Постановление пленума Верховного Суда РФ 2017 года не содержит.

[1] Полянский А.Ю. Уголовно-правовые аспекты мошенничества в сфере кредитования // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1 (38). С. 222.

Учитывая, что формально ст. 159.1 УК РФ и ст.176 УК РФ имеют разные субъективные и объективные признаки, при детальном анализе получается, что они фактически совпадают[1]. Более того, есть основания полагать, что на практике «неработающая» ст. 176 УК РФ в ближайшее время превратится в рудимент уголовного закона.

Итак, детальный анализ регулятивного и уголовного законодательства, а также правоприменительной практики позволил прийти к выводу, что законодатель применил «зауженный» подход к определению границ действия нормы о мошенничестве в сфере кредитования. В силу того, что гражданское законодательство разграничивает понятие кредит и заем, уголовное законодательство также пошло по пути размежевания кредитной и заемно-кредитной сферы. В результате потерпевшими по ст. 159.1 УК РФ могут быть только банки и НКО, имеющие кредитную лицензию ЦБ России. За пределами действия данной нормы остались правоотношения, возникающие между физическими лицами, физическими лицами и частными предпринимателями, микрофинансовыми организациями, ломбардами и т.п. Данные заемно-кредитные правоотношения остались в рамках уголовно-правовой охраны ст. 159 УК РФ.

Учитывая, что норма о мошенничестве в сфере кредитования (как, собственно, и другие специальные составы) изначально вводилась в уголовное законодательство в целях конкретизации квалификации преступных посягательств и четкого отграничения уголовно наказуемых деяний от гражданско-правовых отношений, что должно было привести к снижению числа ошибок и злоупотреблений во время возбуждения уголовных дел о мошенничестве, можно предположить, что точнее будет если в рамках данного состава будут рассматриваться все преступные посягательства, где потерпевшей стороной выступает учреждение, входящее в банковскую систему России.

[1] Более подробно см.: Мусьял И.А. Сфера кредитования как объект уголовно-правовой охраны при мошенничестве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 4 (21). С. 128-135.

В то же время, в силу того, что заемные правоотношения между физическими лицами, как правило, носят личный доверительный характер, они не могут влиять на дестабилизацию финансового рынка. Считаем, что целесообразно оставить охрану заемных правоотношений между физическими лицами в рамках ст. 159 УК РФ.

Сказанное позволяет предложить следующую редакцию ст. 159.1 УК РФ:

«Мошенничество в сфере заемно-кредитных отношений, то есть хищение имущества путем предоставления банку или небанковской кредитной организации заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно умолчание о фактах, имеющих значение для определения финансовых возможностей лица, - наказывается…»

2.3. Мошенничество при получении выплат

Российская Федерация как социальное государство обязано обеспечивать достойную жизнь и свободное развитие своих граждан. В соответствии со ст. 7 Конституции РФ охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты. В соответствии со ст. 39 Конституции РФ каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом.

Системообразующим элементом социальной сферы является социальное обеспечение, представляющее собой комплексный государственный, правовой и общественный институт, выступающий в качестве формы распределения материальных благ с целью удовлетворения жизненно необходимых личных потребностей нуждающихся в этом членов общества. Общественные отношения, возникающие в связи с предоставлением указанных материальных

благ, составляют предмет права социального обеспечения[1], которая является комплексной отраслью права, интегрирующей нормы конституционного, гражданского, трудового, административного и других отраслей.

В силу того, что специальные составы мошенничества, по сути представляют собой бланкетные нормы, для определения пределов действия ст. 159.2 УК РФ необходимо дать понятие социальных выплат.

Нормативно указанная дефиниция не определена. Например, федеральный закон «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» понимает под социальными выплатами пособия, стипендии и иные социальные выплаты.[2]

В законодательстве содержится определение социальной защиты инвалидов, под которой понимается система гарантированных государством экономических, правовых мер и **мер социальной поддержки** (выделено автором), обеспечивающих инвалидам условия для преодоления, замещения (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленных на создание им равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества[3], где под мерами социальной поддержки понимаются меры, обеспечивающие социальные гарантии инвалидам, устанавливаемые законами и иными нормативными правовыми актами, за исключением пенсионного обеспечения[4]. В тоже время ФЗ «О ветеранах» дает исчерпывающий перечень мер социальной поддержки инвалидов войны, к которым относятся, в том числе и вопросы, связанные с пенсионным обеспечением инвалидов войны[5]. Такое небрежное отношение законодателя к терминологии не способствует уяснению пределов понятия «социальные выплаты». Еще одним примером

[1] Ершов В.А., Толмачев И.А. Право социального обеспечения: Учебное пособие. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2009. 312 с.

[2] Федеральный закон от 07.08.2000 № 122-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 14.08.2000, № 33, ст. 3348.

[3] Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 27.11.1995. № 48. ст. 4563.

[4] Там же.

[5] Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 14.12.2015) «О ветеранах» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Собрание законодательства РФ. 16.01.1995. № 3. ст. 168.

«вольного» толкования является выше упомянутый закон № 122-ФЗ, в названии которого речь идет о стипендиях и социальных выплатах, что дает повод полагать, что стипендии к социальным выплатам не относятся. Однако в ст. 1 данного закона говорится, что размеры стипендий, пособий и других обязательных социальных выплат в Российской Федерации, определенные в соответствии с законодательством Российской Федерации в зависимости от минимального размера оплаты труда, устанавливаются в твердых суммах (в денежном выражении)[1]. Таким образом, законодатель стипендии приравнивает к социальным выплатам.

Кроме некорректного законодательного толкования понятий содержательно входящих в социальную сферу, существуют серьезные расхождения с отраслевой терминологией. В доктрине права социального обеспечения определена структура социальных выплат в зависимости от институциального аспекта - социальное страхование, пенсионное обеспечение, пособия, социальное обслуживание[2].

В диспозиции ст. 159.2 УК РФ речь идет о пособиях, компенсациях, субсидиях и иных социальных выплатах. Поэтому в теории уголовного права сложилось два подхода к пониманию предмета рассматриваемого состава преступления. Одна группа авторов считает, что любые выплаты из средств федерального или муниципального бюджета, полученные лицом путем предоставлении заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат должно квалифицироваться по ст. 159.2 УК РФ[3]. Другие ученые, ссылаясь на то, что данная норма предусматривает два объекта уголовно-правовой охраны – право собственности и финансовые отношения в сфере расходования бюджетных

[1] Федеральный закон от 07.08.2000 № 122-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 14.08.2000, № 33, ст. 3348.

[2] Ершов В.А., Толмачев И.А. Право социального обеспечения: Учебное пособие. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2009.

[3] См, например: Болдырев В.А., Вишнякова Н.В., Кузнецов А.А. Предмет мошенничества при получении выплат (статья 159.2 Уголовного кодекса РФ) // Современное право. 2015. № 3. С. 112 – 118.

средств в социальной сфере[1], полагают, что выплаты должны носить социальный характер, поэтому под сферу действия ст. 159.1 УК РФ не подпадают различного рода целевые программы, направленные на развитие малого и среднего предпринимательства, сферы народно-художественного промысла и декоративно-прикладного искусства, стимулирования сельскохозяйственного производства, гранты и т.п[2].

Обращает на себя внимание тот факт, что в первоначальном варианте законопроекта предусматривались «пособия, компенсации, субсидии, социальные и иные выплаты» в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ[3]. Это подразумевало, что под иными выплатами будут пониматься и гранты, и целевые субсидии и т.д. Существующая редакция ст. 159.2 УК РФ, содержащая фразу «иные социальные выплаты», дает основание утверждать, что не все выплаты из федерального бюджета, государственных внебюджетных фондов, бюджетов субъектов РФ и бюджетов муниципальных образований, полученные мошенническим путем, должны подпадать под действие ст. 159.2 УК РФ. Данное законодательное решение получило поддержку научной общественности, т.к «…Очевидной стала направленность нормы на защиту общественных отношений именно в сфере социального обеспечения»[4]. В то же время сложившаяся правоприменительная деятельность отличается крайней противоречивостью. К сожалению, и Постановление Пленума Верховного Суда РФ 2017 года № 48, где указано, что «…гранты, стипендии, предоставляемые физическим лицам и организациям в целях поддержки

[1] С.Л. Нудель дополнительный объект рассматриваемого состава преступления определяет как относительно обособленные регламентированные правом экономические денежные отношения по распределению и использованию денежных фондов в целях обеспечения мер социальной помощи (Нудель С.Л. Уголовно-правовая охрана финансовых отношений: дис. …д.ю.н., М., 2015. С.271).

[2]См., например: Прозументов Л., Архипов А. Предмет мошенничества при получении выплат // Уголовное право. 2014. № 1. С. 67 - 74.

[3] Паспорт проекта Федерального закона № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://asozd2.duma.gov.ru.

[4] Прозументов Л., Архипов А. Предмет мошенничества при получении выплат // Уголовное право. 2014. № 1. С. 67.

науки, образования, культуры и искусства, субсидии на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей, на поддержку малого и среднего предпринимательства…»[1] не являются социальными выплатами, лишь отчасти разрешило данные проблемы.

Полагаем, что последовательное толкование имеющихся терминов в диспозиции ст. 159.2 УК РФ позволит определить признаки выплаты, носящей социальный характер и отграничить их от других выплат, которые не входят в сферу действия данной нормы.

Сразу оговоримся, что мы не ставим задачу определения всех видов социальных выплат. По справедливому замечанию Е.В. Пуляевой, «существующая система социальных выплат создавалась в течение многих десятилетий. Сегодня их предоставление осуществляется на основе более чем 200 нормативных правовых актов, а получателями являются около 200 категорий граждан. В результате сформировался сложный механизм законодательного обеспечения социальных выплат, характеризующийся бессистемностью, несогласованностью, дублированием принимаемых законодательных актов»[2]. Важно заметить, что социальные выплаты предоставляются чаще всего **по категориальному принципу**, т.е. по принадлежности лица к какой-либо социальной группе (студент, пенсионер, военнослужащий, ветеран и т.п.), возможно назначение социальной выплаты члену семьи. В отдельных случаях законодатель оговаривает ряд условий к получению социальной выплаты лицу, хоть и подпадающему под какую-либо конкретную категорию[3].

---

[1] П.15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

[2] Пуляева Е.В. Социальные выплаты в образовательной сфере: анализ правового обеспечения // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 57 - 63.

[3] Например, студентка-мать, находящаяся в отпуске по уходу за ребенком, право на получение стипендии не имеет; она получают только ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет (Приказ Минобрнауки России от 13.06.2013 № 455 2 «Об утверждении Порядка и оснований предоставления академического отпуска обучающимся» (Зарегистрировано в Минюсте России 28.06.2013 № 28912) // Российская газета. 03.07.2013. № 142; Приказ Минздравсоцразвития России от 23.12.2009 № 1012н (ред. от 22.07.2014) «Об утверждении Порядка и условий назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.12.2009 № 15909) // Российская газета.

Кроме того, социальные выплаты могут носить **компенсационный характер**, т.к. государство исходит из необходимости поддержки социально уязвимых категорий граждан, выравнивания уровня доходов населения. Однако отдельные авторы утверждают, что некоторые стимулирующие выплаты также носят социальный характер, т.к. в основе системы социальных выплат должен находиться принцип стимулирования финансовой самостоятельности гражданина, когда он перестает быть только потребителем социальных услуг, его активность в сочетании с государственными гарантиями и мерами социальной поддержки становится залогом достижения уровня жизни[1]. В то же время ст. 129 ТК РФ отграничивает социальные выплаты от компенсационных и стимулирующих выплат.

Еще одним обязательным признаком любой социальной выплаты является **источник финансирования**. Наряду с федеральным бюджетом и государственными внебюджетными фондами, бюджетами субъектов РФ, бюджетами муниципальных образований выступают и иные источники, так называемое социальное партнерство. Если финансирование выплат осуществляется из других источников, такого рода выплаты нельзя признать социальными (отдельные компенсации работодателя работнику, например, за неиспользованный отпуск, гранты из внебюджетных фондов, благотворительная помощь).

27.01.2010. № 15); при отсутствии безработного трудоспособного лица, которому может быть предоставлено право на получение пособия по уходу, нетрудоспособный гражданин не имеет правовых оснований на реализацию своего законного интереса на обслуживание, являющееся, собственно, основой для возникновения права на соответствующее пособие (Постановление Правительства РФ от 04.06.2007 № 343 (ред. от 04.08.2015) «Об осуществлении ежемесячных компенсационных выплат неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за инвалидом I группы (за исключением инвалидов с детства I группы), а также за престарелым, нуждающимся по заключению лечебного учреждения в постоянном постороннем уходе либо достигшим возраста 80 лет» // Собрание законодательства РФ. 11.06.2007, № 24. ст. 2913.)

[1] См.: Калашников С.В. Очерки теории социального государства. М., 2006; Он же. Новая книга о социальном законодательстве // Журнал российского права. 2006. № 2; Хабриева Т.Я., Путило Н.В., Азарова Е.Г. Социальное государство: исследование на основе единства экономической и правовой теорий // Журнал российского права. 2006. № 11; Пуляева Е.В. Социальные выплаты в образовательной сфере: анализ правового обеспечения // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 57 - 63.

Социальными пособиями являются денежные выплаты гражданам в целях их материального обеспечения в период отсутствия у них заработка или иного изменения материального положения и в других случаях, предусмотренных законом. Нормативно социальное пособие определено как безвозмездное предоставление гражданам определенной денежной суммы за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации[1]. Основные социальные пособия финансируются Фондом социального страхования Российской Федерации. К ним относятся: пособие по временной нетрудоспособности, пособие по беременности и родам, пособие при рождении ребенка, пособие по уходу за ребенком, пособие на погребение и др. В соответствии с Законом РФ от 19 апреля 1999 г. № 1032-1 «О занятости населения Российской Федерации» выплачивается пособие по безработице[2].

В связи с этим не ясна позиция Межгорьевского городского суда, подтвердившего виновность М. по ч.1 ст. 159 УК РФ в рамках апелляционного производства. М., который являясь одновременно индивидуальным предпринимателем и слесарем в военной части (далее ВЧ), был сокращен. Обратившись в Центр занятости населения (далее ЦЗН) о признании его безработным и получив отказ в связи с наличием свидетельства индивидуального предпринимателя, закрыл свое свидетельство. После этого он вновь обратился в ЦЗН, где ему указали, что он не может претендовать на получение среднемесячной зарплаты, которая у него была в ВЧ, а может получать только минимальный размер пособия по безработице. М. обратился в другой филиал ЦЗН, где скрыл факт наличия незакрытого свидетельства частного предпринимателя на момент сокращения из ВЧ, что позволило ему получить необходимые документы, дающие право на получение

[1] Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 29.12.2015) «О государственной социальной помощи» // Собрание законодательства РФ. 19.07.1999. ст. 3699. № 29. ст. 3699.

[2] Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 в ред. от 22.12.2014 «О занятости населения в Российской Федерации» [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

среднемесячной заработной платы, вместо минимального размера пособия по безработице, чем причинил ущерб государству[1].

Компенсация - это производимое в соответствии с законом возмещение работнику понесенных им расходов в связи с выполнением трудовых обязанностей или в иных случаях.

Так, работникам, направляемым в служебные командировки, оплачиваются суточные, транспортные расходы, расходы по найму жилья; выплачиваются также компенсации при переводе на другую работу, связанную с переездом, и др[2]. В ст. 165 ТК РФ дан далеко не исчерпывающий перечень случаев предоставления компенсаций работникам. Носят ли они все социальный характер? Очевидно, нет. Кроме того, соответствующие выплаты производятся за счет средств работодателя, что доказывает тезис об отсутствии социальной составляющей такой выплаты. Сказанное подтверждается и практикой. Так, действия лица, представившего работодателю поддельные расходные документы, давшего ему возможность получить компенсацию расходов, связанных с командировкой, судом были оценены как мошенничество по ч.1 ст. 159 УК РФ[3].

В то же время, отдельные компенсационные выплаты, урегулированные нормами трудового законодательства, следует отнести к социальным. Так, ч. 1 ст. 255 ТК РФ установлен порядок и срок предоставления женщине оплачиваемого отпуска по беременности и родам. Данный вид компенсации следует отнести к социальной выплате, т.к., во-первых, в данной норме есть прямое указание, что данная компенсация урегулирована Федеральным законом от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством», во-вторых, данная компенсация возмещается работодателю за счет средств

[1] Приговор Межгорьевского городского суда республики Башкортастан от 25.12.2012. Дело № 10-9/2012 // ГАС Правосудие: URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 1.

[3] Апелляционное определение Московского городского суда от 04.09.2013 по делу № 10-7921/13 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

федерального бюджета. По тому же критерию можно определить относится та или иная гарантия, урегулированная номами трудового законодательства к социальным или нет. Так, в соответствии со ст. 183 ТК РФ при временной нетрудоспособности **работодатель** выплачивает работнику пособие по временной нетрудоспособности в соответствии с федеральными законами. Следовательно, следует признать ошибочной позицию авторов, утверждающих, что представленный поддельный листок нетрудоспособности для начисления пособия по временной нетрудоспособности, подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ[1].

Таким образом, для определения вопроса является ли компенсация социальной, необходимо определить не только ее сущность, но и источник финансирования[2]. Данный вывод подтверждается и практикой. Так, сотрудник УМВД В., вступив в преступный сговор с неустановленным лицом на совместное совершение хищения денежных средств при получении компенсаций, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления сотрудникам бухгалтерии УВД заведомо ложных и недостоверных сведений, содержащихся в поддельных официальных документах, и тем самым их обмана, получил компенсацию за якобы приобретенные авиабилеты из средств бюджета Иркутской области в общей сумме 40050 рублей. Он был признан виновным по ч.3 ст. 159.2 УК РФ. Суд указал, что согласно ст. 325 ТК РФ, федеральные государственные органы, федеральные государственные учреждения оплачивают работнику стоимость проезда в пределах территории Российской Федерации …. Порядок компенсации таких расходов … устанавливается Правительством Российской Федерации, при этом выплаты, являются целевыми. Размер, условия и порядок компенсации расходов на оплату стоимости проезда к месту использования отпуска и обратно для лиц, работающих в организациях, финансируемых из

[1] Что грозит за представление поддельного больничного? // «Электронный журнал «Азбука права». 2015.

[2] Подобной позиции придерживаются В.А. Болдырев, Н.В. Вишнякова, А.А. Кузнецов: Болдырев В.А., Вишнякова Н.В., Кузнецов А.А. Предмет мошенничества при получении выплат (статья 159.2 Уголовного кодекса РФ) // Современное право. 2015. № 3. С. 112 - 118.

бюджетов субъектов Российской Федерации (выделено автором), устанавливаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации[1].

В другом случае, ФИО1, действуя умышленно, из корыстных побуждений, при устройстве на работу на предприятие, расположенное в местности, приравненной к районам Крайнего Севера, путем обмана и злоупотребления доверием, с целью получения компенсации к заработной плате, для работников в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, предоставил в отдел кадров подложные трудовую книжку и справку, выписанные на его имя, с фиктивными записями о работе, дающие право в соответствии со ст. 317 ТК РФ и ст. 11 Федерального закона РФ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» на получение процентной надбавки к заработной плате в размере 50% за стаж работы в местности приравненной к районам Крайнего Севера, и незаконно получил северную процентную надбавку к заработной плате в общей сумме 252 627,74 рублей. Суд квалифицировал действия ФИО1 по ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, как мошенничество при получении выплат, то есть хищение денежных средств при получении компенсаций, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем предоставления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, совершенные лицом в крупном размере[2].

Понятие «*субсидия*» означает «помощь», «поддержка». В соответствии со ст. 1 ФЗ Федерального закона № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» под субсидией понимается оплата предоставляемых гражданам социальных услуг, имеющая целевое назначение, которая может быть полной

[1]Приговор Ангарского городского суда. Дело № 1-1120/2015 [Электронный ресурс] // URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.

[2] Приговор Когалымского городского суда. Дело № 1-70/2015 [Электронный ресурс] // URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.

или частичной[1]. Однако, по мнению специалистов в области права социального обеспечения, данное определение не носит универсального характера, и не может использоваться для характеристики всех видов субсидий, предусмотренных современным законодательством о социальном обеспечении[2]. К законодательному определению следует добавить указание на источник финансирования, коим может быть только соответствующий бюджет: выплаты, предоставляемые за счет государственного, местного бюджета или специальных государственных фондов юридическим или физическим лицам.

Субсидии принято разделять на прямые и косвенные. Прямые субсидии представляют собой непосредственное финансирование различных программ (научных исследований, переподготовки кадров, совершенствование технологий, приобретение жилья и т.п.). Так, генеральный директор Б.Д., узнав о реализации на территории Чувашской республики в течение 2009 года республиканской целевой Программы дополнительной поддержки занятости населения ЧР и механизме её реализации, совместно с Б.А., С., З. решили похитить бюджетные денежные средства. Суть данной программы заключалась в том, что предприятия, принявшие на временную работу граждан, находящихся под угрозой массового увольнения, получали субсидию в свою пользу из бюджетных денежных средств, выделенных Чувашской республикой на возмещение затрат, понесенных предприятиями на оплату труда трудоустроенных. Б. издал приказ на управляемом им предприятии «О простое и создании временных дополнительных рабочих мест». Работники, попавшие в данный приказ, фиктивно были переведены на другие работы, которые проводились в рамках указанной программы. Однако фактически исполняли свои основные трудовые обязанности по занимаемым должностям. В результате по подделанным В.А., С., З. трудовым договорам и табелям,

[1] Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 29.12.2015) «О государственной социальной помощи» // Собрание законодательства РФ. 19.07.1999. ст. 3699. № 29. ст. 3699.

[2] Гусева Т.С. Субсидии как вид социальных выплат в системе социального обеспечения России // Российская юстиция. 2010. № 6. С. 58 - 60.

представленным в Пенсионный Фонд Чувашской республики, преступники похитили из бюджета 5 243 242 руб. 53 коп. Их действия были квалифицированы по ч.4 ст. 159.2 УК РФ[1].

Однако Кизеловский городской суд Пермского края признал Л. виновной по ч.3 ст. 159 УК РФ, в то время как виновная совершила мошеннические действия, где предметом преступления являлись субсидии, выделяемые из регионального бюджета. Л. доподлинно было известно, что в крае реализуется Программа дополнительных мероприятий, направленных на снижение напряженности на рынке труда, согласно которой выдаются безвозмездные субсидии на создание рабочих мест в целях содействия развитию малого предпринимательства и самозанятости безработных граждан. Виновная, преследуя корыстную цель извлечения незаконной наживы, решила заключить договор с краевой администрацией о предоставлении безвозмездной субсидии на предпринимательство, создание дополнительных рабочих мест, решила подыскать граждан в целях их фиктивного трудоустройства, и путем предоставления заведомо ложных и недостоверных сведений, совершить хищение денежных средств регионального бюджета, выделяемых в виде субсидии. Суд посчитал, что действия Л. правильно квалифицированы по ч. 3 ст. 159 УК РФ, и не подлежат переквалификации на ч. 3 ст. 159.2 УК РФ, поскольку в соответствии с договором Л. получила субсидию на предпринимательство. Данная субсидия к социальным выплатам не относится. Субсидия была представлена юридическому лицу, для развития предпринимательства[2]. По нашему мнению, доводы суда неубедительны. Первоначально субсидия выделялась для проведения соответствующих мероприятий в целях создания рабочих мест. Иными словами, по сути она являлась социальной. Факт того, что социальную задачу Пермский край решал

[1] Приговор Новочебоксарского городского суда Чувашской республики. Дело № 1-1/20142015 [Электронный ресурс] // URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.

[2] Приговор Кизеловского городского суда Пермского края от 03.10.2016. Дело № 1-98/2016 [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/7937972

посредством субсидирования предпринимательства не меняет сущности субсидии.

Косвенные субсидии осуществляются опосредованно через механизмы налоговой и кредитной политики (льготное налогообложение, кредитование и т.п.). Очевидно, обманное получение косвенных субсидий не всегда образует состав рассматриваемого преступления, поскольку причиняемый собственнику или владельцу вред, как правило, состоит в упущенной выгоде (например, недоплатах налогов). Однако получение льготного кредита без намерения его возврата соответствует признакам данного преступления[1].

Так, Н. признан виновным по ч. 4 ст. 159.2 УК РФ. Он получил субсидию из федерального и регионального бюджетов на возмещение части затрат на уплату процентов по инвестиционному кредиту на сумму 2 416 509 руб. 96 коп., предоставив документы, содержащие недостоверные сведения относительно целевого расходования денежных средств на возмещение части затрат на уплату процентов по инвестиционному кредиту[2].

Не все указанные субсидии можно отнести к социальным. Современное российское законодательство о социальном обеспечении предусматривает три вида субсидий[3]:

1) субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг[4];

2) субсидии на приобретение жилья[5];

---

[1] Степанов М.В. Вопросы квалификации мошенничества при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 168-172.

[2] Приговор Центрального районного суда города Омска от 05.08.2013 по делу № 1-220/13 г. URL: http://sudact.ru/regular/doc/wr5eaCVCegUQ/?page.

[3] Гусева Т.С. Субсидии как вид социальных выплат в системе социального обеспечения России // Российская юстиция. 2010. № 6. С. 58 - 60.

[4] Постановление Правительства РФ от 14 декабря 2005 г. № 761 «О предоставлении субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг» // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 5547; 2007. № 26. Ст. 3184; 2009. № 2. Ст. 213.

[5] Федеральный закон от 25 октября 2002 г. № 125-ФЗ «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4188;, Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215; 2007. № 10. Ст. 1151; 2008. № 13. Ст. 1186; 2010. № 7. Ст. 704; Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» // СЗ РФ. 1995. № 52. Ст. 5110; Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331; 2002. № 21. Ст. 1919; 2003. № 46. Ст. 4437; 2004.

3) субсидии безработным гражданам для создания собственного бизнеса[1].

К иным социальным выплатам относятся пенсии по старости, инвалидности, потере кормильца и др.

Отдельные авторы ставят по сомнение указание на имущество в качестве предмета преступления по ст. 159.2 УК РФ[2]. Суть их рассуждений заключается в том, что выплаты, исходя из толкования данного термина в русском языке, означают денежную оплату и не предполагают их в «натуре». Однако Федеральный закон «О государственной социальной помощи», на наш взгляд, без каких-либо сомнений отвечает на данный вопрос, указывая в ст. 12 виды оказания государственной социальной помощи. К ним относятся денежные выплаты (социальные пособия, субсидии и другие выплаты) и натуральная помощь (топливо, продукты питания, одежда, обувь, медикаменты и другие виды натуральной помощи). Ст.1 данного закона дополняет к указанным видам предоставление социальных услуг и жизненно необходимых товаров. Аналогичной позиции придерживается высшая судебная инстанция, указывая, что для целей ст. 159.2 УК РФ к социальным выплатам относятся в том числе и технические средства реабилитации, специальный транспорт, лекарственные средства[3].

Итак, ученые полагают, что ст. 159.2 УК РФ содержит новый для российского уголовного законодательства термин «социальные выплаты», при этом не раскрывается его содержание, что может привести к проблемам в правоприменении. Четкого нормативно-правового закрепления данного

№ 18. Ст. 1687; № 35. Ст. 3607; 2005. № 17. Ст. 1483; 2007. № 2. Ст. 360; № 26. Ст. 3087; 2008. № 44. Ст. 4983; 2009. № 11. Ст. 1263; Постановление Правительства от 27 января 2009 г. № 63 «О предоставлении федеральным государственным служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения» // СЗ РФ. 2009. № 6. Ст. 739 и другие нормативно-правовые акты.

[1] Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2008 г. № 1089 «О дополнительных мероприятиях, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 2. Ст. 266; № 22. Ст. 2719; № 46. Ст. 5496.

[2] Прозументов Л., Архипов А. Предмет мошенничества при получении выплат // Уголовное право. 2014. № 1.

[3] П.15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

понятия не предусматривает ни гражданское, ни трудовое законодательство. В них определены только различные виды таких выплат[1].

В силу данного обстоятельства складывается противоречивая ситуация, когда за идентичные преступления районные суды одного субъекта федерации по-разному квалифицируют преступную деятельность. В частности, на территории Курской области в течение последних лет успешно реализуется Федеральная программа «Ты - предприниматель», направленная на поддержку и развитие малого предпринимательства в регионе. Победители программы получают целевое финансирование на развитие своей предпринимательской идеи, заявленной в конкурсной документации. В 2014 году два победителя данной программы использовали выделенные денежные средства не по назначению. В результате Промышленным судом г. Курска был вынесен приговор по ст. 159 УК РФ, как мошенничество, а Ленинским районным судом г. Курска аналогичное деяние было квалифицировано как мошенничество при получении выплат по ст. 159.2 УК РФ. Промышленный районный суд г. Курска пришел к выводу, что выделенные целевые средства не относятся к категории социальных выплат, а, следовательно, указанное деяние не может быть квалифицировано по ст. 159.2 УК РФ. Ленинский районный суд г. Курска, на наш взгляд, справедливо указал, что такого рода выплаты подпадают под понятие субсидии[2].

Аналогичные программы существуют во всех регионах РФ. Так, Мензелинский районный суд республики Татарстан пришел к выводу, что в действиях Р. содержится состав преступления, предусмотренный ст.159.4 УК РФ. Событие преступления заключалось в том, что Р. получил субсидию на развитие малого бизнеса, потратил денежные средства не по целевому назначению, однако, суд решил, что Р. действовал как предприниматель, и,

[1] Кузнецов А.В. Совершенствование правового регулирования уголовной ответственности за отдельные виды мошенничества // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 3. С. 28-30.

[2] Дело № 22-1222/2014 от 22.04.2014 [электронный ресурс] / URL:http:// судебныерешения.рф/adva№ced/search; Дело № 22-1222/2014 от 22.04.2014[электронный ресурс] / URL:http:// судебныерешения.рф/adva№ced/search

соответственно, его действия подлежат оценке по правилам ст. 159.4 УК РФ. Учитывая категорию преступления и срок давности 2 года, Р. был признан виновным, но на основании п.3 ч.1 ст.24, п.8 ст.302 УПК РФ Р. освобожден от назначенного наказания ввиду истечения сроков давности уголовного преследования[1]. Полагаем, суд ошибочно определил сферу совершения преступления, что привело в неверной квалификации. Более того, при получении субсидий по такого рода программам, договор между предпринимателем и соответствующим государственным органом не заключается. Данное обстоятельство указывает на то, что нет основания для квалификации по ст. 159.4 УК РФ (с 03.07.2016 г. ч.5-7 ст. 159 УК РФ), т.к. отсутствует криминообразующий признак – неисполненные договорные обязательства.

Однако в большинстве случаев суды дают иную юридическую оценку содеянного. В Якутии А. признан виновным в совершении мошенничества при получении выплат (ч. 1 ст. 159.2 УК РФ), т.е. хищении денежных средств при получении субсидии на компенсацию части затрат субъектов малого и среднего предпринимательства, занятого в сфере народно-художественного промысла и декоративно-прикладного искусства, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат[2].

По данному вопросу отсутсвует единодушие и в доктрине уголовного права. Отдельные авторы полагают, что под сферу действия ст. 159.2 УК РФ могут подпадать только те преступные посягательства, связанные с мошенническими действиями, где преступники получили денежные средства, связанные с мерами социальной защиты, в связи с чем приходят к выводу, что в случаях, когда, например, субсидия была выделена на развитие малого

[1] Приговор Мензелинского районного суда республики Татарстан от 14.12.2012 [электронный ресурс] // ГАС Правосудие: URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id=d4e254baf5066ab04083f9af390f6645; аналогичное решение: Приговор Асбестовского городского суда Свердловской области от 27.05.2016. Делдо № 1-134/20162012 [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/7913598

[2] Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 29.07.2013 по делу № 1-964/2013. URL: http://sudact.ru/regular/doc/vRR9FDrEhPmC/?

бизнеса, поддержку развития сельского хозяйства и т.п., такая материальная поддержка не имеет социальной цели, поэтому данные деяния не могут квалифицироваться по ст. 159.2 УК РФ[1]. В то же время авторами приводится масса примеров, когда правоохранительные органы такого рода деяния квалифицировали как мошенничество при получении выплат[2].

Конструкция рассматриваемого состава преступления, дала повод к возникновению дискуссии по поводу определения **признаков субъекта**. Одна группа ученых считает, что субъект преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ – общий[3], другие уточняют, что это лицо, в отношении которого принято решение о таких выплатах[4] либо в том числе заявитель[5], претендующий на назначение выплаты, либо лицо, имеющее право на соответствующую выплату[6]. Практика пошла по пути расширительного понимания признаков субъекта.

Так, Ш. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.2 УК РФ. Ш. в период с 2011 г. по 2012 г.. Она лучала ежемесячное пособие по уходу за ребенком в возрасте от 1,5 до 3 лет, установленного в соответствии с требованиями статьи 3 Закона РФ от 15.05.1991 года №1244-1 «О социальной поддержке граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» и назначаемого гражданам РФ, постоянно проживающим на территории зоны с

---

[1] Прозументов Л., Архипов А. Предмет мошенничества при получении выплат // Уголовное право. 2014. № 1. С. 67 – 74; Болдырев В.А., Вишнякова Н.В., Кузнецов А.А. Предмет мошенничества при получении выплат (статья 159.2 Уголовного кодекса РФ) // Современное право. 2015. № 3. С. 112 - 118.

[2] Официальный сайт УМВД по Владимирской области. URL: http://33.mvd.ru/№ews/ item/1086312; Официальный сайт Межмуниципального Управления МВД России «Нижнетагильское» ГУ МВД России по Свердловской области. URL: http://uvd№t.ru/ i№dex.php?p=3426.

[3] цит. по: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. С. 417; Архипов А.В. Субъект мошенничества при получении выплат // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 162-165.

[4] Шеслер А.В. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. № 2. С. 67–71.

[5] Александрова И.А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 56.

[6] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова и др. ; отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2013. С. 417.

льготным социально-экономическим статусом. Однако фактически в указанном месте не проживала. Доказательствами по делу явились медицинские справки, свидетельствующие, что малолетние дети осужденной обслуживались в медучреждении и посещали детские дошкольные учреждения, расположенные по адресу, не входящему в зону с льготным социально-экономическим статусом, а также показания свидетелей[1].

Так, риелтор, действуя на основании доверенности, заключил договор купли-продажи квартиры для женщины - владелицы материнского сертификата. Злоупотребляя предоставленными правами, предприниматель искусственно завысил стоимость купленной квартиры в целях получения материальной выгоды за счет средств материнского капитала, доля которого по условиям договора с покупателем составляла более 90% стоимости квартиры. В результате часть перечисленных предпринимателю денег явилась оплатой его посреднических услуг. Деньги предприниматель израсходовал по собственному усмотрению[2].

В другом уголовном деле Ш. совместно с Г. и В., а также с иными лицами, совершили мошенничество при получении выплат. Ш. предложил Г. имеющей государственный сертификат на материнский семейный капитал, совершить фиктивные сделки по покупке квартиры, принадлежащей П., после чего предоставить документы в УПФР в АМО Иркутской области. После получения денежных средств, перечисленных УПФР, данная квартира вновь была фиктивно продана прежнему владельцу. Аналогичные действия Ш. совершил и с В. Действия всех подсудимых были квалифицированы как мошенничество в сфере выплат, совершенные группой лиц в крупном размере[3].

[1] Приговор Ичалковского районного суда Республики Мордовия от 22 апреля 2013 года. Дело № 22-1386/2013 [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/5231293

[2] Маслова Т.А. Материнский капитал: как получить и распорядиться. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Библиотечка «Российской газеты», 2014. Вып. 7. 160 с.

[3] Приговор Ангарского городского суда. Дело № 1-466/2015 [электронный ресурс] // URL: http:// https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html

Также Альменевским районным судом Курганской области по ст. 159.2 УК РФ были признаны виновными С., (мать двоих детей, получившая право на получение материнского капитала) и риэлтор М., составившая фиктивные договоры купли-продажи на незарегистрированное в Управлении Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Курганской области в ЕГРП недвижимое имущество[1].

Учитывая, что предметом данного преступления является социальная выплата, носящая исключительно персональный характер, «…два лица не могут являться получателями одной и той же социальной выплаты, совместная подача двумя и более заранее договорившимися лицами заявления на получение выплаты, содержащего ложные или недостоверные сведения, также невозможна»[2]. Поэтому в приведенных выше примерах имеет место соисполнительство, а раз так, то все фигуранты дела являются субъектами преступления, не обладающими дополнительными признаками, такими как «заявитель» или «лицо, в отношении которого принято решение о выплате».

Совершенно справедливо по данному вопросу Верховный Суд РФ указал: «Субъектом преступления…может быть лицо, как не имеющее соответствующего права на получение социальных выплат, так и обладающее таким правом…»[3].

Например, лицо, имеющее право на получение «материнского капитала», пытающееся его «обналичить» подлежит уголовной ответственности по ст. 159.2 УК РФ, т.к. Федеральным законом от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» не предусмотрено непосредственное получение денежных средств (всей суммы).

---

[1] Альменевский районный суд Курганской области. Дело № 2-29/2015. [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case

[2] Архипов А.В. Субъект мошенничества при получении выплат // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 162-165.

[3] П.16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

При незаконном распоряжении материнским капиталом реализуются разные схемы. Это подделка документов, использование подставных покупателей, раздувание стоимости, утаивание правдивых сведений.

Распространены случаи, связанные с использованием материнского капитала на улучшение жилья, когда в махинации участвуют родственники.

Так, С., мама двоих детей, имела в долевой собственности приватизированную квартиру. Став обладательницей сертификата на материнский капитал и получив право распоряжаться им, женщина подарила 1/3 доли в квартире своей же бабушке. Спустя три месяца она купила у бабушки подаренную ей же долю. По условиям договора цена сделки составила ровно сумму материнского капитала, и расчет между сторонами производился за счет этих средств[1].

Владельцы сертификата нарушают закон, не соблюдая положенные требования по использованию материнского капитала. Например, заключаются договоры, связанные с приобретением жилья, в котором отсутствует реальная возможность для проживания детей. Так, желая улучшить жилищные условия, семья решила приобрести 1/2 доли в праве общей собственности на жилой дом. Судом было учтено наличие в отчуждаемом жилом доме зарегистрированного лица, сохранившего право пользования и проживания в нем. При таких условиях ставилась под сомнение реальная возможность пользования и проживания женщины и ее детей в приобретенном доме[2].

Несовершенство механизма реализации Закона № 256-ФЗ позволяет мошенникам разрабатывать схемы для получения незаконной выгоды. Данные схемы достаточно подробно описаны в научной литературе[3].

---

[1] Замоскворецкий районный суд Москвы 1-2/2015 (1-366/2014) [электронный ресурс] / URL: http://судебныерешения.рф/search

[2] См.: Определение Верховного Суда РФ от 23.11.2012 № 88-КГ12-2. [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

[3] См., например: Архипов А.В. Квалификация хищений средств материнского (семейного) капитала, совершенных сотрудниками кредитных кооперативов, микрофинансовых и иных организаций // Судья. 2015. № 6. С. 60 - 64.

В связи с мошенническими действиями, связанными с обналичиванием материнского (семейного) капитала, возникает еще один вопрос, не нашедший своего ответа в доктрине уголовного права. Речь идет о сроках давности совершения преступления. Сегодня в большинстве случаев материнский капитал используется владельцем сертификата для улучшения жилищных условий своих детей. Лицо, имеющее сертификат, обращается с заявлением о распоряжении средствами материнского капитала, в территориальный орган ПФР, предоставляя договор купли-продажи жилого помещения за счет кредитных средств, а также ряд иных документов. ПФР может затребовать представить нотариально заверенное согласие родителей на переоформление права собственности на детей после снятия обременения с недвижимости, которая покупается в том числе с задействованием средств материнского капитала. По справедливому замечанию А.В. Архипова, рассматриваемое преступление считается оконченным с момента зачисления безналичных денежных средств на банковский счет виновного[1]. По прошествии шести лет (это срок давности для преступлений средней тяжести, к которым относится ч.3 ст. 159.2 УК РФ), родители могут продать данную недвижимость, нарушив при этом нотариально заверенное соглашение и требование федерального закона[2], ущемив таким образом права своих детей.

Лишь недавно данная проблема отчасти была разрешена. Сегодня УФРС вносит сведения о том, что недвижимость приобретена с привлечением средств материнского капитала в разделы открытые в отношении данных объектов недвижимости. В случае отчуждения данной недвижимости в обязательном порядке в УФРС необходимо представить согласие уполномоченного органа на проведение сделки. Как правило, данный орган дает согласие в случае одновременного приобретения в собственность

[1] Архипов А.В. Квалификация хищений средств материнского (семейного) капитала, совершенных сотрудниками кредитных кооперативов, микрофинансовых и иных организаций // Судья. 2015. № 6. С. 60 - 64.

[2] Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) //Собрание законодательства РФ. 01.01.2007. № 1 (1 ч.). ст. 19.

(долевую собственность) детей, где их жилищные условия улучшаются или остаются теми же.

Следует обратить внимание, что на стадии обсуждения законопроекта в Официальном отзыве Правительства РФ от 02.08.2012 г. № 3904п-П4 «На проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» и в Решении Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству от 18.10.2012 № 26(5) «По проекту Федерального закона № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» указано, что не могут быть предметом рассматриваемого состава преступления средства материнского (семейного) капитала. Однако практика пошла по иному пути, но в научной литературе остались сторонники позиции Правительства РФ, полагающие, что мошенничество при получении средств материнского капитала должно квалифицироваться по ст. 159 УК РФ[1]. Пленум Верховного Суда РФ окончательно поставил точку в данном вопросе, указав, что мошенничество со средствами материнского капитала относятся к мошенничеству в сфере выплат (ст. 159.2 УК РФ)[2].

На практике возможны случаи, когда хищение средств, составляющих социальную выплату, производится с использованием персональных данных лица, неосведомленного о противоправных намерениях виновного, например, когда для оформления выплаты используется похищенный мошенником паспорт, а для получения денежных средств – банковский счет, открытый также с помощью похищенного паспорта. Известны случаи хищения социальных выплат путем умолчания о фактах, влекущих прекращение выплат, совершенные лицами, в отношении которых решение о производстве выплат не принималось. Имеются в виду факты незаконного получения пенсии родственниками умершего, не сообщившими в Пенсионный фонд о его

[1] Нудель С.Л. Указ. соч. С. 278.
[2] П.16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

смерти[1]. Полагаем, что квалифицировать такие случаи не по ст. 159.2УК РФ, а иным способом, например по ст. 159 УК РФ, нет никаких оснований, поскольку какие-либо существенные отличия между приведенными выше примерами с аналогичными деяниями, но совершенными лицами, претендующими на получение выплат от своего имени, или лицами, в отношении которых было принято решение о производстве выплат, отсутствуют. Эти преступления имеют одни и те же объекты и предмет преступного посягательства, хищение совершается аналогичными способами, общественная опасность данных преступлений при прочих равных условиях абсолютно одинакова.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 159.2 УК РФ – общий, субъективная сторона – прямой умысел.

Данное преступление является двухобъектным, где основным непосредственным объектом является право собственности, дополнительным – финансовые отношения в сфере расходования бюджетных средств в социальной сфере. Объективная сторона заключается в представлении заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, умолчание о фактах, влекущих прекращение указанных выплат. Предметом преступления могут быть денежные средства, имущество, социальные услуги.

Учитывая противоречивую судебную практику и назрела необходимость доктринального толкования понятия социальных выплат, применительно к ст. 159.2 УК РФ. Под социальными выплатами следует понимать безвозмездное предоставление гражданам денежных выплат, натуральной помощи, жизненно необходимых товаров и социальных услуг, носящих компенсационный или стимулирующий характер, направленных на поддержку социально уязвимых категорий граждан, выравнивание уровня доходов

[1] Альменевский районный суд Курганской области. Дело № 2-48/2015[электронный ресурс] / URL: http://судебныерешения.рф/search

населения, а также стимулирования финансовой самостоятельности и социальной активности, основанных на категориальном принципе и финансируемых из средств федерального бюджета, государственных внебюджетных фондов, бюджетов субъектов РФ и бюджетов муниципальных образований.

Полагаем, что ст. 159.2 УК РФ должна охранять государственные целевые средства, выделенные не только на социальную сферу, но и в целом ориентированные на государственную поддержку от преступных посягательств недобросовестных адресатов финансирования. С одной стороны это расширит предмет уголовно-правовой охраны ст. 159.2 УК РФ, в то же время, не размывая границ действия данной нормы, т.е. не сделает ее «резиновой». Предлагаем уточнить диспозицию ч.1 ст. 159.2 УК РФ в следующей редакции: ***«Мошенничество при получении выплат, т.е. хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных форм государственной поддержки, установленных законом или иными нормативно-правовыми актами, путем предоставления заведомо ложных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат, - наказывается…»***

2.4. Мошенничество в сфере страхования

По оценкам специалистов, мошенничество в сфере страхования является сферой криминальной активности в России и из всех известных видов мошеннических схем 30% занимают мошеннические действия, совершаемые при выплате по страховым случаях. При этом самые большие потери от недобросовестных клиентов несут автостраховщики, на долю которых по договорам ОСАГО по разным оценкам приходится около 20 %[1]. Не вызывает сомнений, что развитие в целом отечественной экономики напрямую связано с

[1] Махучиев Х.М. Мошенничество в сфере страхования в контексте реформирования уголовного законодательства Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 4. С. 130-133; Виноградов А. Темная сторона автострахования. Журнал «Колеса» // http://www.i№savto.ru/№ews/strachova№ie/117.

состоянием страхового рынка, а криминализация страхового рынка тормозит не только развитие страхования в стране, но и экономику[1], дает импульс к развитию теневой экономики[2].

Диспозиция ст. 159.5 УК РФ имеет бланкетный характер, следовательно, ее применению должен предшествовать факт установления конкретной нормативной базы, регламентирующей отношения страхователя и страховщика.

Российский законодатель далеко не единственный выделяет страховое мошенничество в отдельную норму. Так, квалифицирующим в германском уголовном законодательстве является совершение преступного деяния, при котором лицо «фальсифицирует застрахованный несчастный случай, после того как оно или другое лицо с этой целью поджигает вещь, имеющую значительную стоимость, или путем поджога полностью или частично ее разрушает, или топит корабль или сажает его на мель»[3]. Прав С.В. Шиловский, указывая, что на казуистичность данного способа совершения преступления[4].

Страхование - это особый вид экономической деятельности, связанный с перераспределением риска нанесения ущерба имущественным интересам среди участников страхования (страхователей) и осуществляемый специализированными организациями (страховщиками), обеспечивающими аккумуляцию страховых взносов, образование страховых резервов и осуществление страховых выплат при нанесении ущерба застрахованным имущественным интересам[5]. Следовательно, можно говорить о том, что страхование в России развивается в двух формах: обязательного социального страхования, где страховщиком является государство, и свободного

[1] Глинка В.И., Ручкин О.Ю., Трунцевский Ю.В. Обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств: теоретические и практические аспекты. Научно-практическое пособие. М.: ИГ «Юрист», 2013.
[2] Макаренко М.М. Мошенничество в страховой сфере: проблемы квалификации и расследования // Миграционное право. 2014. № 3. С. 24 - 27.
[3] Уголовный кодекс Федеративной республики Германии. С. 414.
[4] Шиловский С.В. Указ. соч. С.150.
[5] Дмитриев Д.Б. Мошенничество в сфере обязательного социального страхования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004.

страхования, где страховщиком выступает юридическое лицо. Последнее в свою очередь может быть добровольным или обязательным.

Нормативное определение страхования дано в ч.1 ст. 2 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации».

Необходимо отметить, что обязательно социальное страхование не входит в предмет ст. 159.5 УК РФ, т.к. в Федеральном законе РФ «Об основах обязательного социального страхования» говорится, что это часть государственной системы **социальной защиты населения** (выделено автором), спецификой которой является осуществляемое в соответствии с федеральным законом страхование работающих граждан от возможного изменения материального и (или) социального положения, в том числе по независящим от них обстоятельствам[1]. По тем же основаниям под сферу действия ст. 159.5 УК РФ не подпадают случаи обязательного медицинского страхования. В ст.3 ФЗ Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» указано, что обязательное медицинское страхование - вид обязательного **социального** (выделено автором) страхования…[2].

Обязательное социальное страхование представляет собой «…систему создаваемых государством правовых, экономических и организационных мер, направленных на компенсацию или минимизацию последствий изменения материального и (или) социального положения работающих граждан…»[3] и других прямо предусмотренных законом случаях.

Приведенные определения подчеркивают принадлежность такого рода страхования к социальной сфере, следовательно, любые мошеннические действия, где предметом будут являться выплаты по социальному

[1] Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ (ред. от 01.12.2014) «Об основах обязательного социального страхования» // Собрание законодательства РФ. 19.07.1999. № 29. ст. 3686.
[2] Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Собрание законодательства РФ. 06.12.2010. № 49. ст. 6422.
[3] Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ (ред. от 01.12.2014) «Об основах обязательного социального страхования» // Собрание законодательства РФ. 19.07.1999. № 29. ст. 3686.

страхованию или обязательному медицинскому страхованию должны квалифицироваться по ст. 159.2 УК РФ, т.е. как мошенничество при получении выплат[1].

Однако в доктрине уголовного права имеет место противоположная точка зрения, согласно которой «…пособие по временной нетрудоспособности, назначаемое в связи со страховым случаем и выплачиваемое за счет средств на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний; единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью; единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву; ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву являются страховыми выплатами (страховым возмещением) в рамках обязательного социального страхования и, соответственно, являются предметом состава преступления, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ «Мошенничество в сфере страхования»[2].

Указание на то обстоятельство, что страховое мошенничество возможно при наступлении страхового случая либо страхового возмещения, подлежащего выплате **в силу закона**, дало дополнительные аргументы отдельными авторами утверждать, что в область охраны ст. 159.5 УК РФ подпадают все формы страхования[3]. На наш взгляд, разграничение должно проводиться исходя из сути сложившихся правоотношений. *Если изначально данные правоотношения подпадали под сферу гражданско-правовых отношений, в случае совершения мошеннических действий квалификация должна проводится по ст. 159.5 УК РФ, если же отношения носили публично-правовой характер, они должны рассматриваться в рамках ст. 159.2 УК РФ.*

[1] См. аналогичную позицию: Стрельников В.В. Финансово-правовое регулирование страхования // Финансовое право. 2005. № 2; Прозументов Л.М., Архипов А.В. Разграничение мошенничества при получении выплат с иными видами мошенничества // Уголовное право. 2015. № 3. С. 55 - 60.

[2] Нудель С.Л. Указ. соч. С. 273.

[3] Боровских Р.Н., Зыков Д.А. Мошенничество в сфере страхования: специфические черты конструкции уголовно-правовой нормы // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1 (38). С. 66-68.

Социальное страхование и обязательное медицинское страхование относится к сфере публично-правового регулирования. Иные страховые случаи, где страховое возмещение выплачивается в силу закона, регламентированы гражданским законодательством, поэтому нет необходимости разграничивать ст. 159.2 и ст. 159.5 УК РФ по признаку источника выплаты страхового возмещения.

Еще больше дело осложняется, когда речь идет о страховых выплатах частично субсидированных государством. Поднимая данный вопрос, Р.Н. Боровских и А.В. Чумаков не приходят к однозначному выводу[1]. Действительно, опираясь лишь на то обстоятельство, чьи интересы в результате мошеннических действий в сфере страхования пострадали – государства или юридических лиц, невозможно дать однозначный ответ о правильности квалификации.

Кроме того, по справедливому замечанию Л.М. Прозументова, А.В. Архипова, законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 159.5 УК РФ при описании предмета хищения используется термин «страховое возмещение». Согласно ст. 10 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» страховая выплата или страховое возмещение - это «денежная сумма, которая ...выплачивается страховщиком страхователю ...при наступлении страхового случая». Показательным является тот факт, что термин «страховое возмещение» используется в законах, регулирующих только гражданско-правовые отношения страхования (например, ст. 929, ст. 947 ГК РФ и др.). В нормативно-правовых актах, регулирующих отношения в сфере социального обеспечения (обязательного социального страхования и его разновидностей) для определения производимых выплат используется термин «страховое обеспечение»[2], что обусловлено специфическим обеспечительным

[1] Боровских Р.Н., Чумаков А.В. К вопросу о предмете преступлений, предусмотренных статьями 159.2 и 159.5 УК РФ, и их разграничении // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 2 (2). С. 233-237.

[2] См, например: Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 30.12.2015) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Собрание законодательства РФ. 06.12.2010. № 49. ст. 6422; Федеральный закон от 16.07.1999 №

характером таких выплат и подчеркивает их отнесение именно к мерам социального обеспечения[1].

Анализ правоприменительной практики подтверждает высказанную позицию. Суды в случаях мошенничеств со страховыми выплатами по обязательному социальному страхованию квалифицируют такого рода деяния по ст. 159.2 УК РФ, т.е. как мошенничество при получении выплат[2].

Отечественные исследователи под страховым мошенничеством понимают противоправное поведение субъектов договора страхования, направленное на получение страхователем страхового возмещения путем обмана или злоупотребления доверием либо внесение меньшей, чем необходимо при нормальном анализе риска, страховой премии (страхового взноса), а также сокрытие важной информации при заключении или в период действия договора страхования, отказ страховщика от выплаты страхового возмещения без должных, вытекающих из закона и правил страхования оснований или гарантий, в результате чего субъекты договора страхования получают возможность незаконно и безвозмездно обращать его в свою пользу[3]. В данном случае нами приведен широкий подход к пониманию сферы действия ст. 159.5 УК РФ.

Сторонники более узкого подхода считают, что данная норма призвана охранять интересы страховщиков[4], другие напротив, полагают, что ст. 159.5

165-ФЗ (ред. от 01.12.2014) «Об основах обязательного социального страхования» // Собрание законодательства РФ. 19.07.1999. № 29. ст. 3686.

[1] Прозументов Л.М., Архипов А.В. Разграничение мошенничества при получении выплат с иными видами мошенничества // Уголовное право. 2015. № 3. С. 55 - 60.

[2] Решение Вилючинского городского суда Камчатского края. Дело № 2-1100/2015 [электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru/regular/doc/№goy8TaXT3Vh/; Апелляционное определение Московского областного суда от 7 августа 2014 г. по делу № 22-4522/2014; Постановление президиума Оренбургского областного суда от 2 сентября 2013 г. № 44у-400-2013; Определение Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 52-Д13-12 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Макаренко М.М. Мошенничество в страховой сфере: проблемы квалификации и расследования [электронный ресурс]// http://отрасли-права.рф/article/2616

[4] Маслов В.А. К вопросу об объекте и предмете мошенничества в сфере страхования // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 136-140; Степанов М.В. Плюсы и минусы уголовно-правового механизма противодействия мошенничеству в сфере страхования (ст. 159 5 УК РФ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 159-164.

УК РФ нацелена на охрану прав страхователей[1]. Полагаем, что борьба со страховым мошенничеством должна вестись в обоих направлениях, поэтому более предпочтительной нам видится позиция сторонников широкого подхода к пониманию пределов уголовно-правовой охраны посредством нормы о мошенничестве в сфере страхования. Аналогичную позицию занял Верховный Суд РФ указав, что субъектом рассматриваемого преступления может быть страхователь, застрахованное лицо, иной выгодоприобретатель, представитель страховщика, эксперт[2].

Анализ содержания диспозиции ст. 159.5 УК РФ позволяет нам говорить о том, что дополнительным непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения по охране интересов как страхователей (выгодоприобретателей), так и страховщиков.

Непосредственно предметом данного преступления могут быть не только денежные средства, но и имущество. Данный вывод вытекает из анализа диспозиции ч. 1 ст. 159.5 УК РФ и единодушно воспринимается и доктриной и практикой применения данной нормы[3]. По справедливому замечанию П.С. Яни, предметом мошенничества данного вида в соответствии с прямым указанием в законе может быть только имущество, но не право на него[4], однако данное имущество не ограничивается денежными средствами, поскольку согласно п. 4 ст. 10 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. N 4015-1 «условиями страхования имущества и (или) гражданской ответственности в пределах страховой суммы может предусматриваться замена страховой

[1] Курбанова Д.Н. Проблема мошенничества в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств // Юридический вестник ДГУ. 2015. № 2. С. 116-119.

[2] П.19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

[3] См, например: Макаренко М.М. Мошенничество в страховой сфере: проблемы квалификации и расследования // Миграционное право. 2014. № 3. С. 24 - 27.

[4] Противоположной позиции придерживается М.М. Макаренко: Макаренко М.М. Мошенничество в страховой сфере: проблемы квалификации и расследования // Миграционное право. 2014. № 3. С. 24 - 27.

выплаты (страхового возмещения) предоставлением имущества, аналогичного утраченному имуществу...»[1].

Законодатель ограничивает объективную сторону рассматриваемого преступления двумя случаями: хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу. Совершенно справедливо отдельные авторы указывают на отличие рассматриваемой нормы от «материнской» по способу совершения, а именно, только путем обмана без упоминания такого способа как злоупотребление доверием[2]. Поддерживая позицию ученых, считающих злоупотребление доверием является одной из форм обмана[3], можно предположить, что данная технико-юридическая погрешность, не является критичной.

Отдельные авторы, на наш взгляд, достаточно расширительно толкуют случаи страхового мошенничества страховщика. Например, А.Э. Аксенова страхование одного и того же имущества в различных страховых организациях также относит к мошенничеству[4].

Полагаем, что страхование одного и того же имущества в различных организациях (добавим здесь не только имущества, но и других объектов, например, жизни, здоровья) не может относиться к случаям мошенничества. Например, по договору КАСКО застрахован автомобиль и одновременно по ОСАГО страхуется гражданская ответственность автовладельца. Один и тот же страховой случай (ДТП) может явиться основанием для выплаты двух

---

[1] Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 7. С. 29 - 33.

[2] Боровских Р.Н., Зыков Д.А. Мошенничество в сфере страхования: специфические черты конструкции уголовно-правовой нормы // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1 (38). С. 66-68; Степанов М.В. Плюсы и минусы уголовно-правового механизма противодействия мошенничеству в сфере страхования (ст. 159 5 УК РФ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 159-164.

[3] Иавнов М.Г., Каныгин В.И. Преступления против собственности: научно-практический комментарий. Н. Новгород, 2004. С. 67; Веленко В.В. Квалификация хищений. Омск, 2001. С. 94; Степанов М.В. Уголовно-правовая политика противодействия преступлениям против собственности: теоретико-прикладной анализ: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород. С. 183.

[4] Аксенова А.Э. Мошенничество в сфере страхования // Актуальные вопросы экономических наук. 2013. № 35. С. 99-101.

страховок. Однако на сегодняшний день сложилась такая практика: возмещение по КАСКО происходит в том случае, когда средств, возмещенных по ОСАГО не достаточно. Данную практику можно признать порочной, однако, это сфера отдельного самостоятельного изучения в рамках гражданско-правовых отношений.

В отдельных ситуациях, жизнь человека может быть застрахована в силу закона (например, жизнь и здоровье сотрудника полиции[1]) и в силу договора страхования (тот же сотрудник полиции, заключая кредитный договор на покупку недвижимости, как правило, страхуется - такая страховка выступает обязательным условием для заключения кредитного договора). В случае наступления смерти, страховая премия будет выплачиваться по двум договорам.

Относительно объективной стороны страхового мошенничества, совершаемого страховщиком, анализ видов таких мошенничеств необходимо проводить через призму анализа признаков хищения. В связи с чем следует признать ошибочной позицию Канаевой А.С., указывающей, что намеренное необоснованное занижение суммы страховой выплаты страхователю для сбережения собственных средств страховой компанией относится к мошенничеству в сфере страхования[2], т.к. предметом хищения может быть только чужое имущество. Нельзя признать мошенничеством и случаи навязывания дополнительной услуги при страховании. На сегодняшний день чаще всего это касается вопросов заключения договоров ОСАГО, когда автовладельцу «предлагают» застраховать жизнь и (или) здоровье. Подобные действия страховщиков не подпадают ни под одну норму уголовного закона.

Наиболее распространенными приемами мошенничества в ОСАГО со стороны страховщиков являются использование похищенных бланков полисов, намеренная порча бланков и их списание, занижение агентом суммы

[1] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»

[2] Канаева А.С. Дифференциация мошенничества: изменения в уголовном законодательстве в декабре 2012 года [электронный ресурс] // URL: http://www.yurliga-busi№ess.ru/we-are-wrighti№g/a№alitic/moshe№№ikidek2012

премии по полисам (по сговору со страхователем), применение поддельных бланков и печатей, фальсификация результатов технической экспертизы после ДТП[1]. Имеют место ситуации, когда искажается информация, имеющая ключевое значение для принятия решения страховой компанией о выплате страховки.

Так, сотрудник ДПС М. указал в справке о ДТП, что Т. в момент аварии был трезв. В противном случае Т. страховку бы не получил. На основании подложного документа Т. получил страховую выплату в сумме более 370 тысяч рублей[2].

В роли мошенников или их соучастников достаточно часто выступают сами недобросовестные страховщики, как правило, в лице страховых агентов[3]. В данном случае такие недобросовестные страховщики должны нести ответственность по ст. 159.5 УК РФ.

Указание на «иное лицо» в законе доказывает тезис о том, что данная норма охраняет интересы не только страховщиков, коими в соответствии со ст. 938 ГК РФ могут быть только юридические лица, но и граждан от незаконных действий со стороны страховых компаний или иных лиц, работающих от имени страховых компаний. Кроме того, ч.2 ст. 159.5 УК РФ содержит квалифицирующий признак – «причинение значительного ущерба гражданину», коим никак не может быть страховщик.

В уголовно-правовой доктрине ведется спор о необходимости пересмотра данной нормы на предмет закрепления в ней специального субъекта - страховщика, отдельные авторы указывают на то, что «рассматриваемая норма справедливо трактуется только с позиций защиты интересов страховых

[1] Трунцевский Ю.В., Глинка В.И., Ручкин О.Ю. Проблема мошенничества в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств // Современный юрист. 2014. №4. С. 90.

[2] Приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода [электронный ресурс] // URL: http://www.belproc.ru/№ews/1358/

[3] Подколзина И.М. Развитие рынка страховых продуктов в регионе // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 5. С. 52-54.

организаций»[1]. Обращает на себя внимание тот факт, что за рубежом под страховым мошенничеством понимается умышленное преступление, направленное на обман страховой компании и совершенное страхователем (выгодоприобретателем) с целью необоснованного обогащения за счет страховщика путем искажения информации об объекте страхования, совершения действий, направленных на наступление страхового случая или увеличение страхового возмещения[2].

В отечественной научной литературе, исходя из анализа сущности действий, входящих в понятие обмана при совершении мошенничества в сфере страхования, а также существующих реалий общества и необходимости более четкого отграничения мошенничества в сфере страхования от общеуголовного мошенничества, отдельные авторы приходят к выводу, что субъектом ст. 159.5 УК РФ должен быть только страхователь или выгодоприобретатель[3].

Обосновывая данную позицию, В.А. Маслов указывает на нетождественность гражданско-правового и уголовно-правового подхода к понятию «страхователь». С точки зрения уголовного права, страхователями признаются дееспособные (!) физические лица, заключившие со страховщиками договоры страхования либо являющиеся страхователями в силу закона[4]. Действительно, страхование осуществляется на основании договоров имущественного или личного страхования, заключаемых

---

[1] Боровских Р.Н. К вопросу о повышении эффективности средств выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере страхового бизнеса // Вестник криминалистики. 2013. № 3 (47). С. 102; Грибунов О.П., Трубкина О.В. К вопросу о личности преступника как элементе криминалистической характеристики мошенничества в сфере страхования, совершенного в отношении материальных интересов страховых компаний, в связи с внесением изменений в уголовное законодательство РФ // Российский следователь. 2015. № 8. С. 6 – 10; Борисова О.В. Уголовно-правовое обеспечение равенства форм собственности // Lex russica. 2015. № 1. С. 104 – 111; Степанов М.В. Плюсы и минусы уголовно-правового механизма противодействия мошенничеству в сфере страхования (ст. 159 5 УК РФ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 159-164.

[2] Макаренко М.М. Мошенничество в страховой сфере: проблемы квалификации и расследования // Миграционное право. 2014. № 3. С. 24 – 27; Аксенова А.Э. Мошенничество в сфере страхования // Актуальные вопросы экономических наук. 2013. № 35. С. 99-101.

[3] Маслов В.А. Маслов Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования. Автореф на соис. …канд. юрид. наук Екатеринбург, 2015. С. 14.

[4] Там же. С.14-15.

гражданином или юридическим лицом (страхователем) со страховой организацией (страховщиком) (ч.1 ст.927 ГК РФ), таким образом, гражданское законодательство в число страхователей включает юридических лиц, тогда как уголовный закон – только физических. Полагаем, что данное «несовпадение» не критично, т.к. в силу того, что уголовной ответственности подлежат только физические лица, иное определение привело бы к опровержению указания ст. 19 УК РФ. Кроме того, от имени юридического лица всегда действует конкретное физическое лицо, которое и подлежит уголовной ответственности по ст. 159.5 УК РФ. Так, Е., являясь руководителем страховой компании, совместно с М., оформлял фиктивные материалы о дорожно-транспортном происшествии, изготовленные сотрудниками ГИБДД. Действия М. и Е., направленные на хищение денежных средств ООО квалифицированы по ч. 3 ст. 30 и ч. 3 ст. 159.5 УК РФ[1].

В случае закрепления в ст. 159.1 УК РФ в качестве субъекта преступления страхователя или выгодоприобретателя, потерпевшей стороной смогут выступать только юридические лица – страховые компании. Предложение В.А. Маслова о закреплении специально субъекта в ст. 159.5 УК РФ вполне логично приводит автора к выводу о необходимости декриминализации квалифицирующего признака «с причинением значительного ущерба гражданину»[2]. Однако при толковании данного квалифицирующего признака, П.С. Яни приходит к достаточно оригинальному выводу: «Поскольку в законе не указан адресат обмана, то получается, что деянием может быть охвачена «автоподстава» …. В этом случае мошенник может создать у потерпевшего впечатление наступления страхового случая по вине последнего и добиться от него путем обмана немедленной компенсации. Получается, однако, что если в указанном случае автомобиль потерпевшего от мошенничества не застрахован, то содеянное будет квалифицироваться по общей норме о

[1] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 01.10.2013 № 48-О13-31 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
[2] Маслов В.А. Маслов Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования. Автореф. …канд. юрид. наук Екатеринбург, 2015. С. 8.

мошенничестве»[1]. Полагаем, что во всех случаях с «автоподставами», ответственность виновных лиц должна наступать по ст. 159 УК РФ, т.к. эти отношения, складываются не в рамках сферы страхования.

Считаем, что отсутствует целесообразность введения в диспозицию ст. 159.5 УК РФ признаков специального субъекта. Данная норма призвана охранять любые правоотношения, складывающиеся в сфере страхования.

Итак, норма о мошенничестве в сфере страхования призвана охранять интересы не только страховых компаний, но и страховщиков и выгодоприобретателей. Анализ нормативной базы, регулирующей отношения в сфере страхования, позволил прийти к выводу, что не подпадают под сферу действия ст. 159.5 УК РФ мошеннические действия, предметом преступления которых были страховые выплаты по обязательному медицинскому или обязательному социальному страхованию, т.к они подпадают под сферу действия ст. 159.2 УК РФ. Источник выплаты юридически нейтрален для необходимости разграничения ст. 159.2 и 159.5 УК РФ.

В целом можно сделать следующие выводы. Были рассмотрены четыре состава мошенничества, в которых в качестве дополнительного объекта вступает определенная сфера: предпринимательская, кредитная, социальная, страховая. Выявлен ряд технико-юридических погрешностей, что позволило сформулировать предложения, нацеленные на улучшение качества уголовного закона и практики его применения.

[1] Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 7. С. 29 - 33.

Глава 3. Уголовно-правовая характеристика мошенничества, совершаемого специальными средствами

3.1. Мошенничество с использованием платежных карт

Диспозиция ст. 159.3 УК РФ предусматривает хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. Отсюда следует, что очевидной причиной появления самостоятельной нормы является средство совершения преступления (платежная карта). Действительно, статистические данные показывают существенный рост использования населением различного рода платежных карт[1], однако практически ни в одном монографическом исследовании, посвященном вопросам оборота платежных карт нет предложений по введению самостоятельного состава[2]. Соответственно, насколько необходимо введение самостоятельной нормы, касающейся мошенничества с использованием платежных карт? Разве до внесения изменений в УК РФ ФЗ №207-ФЗ от 29 ноября 2012 года правоприменитель не мог уголовно-правовыми средствами осуществить охрану и безопасность платежей, осуществляемых с использованием платежных карт? Кроме того, полагаем решение насущных проблем исключительно уголовно-правовыми средствами обречена на

[1] По данным ЦБ России в 2008 г. количество расчетных и кредитных карт, эмитированных кредитными организациями составляло более 110 млн. ед., в 2009 г. – более 130 млн. ел, в 2010 г. – более 140 млн. ед., 2011 г. – почти 170 млн. ед., в 2012 г. – почти 190 млн. ед., в 2013 г. – свыше 201 млн. ед., в 2014 г. – почти 230 млн. ед., в 2015 г. – около 240 млн. ед., в 2016 г. – порядка 250 млн. ед., в 2017 г. – более 250 млн. ед. [электронный ресурс] // Официальный сайт ЦБ России http://www.cbr.ru/

[2] См., например: Иконников Д.Н. Предупреждение хищений в банковской сфере. Дис. …канд. юрид. наук. Москва, 2012; Беляк О.С. Ответственность за мошенничество про уголовному праву России. Дис. …канд. юрид. наук. Москва, 2006; Бессчасный С.А. Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Дис. …канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. Только Л.В. Григорьева предлагает выделение специальной статьи – «Обманное использование поддельных кредитных расчетных карт» - «Обманное использование поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов с целью получения чужого имущества (или права на имущество)» (Григорьева Л.В. Уголовная ответственность за мошенничество в условиях становления новых экономических отношений. Дис. …канд. юрид. наук. Саратов, 1996.)

неудачу. Попытаемся дать аргументированные ответы на поставленные вопросы.

По смыслу уголовного закона хищение чужих денежных средств, находящихся на счетах в банках, путем использования похищенной или поддельной кредитной либо расчетной карты следует квалифицировать как мошенничество только в тех случаях, когда лицо путем обмана ввело в заблуждение уполномоченного работника кредитной, торговой или сервисной организации (например, в случаях, когда, используя банковскую карту для оплаты товаров или услуг в торговом или сервисном центре, лицо ставит подпись в чеке на покупку вместо законного владельца карты либо предъявляет поддельный паспорт на его имя). Соответственно, не образует состава мошенничества хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной кредитной (расчетной) карты, если выдача наличных денежных средств осуществляется посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации[1] либо скимминга[2].

В.И. Добровольский пишет, что лицо, совершившее хищение или иное незаконное приобретение средства обмана (платежной карты), самостоятельной ответственности не несет, хотя его действия при этом могут подпадать под признаки приготовительных к мошенничеству действий. В случае если кредитная карта получена на имя заемщика на основании подлинных документов, удостоверяющих его личность, хищение кредитных средств с использованием такой карты квалифицируется по ст. 159.1 УК РФ[3].

Еще более радикальную позицию по данному вопросу занимают Л.В. Боровых, Е.А. Корепанова, указывая, что по своей правовой природе сотрудник торговой, кредитной или иной организации выполняет роль

[1] Кочои С.М. Новые нормы о мошенничестве в УК: особенности и отличия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 106.

[2] Скимминг - незаконная установка на банкоматы оборудования, которое позволяет считывать информацию с магнитной полосы банковской карты и устройств для ввода пин-кода.

[3] Добровольский В.И. Мошенничество в сфере кредитования и смежные составы преступлений: вопросы применения и разграничения ст. ст. 159.1, 159.3 УК РФ и иных составов преступлений // СПС КонсультантПлюс. 2014.

«терминала», поэтому обман, который использует преступник с целью обналичивания денежных средств, является лишь средством облегчения доступа к имуществу. Иными словами, присутствие сотрудника соответствующей организации при незаконном изъятии денежных средств при помощи платежной карты не является препятствием для хищения безналичных денежных средств[1]. Данная позиция затрагивает еще более сложную проблему, касающуюся вопроса о том, кто может быть объектом обмана – собственник или иной законный владелец либо это может быть неопределенный круг лиц, в отношении которых совершается обман.

Традиционное понимание мошенничества основывается на том, что обман осуществляется в адрес собственника или иного законного владельца имущества, т.к. в противном случае «добровольность» сделки (признак, характерный только для мошенничества) отсутствует. Н.А. Лопашенко указывает, что при совершении мошенничества получение имущества происходит внешне добровольно от самого потерпевшего. Именно посредством информационного воздействия на волю потерпевшего происходит искажение действительности и последний желает передать виновному имущество[2]. Подобную позицию занимают и другие ученые[3].

Однако в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 30.11.2017. в п.1 указано, что воздействие осуществляется на владельца имущества или иное лицо. Очевидно, здесь имеет место расширенный подход в понимании адресатов обмана. Ими могут быть не только потерпевшие (по

---

[1] Боровых Л.В., Корепанова Е.А. Направленность обмана в составе мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 1. С. 98-104.

[2] Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авт коммент. К уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М.: Волтерс Клувер, 2006. С.124-126.

[3] Бойцов А.И. Полный курс уголовного права: в 5т. / под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Юрид. центр Пресс», 2008. Т.3: Преступления в сфере экономики. С. 111; Бондарь А.В., Старков О.В., Упоров И.В. Мошенничество как вид преступного посягательства против собственности и особенности его проявления в сфере банковской деятельности / под общ. ред. О.В. Старкова; Сыктывк. Гос. ун-т. Суктывкар, 2003. С.47; Шевелева С.В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве. Дис. …докт. юрид. наук. Курск, 2015. С.312; Боровых Л.В., Корепанова Е.А. Направленность обмана в составе мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 1. С. 98-104.

смыслу значения данного термина в УПК РФ), но и третьи лица. В рассматриваемом аспекте это работники торговой, кредитной или иной организации.

Но если обман не адресован потерпевшему, а точнее не направлен на его волю, и лишь используется как средство облегчения доступа к имуществу, то изъятие имущества нельзя квалифицировать как мошенничество. Например, обман как средство используется когда виновное лицо просит у потерпевшего телефон, чтобы позвонить, а затем скрывается с похищенным. Такой способ совершения преступления является грабежом. Обман как средство совершения преступления имеет место когда потерпевший, передавая свое имущество виновному, не уступает ему права собственности на него, а лишь передает его, например, для доставки в камеру хранения или просит «присмотреть за чемоданом». В этом случае имеет место кража. Рассуждая в данном ключе можно прийти к выводу, что обман работника торговой, банковской или иной организации при расчете поддельной или чужой картой является **средством** облегчения доступа к имуществу, а не **способом** изъятия. В связи с этим следует поддержать позицию ученых, утверждающих, что совершение деяния, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ мошенничеством в классическом понимании данного термина, не является. Такие действия правильнее квалифицировать как кражу[1]. Ст. 159.3 УК РФ применяется формально и противоречит правовой природе мошенничества, а ее исключение из УК РФ может решить существующие противоречия по конкуренции норм специальных составов преступления, при этом данный вид преступлений не останется не охваченным другими составами преступления[2].

Совершенно очевидно, что законодатель несколько поторопился с введением данной нормы, ломая, таким образом, устоявшие в отечественной

[1] Южин А.А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации мошенничества с использованием платежных карт // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 1. С. 141-145.

[2] Боровых Л.В., Корепанова Е.А. Направленность обмана в составе мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 1. С. 98-104.

уголовно-правовой науке традиции. Полагаем, что указание в диспозиции ст. 159.3 УК РФ «…обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации» является попыткой законодателя уточнить то обстоятельство, что обмануть можно только человека, но не техническое устройство. С другой стороны, специальный состав мошенничества с использованием платежных карт должен был дать четко очерченный пределы преступлений, где орудием совершения преступления является платежная карта. К сожалению, этого не произошло.

В частности в научной литературе обращается внимание на то обстоятельство, что для квалификации по ст. 159.3 УК РФ имеет значение ставится ли подпись в чеке или предъявляется паспорт[1]. Н.В. Тимошин указывает, что достаточно с умыслом на хищение чужого имущества передать такую карту продавцу либо вставить ее в соответствующее считывающее устройство, набрать код или выполнить другие действия, направленные на оплату товара или услуг картой по требованию уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации[2]. Но как должен поступить правоприменитель если кредитная карта, например, всего лишь «вставляется в считывающее устройство», тогда как уголовный закон требует, чтобы в действиях виновного присутствовал обман в отношении работника кредитной, торговой или иной организации? Верховный Суд РФ лишь отчасти дает ответ: если персональные данные владельца, данные платежной карты, контрольная информация или пароли переданы самим владельцем карты под воздействием обмана злоумышленнику (т.е. сама карта как таковая не передается), содеянное следует квалифицировать как кражу[3].

Далее в зависимости от вида карт ведется дискуссия о правилах квалификации. В. Боровых, Е.А. Корепанова считают, если используемая

[1] Кочои С.М. Новые нормы о мошенничестве в УК: особенности и отличия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 106.
[2] Тимошин Н.В. Новые нормы о мошенничестве в УК РФ: рекомендации по применению // Уголовный процесс. 2013. № 1.
[3] П.17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

карта является кредитной, то такие действия должны квалифицироваться как мошенничество, но при условии, что денежные средства будут обналичены в банке с помощью его сотрудника. Если же карта дебетовая, то при хищении отсутствует обман как способ изъятия имущества, а, следовательно, такие действия квалифицировать как мошенничество нельзя, они охватываются составом кражи[1].

Еще одна проблема заключается в конкуренции ст. 159.3 и 159.6 УК РФ в ситуациях, когда посредством использования чужой или поддельной платежной карты в присутствии работника кредитной, торговой или иной организации вводится пин-код, таким образом, модифицируется компьютерная информация. Одна группа ученых полагает, что ст. 159.3 УК РФ является специальной по отношению к ст. 159.6 УК РФ[2]. Другие предлагают дополнить ст. 159.3 УК РФ частью 2 следующего содержания: «…мошенничество с использованием платежных карт посредством использования технических средств или средств ЭВМ или путем создания заведомо ложных программ, использования ложных или неполных данных, путем неправомочного использования данных или иного неправомочного воздействия на результат обработки данных»[3]. М.В. Старичков предлагает ст. 159.3 УК РФ дополнить словами «либо иным способом передачи распоряжения кредитной организации – эмитенту о перечислении денежных стредств,…»[4]. По нашему мнению, квалификация должна осуществляться по ст. 159.3 УК РФ в силу того, что введение пин-кода карты является лишь

[1] Боровых Л.В., Корепанова Е.А. Проблема квалификации хищения с использованием банковских карт // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 82 - 87.

[2] Кириллов М.А., Степанов М.В. Платежныке карты как средства совершения мошенничества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. №4 (28). С.130.

[3] Васюков С.В. Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов: автореф….канд. юрид. наук М., 2013 С.28.

[4] Старичков М.В. Возбуждение уголовных дел о мошенничестве с использованием платежных карт // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра Сборник научных трудов. Восточно-Сибирский институт МВД России. 2015. С. 195-199.

составной частью способа совершения преступления[1] при условии присутствия работника соответствующей организации и с фактическим использованием поддельной или чужой карты.

На практике наличие данной нормы приводит правоприменителя к необходимости излишнего вменения. Так, П. похитил у своей знакомой Ф. ее банковскую карту. Зная пин-код данной карты, он снял в банкомате денежные средства. Позже он рассчитался за продукты в магазине картой, обманув кассира. Его действия по первому эпизоду были квалифицированы как кража, по второму – как мошенничество с использованием платежных карт[2], хотя совершенно очевидно, что его умысел носил неконкретизированный характер и имело место единое длящееся преступление. В другом случае суд совершенно справедливо квалифицировал действия виновного по п. «в» ч.2 ст. 158 УК РФ, когда П. нашел банковскую карту, поняв, что на ней отсутствует пин-код, рассчитался с ее помощью при покупке бензина на АЗС[3].

В отдельных случаях правоохранительные органы и суд не принимают во внимание, что обман работника кредитной организации, например, для выяснения пин-кода чужой карты, является лишь подготовкой к совершению кражи посредством использования платежной карты при обналичивании денежных средств в банкомате. Так, Г. признана виновной по ст. 159.3 УК РФ. Виновная, работая на почте, обнаружила конверт с кредитной картой на имя М. Обманув сотрудника банка, активизировала кредитную карту по горячей линии и впоследствии получила конверт с кодом доступа к карте. Позже она снимала денежные средства через банкомат[4]. Учитывая правовую позицию Верховного Суда РФ, действия Г. суд должен был квалифицировать как

---

[1] Подобную позицию занимает А.С. Карпов: Карпов А.С. К вопросу о проблемах квалификации хищений, совершаемых с использованием систем дистанционного банковского обслуживания // Научный альманах. 2016. № 4-1 (18). С. 354-356.

[2] Приговор Кировского районного суда г. Кемерово от 12.11.1015. Дело № 1-395/15 [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/sudrf

[3] Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 04.03.2015. Дело № 1-39/201515 [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru

[4] Приговор Балаковского районного суда Саратовской области от 12.09.2013.. Дело №12-12/2013 [электронный ресурс] // URL : https://rospravosudie.com/court-primorskij-rajo№№yj-sud-g-№ovo-rossijska-kras№odarskij-kraj-s/act-455998971/.

кражу, т.к. денежные средства она снимала в банкомате тайно, а обман сотрудника банка при активации карты по горячей линии является приготовлением к преступлению.

Такую непрозорливость законодателя практика и наука вынуждены компенсировать поиском наиболее оптимальных решений. В результате в теории уголовного права выделено две разновидности мошенничеств с использованием платежных карт:

1) совершенные с использованием подлинных карт. Использование подлинных карт при мошенничестве возможно, например, когда карта найдена или похищена. Так, Т. совершил мошенничество с использованием платежных карт, то есть хищение чужого имущества, с использованием принадлежащей другому лицу кредитной карты, путем обмана уполномоченного работника кредитной организации, (т.е. работник банка осуществлял помощь для совершения операции с помощью банковской карты) через банкомат похитил денежные средства, причинив потерпевшему ущерб, с похищенным скрылся[1]. Относительно снятия денежных средств через банкомат посредством найденной или похищенной кредитной карты Пленум Верховного Суда РФ однозначно высказался, что такой способ хищения должен квалифицироваться как кража[2]. Однако на практике имеет место противоречивая квалификация. В одних случаях суды квалифицируют подобные деяния как кражу[3], в других – как мошенничество с использованием платежных карт[4].

---

[1] Перовский районный суд г. Москвы. Дело 10-17/2013 [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/sudrf.html#id=eaaa793bd398fd2a1151a043a98e06e6&r

[2] П.17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

[3] См., например: Приговор Ленинского районного суда г. Курска от 12.05.2016. Дело № 03-134/16 [электронный ресурс]//URL : https://rospravosudie.com/court-zlatoustovskij-gorodskoj-sud-chelya-bi№skaya-oblast-s/act-107241102/.; Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 10.01.2016. Дело № 02-14/16 [электронный ресурс] //URL: https://rospravosudie.com/court-sestroreckij-rajo№№yj-107306788/.

[4] См., например: Определение Красноярского областного суда от 09.01.2013. Дело 14-122/13 [электронный ресурс] // URL : https://rospravosudie.com/court-sos№ovoborskij-gorodskoj-sud-kras-№oyarskij-kraj-s/act-455297184/; Приговор Октябрьского районного суда г. Новороссийска от 04.12.2014. Дело № 12-177/1413 [электронный ресурс]// URL: https://rospravosudie.com/court-primorskij-rajo№№yj-sud-g-№ovo-rossijska-kras№odarskij-kraj-s/act-455998971/.

2) совершенные с использованием поддельных карт[1]. Изготовление поддельных карт в ряде случаев может сопровождаться подделкой различного рода документов.

Верховный Суд РФ так и не дал разъяснения по вопросу о том, какими критериями следует руководствоваться судам для отнесения карты к категории поддельной. Существует точка зрения, согласно которой изготовление поддельных кредитных либо расчетных карт состоит во внесении ложных данных в подлинные карты или в изготовлении полностью поддельных карт[2]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что характер, способ, качество или количество поддельных платежных карт влияния на квалификацию не оказывает.

Изготовление поддельной кредитной или расчетной карты может представлять собой полное воссоздание аналога подлинной карты, а также частичную подделку подлинной или просроченной карты путем изменения ее реквизитов (замены информации на магнитном носителе, т.е. информации на полосе из магнитного материала или впаянной микросхеме; замены эмбоссированной информации, т.е. информации, нанесенной на лицевую сторону карты рельефной печатью; подделки подписи держателя карты)[3].

«Полная подделка кредитной или расчетной карты осуществляется способом, который именуется «чистый белый пластик» (White Plastic Crime). Частичная подделка кредитной или расчетной карты совершается с использованием подлинной карты. В качестве основы для частичной подделки используются похищенные и найденные карты, а также полученные изготовителем или его сообщником в установленном порядке подлинные карты. В последнем случае держатель карты открывает счет в банке-эмитенте на минимальную сумму. Имеющаяся на подлинной карте информация

[1] Якимович Е. Я. Способы мошенничества с использованием платежных банковских карт // Юридический консультант. 2005. № 10. С. 10.

[2] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Постатейный / Отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е издание, переработанное и дополненное. М.: Юрайт, 2013.

[3] См.: Нудель С.Л. К вопросу об уголовной ответственности за изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов // Банковское право. 2010. № 3.

удаляется, и вместо нее наносится новая информация другого более состоятельного клиента того же банка[1].

В случае, когда карта изготавливается банком, мошенник не вносит в нее ложные данные, а только предоставляет их сотруднику банка, карту поддельной признавать нельзя. Если не рассматривать такую карту в качестве поддельной, то хищение кредита посредством карты, полученной от банка по поддельному паспорту, следует квалифицировать по ст. 159.1 УК РФ. Действия по хищению кредита по кредитной карте, полученной мошенником путем обмана и выпущенной на имя другого лица без его согласия, суды также квалифицируют, как мошенничество в сфере кредитования по ст. 159.1 УК РФ[2].

В других случаях действия сотрудника банка по оформлению кредитных договоров на имя граждан без их ведома, а также по получению кредитной карты в свое распоряжение, ее активации и оплаты при ее помощи товара в магазине судами были квалифицированы по ч. 3 ст. 159 УК РФ[3] либо как мошенничество с использованием платежных карт. Так, В., являясь менеджером одного из банков, от имени клиентов банка, заполнял анкеты для получения кредитных карт. Всего В. оформил 72 кредитные карты на сумму 3886 тыс. руб. Полученные карты хранил у себя дома, но воспользоваться ими не смог, т.к. его деятельность была пресечена сотрудниками правоохранительных органов. Его действия были квалифицированы как покушение на мошенничество с использованием платежных карт. Однако, с другой стороны, В. путем обмана получил кредит, а в соответствии с п.5 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 48 мошенничество с

[1] См.: Нудель С.Л. К вопросу об уголовной ответственности за изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов // Банковское право. 2010. № 3. С. 34 - 38; Фирсов Е.Л. Расследование изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов: Монография / Под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Комисарова. М.: Юрлитинформ, 2004. С. 129 - 132.

[2] См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 02.09.2013 по делу № 10-7679/2013.

[3] См.: Приговор Галичского районного суда Костромской области от 17.06.2013 по делу № 1-46-2013.

безналичными денежными средствами признается оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета.

Таким образом, фактически однотипные деяния могут быть квалифицированы и как «простое мошенничество» и как мошенничество в сфере кредитования и как мошенничество с использованием платежных карт.

Как показывает опыт ЕС, до 60% объема мошеннических транзакций приходится на операции без физического присутствия карты[1]. В связи с этим возникает вопрос как квалифицировать данные деяния. По этому поводу Верховный Суд РФ дал обескураживающий ответ – это кража. (п. 17 Постановления № 48.) Аналогичные рассуждения имеют место и в научной литературе. Так, отдельные авторы полагают, что хищение денежных средств, находящегося на счете потерпевшего путем «взлома» не образует состава мошенничества ввиду отсутствия физических лиц, введенных посягателем в заблуждение[2]. При всем желании согласиться с авторами и мнением высшей судебной инстанции, вынуждены обратить внимание на то, что компьютерное мошенничество (ст. 159.6 УК РФ) применяется и в том случае, когда обман человека отсутствует, а имеет место «обман» ЭВМ.

Еще одна существенная проблема имеет место: что понимать под платежной картой. Нормативного толкования данный термин не имеет. Поэтому в научной литературе возникает вполне резонный вопрос: образует ли хищение бонусных, накопительных, подарочных карт состав рассматриваемого преступления и как быть с сервисами, которые не являются банками, но предоставляют услуги по оплате товаров (Qiwi, WebMoney, Яндекс.Деньги и т.д.) или создают «виртуальные платежные карты», которые обладают всеми признаками банковской карты, кроме одного: она не

[1] Главной угрозой остается С№Р-фрод [электронный ресурс]// ПЛАС-журнал. –30.04.2014. –Режим доступа:
http://www.plusworld.ru/jour№al/o№li-№e/art170778/.

[2] Барышников Д.А., Шарипкулова А.Ф. Некоторые теоретические и практические проблемы уголовной ответственности за мошенничество с использованием платежных карт // Наука и современность. 2014. № 34. С. 193-195.

существует на материальном носителе[1]. Отдельные авторы полагают, что платежная карта как электронное средство платежа позволяет рассматривать в качестве платежного инструмента иные виды карт, в частности, подарочные карты или сертификаты, отражающие свою номинальную стоимость и выкупленные у коммерческих организаций и принимаемые указанными организациями к оплате[2]. Данная позиция основывается на п.17 ст.3 ФЗ «О национальной платежной системе», где дано определение платежной услуги. Очевидно, указанные карты, а тем более сервисы не могут подпадать под действие ст. 159.3 УК РФ. «Положением об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием» предусмотрено, что платежная карта должна быть **персонифицированной**, а в отношении операций, совершаемых с использованием платежных карт должен вестись **реестр**[3]. Кроме того, Постановлением Правительства РФ от 06.05.2008 № 359 «О порядке осуществления наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием платежных карт без применения контрольно-кассовой техники» установлено, что при оплате услуг использованием платежной карты уполномоченное лицо организации (индивидуальный предприниматель) при получении от клиента платежной карты обязан заполнить бланк документа, после чего вставить платежную карту в устройство для считывания информации с платежных карт и получить подтверждение оплаты по платежной карте. Платежная карта клиенту возвращается вместе с документом, подтверждающим совершение операции с использованием платежной карты. Данная процедура не возможна при использовании «виртуальных платежных карт», сервисов по оплате товаров, бонусных, накопительных, подарочных карт и других. Ряд ученых справедливо полагают, что такого рода карты относятся к категории торговых карт и не

[1] Быкадорова Н.В. Мошенничество с использованием платежных карт // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 17. С. 202-207.

[2] Журкина О.В. Актуальные вопросы квалификации мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 5 (37). С. 113-115.

[3] Положение об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием (утв. Банком России 24.12.2004 № 266-П) (ред. от 14.01.2015) // Вестник Банка России. № 17. 30.03.2005.

могут рассматриваться применительно к анализируемому составу мошенничества как платежные[1].

Итак, анализ научной литературы и изученная практика приводит нас к достаточно пессимистическому выводу о необходимости декриминализации ст. 159.3 УК РФ. Данное предложение превалирует в научной литературе[2]. Однако серьезные изменения, которым был подвергнут уголовный закон летом 2016 года[3], показывают, что законодатель даже не ставил под сомнение необходимость наличия данной нормы в УК РФ. Более того, в санкции ч. 2, 3 данной статьи были внесены изменения, увеличившие размер наказания в виде лишения свободы с четырех лет до пяти по ч.2 ст. 159.3 УК РФ и с пяти до шести лет лишения свободы по ч.3 ст. 159.3 УК РФ. Решение законодателя о введении ст. 159.3 УК РФ нарушило системность уголовного законодательства. Несмотря на то, что путем внесения изменений в санкции частей 2, 3 ст. 159.3 УК РФ[4] была устранена коллизия по поводу того, что фактически ст. 159.3 УК РФ являлась привилегированной по отношению к общей ст. 159 УК РФ, в то же время размер крупного и особо крупного ущерба законодателем изменению не подвергся. На сегодняшний день о привилегированном порядке ст. 159.3 УК РФ мы можем говорить с определенной долей условности, т.к. санкции ст. 159 и ст. 159.3 УК РФ

---

[1] Кочои С.М. Преступления противо собственности: учебное пособие для магистрантов. М.: Проспект, 2014 С.37; Занин Т.В. Виды платежных карт // Альманах современной науки и образования. 2007. С. №7. Ч.1 С. 57; Басов А.А. Предмет хищения, совершаемого с использованием платежных карт // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №7(33). – Ч.2. – С.17.

[2] Черных Е.Е. Особенности законодательного закрепления ответственности за новые виды мошенничества // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве Мат. межд. науч.-практ. конф.. / Под редакцией В. Ф. Лапшина. 2015. С. 367-372; Боровых Л.В., Корепанова Е.А. Направленность обмана в составе мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 1. С. 98-104; Южин А.А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации мошенничества с использованием платежных карт // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 1. С. 141-145 и др.

[3] Федеральный закон от 03.07.2016 № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 149. 08.07.2016

[4] Федеральный закон от 03.07.2016 № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 149. 08.07.2016

совпадают, тогда как размер причиненного ущерба, как криминообразующий признак ст. 159.3 УК РФ, остается выше в шесть раз по отношению размеру ущерба, установленному в ст. 159 УК РФ.

В то же время законодатель осознает, что одними уголовно-правовыми средствами с хищениями с использованием платежных карт не справиться. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»[1] также нацелен на минимизацию рисков потери денежных средств потерпевшими в связи с незаконным использованием их карт (данных карт) в преступных целях. Наибольший резонанс вызвала ст. 9 указанного закона, согласно которой банк обязан возместить вред клиенту в случае перевода денежных средств последнего без его согласия при условии своевременного уведомления клиентом банка об утрате электронного средства платежа и (или) его использования без его согласия не позднее дня, следующего за днем получения от оператора по переводу денежных средств уведомления о совершенной операции. Отдельные специалисты полагают, что закон «стимулирует» некоторых клиентов к недобросовестному поведению[2].

В случае своевременного обращения клиента в банк о совершенной без его согласия операции, банк обязан возместить клиенту ущерб и далее может обратиться в правоохранительные органы. Однако на практике бремя доказывания фронд-инцидента, как правило, лежит на физическом лице, что, на наш взгляд, представляется неверным. Очевидно, уточнение законодателем в рамках ФЗ «О национальной платежной системе» **обязанности** банка при соблюдении срока обращения клиента, возместить последнему причиненный ущерб в случае осуществленной транзакции без его согласия, может улучшить криминальную ситуацию в данном секторе. Дело в том, что банк обладает большими полномочиями и ресурсами, нежели физическое лицо, чтобы

[1] Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 04.07.2011. № 27. Ст. 3872.

[2] Есаков П., Чернышев А. Банковская отрасль на пороге выхода из СМС-тупика»? [электронный ресурс] // Computel. ПЛАС. – 2014. - №4 (203) /URL: http://computel.ru/upload/Computel_№ewpix_caps2.pdf; Басов И.А.
О мошенничестве в сфере платежных карт // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2015. № 23. С. 99-103.

выявить место, время, иногда и способ осуществления фронд-инцидента. Если такие фронд-инциденты возникают не впервые, данное обстоятельство может свидетельствовать о совершении таких преступлений одним и тем же лицом или группой. Иными словами, проблему борьбы с мошенничеством с использованием платежных карт путем усиления ответственности, а тем более введения специальной нормы (ст.159.3 УК РФ) решить не возможно. Необходимо осуществление ряда мер экономического и организационного характера, а также внесение соответствующих изменений в регулятивное законодательство, что, несомненно, должно является предметом самостоятельного комплексного научного исследования. Несмотря на то, что по данным ассоциации European ATM Security Team (EAST), Россия входит в число стран, чья банкоматная сеть используется для снятия наличных с карт, скомпрометированных в странах с более развитыми банковскими системами, можно с уверенностью утверждать, что ст. 159.3 УК РФ решить данную проблему не в состоянии в силу ущербности конструкции самого состава.

Итак, в результате анализа данного состава, мы пришли к выводу о необходимости его декриминализации по следующим соображениям:

–мошенничество с использованием карт противоречит традиционному пониманию мошенничества, т.е. имеет место серьезная технико-юридическая ошибка;

–это единственный специальный вид мошенничества, который не предусматривает специфическую сферу совершения преступления, т.е. отсутствует дополнительный непосредственный объект, поэтому отсутствует уголовно-политическая адекватность данного уголовно-правового запрета;

–имеют место серьезные сложности в разграничении составов предусмотренных ст. 159.3 УК РФ и ст. 159.1, 159.6 УК РФ, т.к. платежные карты используются и в сфере кредитования и в сфере компьютерной информации, поэтому уголовно-правовой запрет необходимо применять в

зависимости от сферы совершения преступного деяния, нежели в зависимости от средства (орудия) совершения преступления;

–посредством улучшения качества регулятивного законодательства, направленного на минимизацию рисков потери денежных средств потерпевшими в связи с незаконным использованием их карт (данных карт) возможно усиление качества защиты данных средств расчета, следовательно, возможно воздействие и не уголовно-правовыми средствами;

–отсутствует социально-экономическая обоснованность выделения данного состава.

3.2. Мошенничество в сфере компьютерной информации

Относительно данного состава в научной литературе развернулись, пожалуй, самые жаркие дискуссии. Одни авторы полагают, что состав преступления, предусмотренный ст. 159.6 УК РФ не является мошенничеством. Суть их рассуждений строится на том, что обман, а тем более злоупотребление доверием не может осуществляться в отношении технического средства. Скорее, по мнению данной группы авторов, речь следует вести о краже[1] или особом роде хищения[2]. Не менее интересно выглядят предложения ученых о необходимости унификации отечественного законодательства с европейским, где имеет место широкий подход относительно уголовной ответственности за любой имущественный вред причиненный посредством неправомерных манипуляций с компьютерной информацией[3].

Другая группа ученых, в целом признавая необходимость законодательного закрепления компьютерного мошенничества, в то же время

[1] Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: Монография. М., 2012[Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Тропина Т.Л. Киберпреступность: Понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. С. 13; Хилюта В.В. Хищение с использованием компьютерной техники или компьютерное мошенничество // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 5. С. 64.

[3] См.: Комаров А.А. Об уточнении понятия «компьютерное мошенничество» в сфере законодательных инициатив Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

обоснованно указывают на некорректные термины, используемые законодателем при конструировании указанной нормы[1].

Третья группа авторов акцентирует внимание на особенностях конкурирования ст. 159.6 УК РФ с другими составами, таким как ст.158, 159, 272, 273 УК РФ и др[2].

Прежде чем рассмотреть этот состав и сравнить его с деяниями, предусмотренными иными смежными составами преступлений, необходимо обратиться к содержанию пояснительной записки к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации», принятием которого описанные выше изменения внесены в УК РФ. В документе предлагалось «выделить в самостоятельный состав преступления мошенничество в сфере компьютерной информации (статья 159.6 УК РФ), когда хищение или приобретение права на чужое имущество сопряжено с преодолением компьютерной защиты имущества (имущественных прав) и осуществляется путем ввода, удаления, модификации или блокирования компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей»[3]. Тем не менее, в действующей редакции ст. 159.6 УК РФ о сопряженности хищения с преодолением компьютерной защиты имущества (имущественных прав) ничего не сказано.

Далее, авторы законопроекта - представители Верховного Суда РФ делают еще более противоречивое заключение: «…подобные преступления

---

[1] См.: Александрова И.А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2013. № 21. С. 58; Тюнин В. Реструктуризация уголовного законодательства об ответственности за мошенничество // Уголовное право. 2013. № 2. С. 41; Ефремова М.А. Мошенничество с использованием электронной информации // Информационное право. 2013. № 4 (35). С. 19 - 21; Степанов-Егиянц В.Г. Современная уголовная политика в сфере борьбы с компьютерными преступлениями // Российский следователь. 2012. № 24. С. 43 - 46;

[2] См.: Шеслер А. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. № 2. С. 70 - 71.

[3] URL: http://sudact.ru/regular/docs№ippet (дата обращения: 05.01.2015).

совершаются не путем обмана или злоупотребления доверием конкретного субъекта, а путем получения доступа к компьютерной системе и совершения вышеуказанных действий, которые в результате приводят к хищению чужого имущества или приобретению права на чужое имущество».

Анализ приведенной формулировки приводит к двум выводам:

- во-первых, происходит размытие понятия «мошенничество» при формулировании диспозиции ст. 159.6 УК. Ведь общепринято, что «мошенничество» — это хищение путем обмана или злоупотребления доверием;

- во-вторых, рассуждая о совершении преступления путем «получения доступа к компьютерной системе», авторы пояснительной записки противоречат сами себе, поскольку такой доступ можно получить и без преодоления компьютерной защиты имущества, о котором как о способе совершения данного преступления говорится в предыдущем абзаце пояснительной записки.

В результате обоснованность криминализации данного деяния в самостоятельной норме УК выглядит довольно сомнительно. В целом поддерживая позицию ученых о необходимости выделения особого вида хищения, совершаемого с использованием информационных компьютерных технологий, в рамках нашего исследования вынуждены дать уголовно-правовую характеристику существующей нормы о компьютерном мошенничестве, т.к. по справедливому замечанию Н.А. Лопашенко «..закон действует. И его нужно применять ... А правоприменение…ставит новые вопросы, вызванные неловкостью законодателя…»[1].

Наибольшие сложности возникают в понимании терминологии, используемой в ст. 159.6 УК РФ. Это связано в первую очередь с тем, что необходимо иметь специальные технические знания.

[1] Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. №3 С.511.

Под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Данное определение, предложенное законодателем в примечании к ст. 272 УК РФ было подвергнуто критике еще на стадии обсуждения законопроекта. Так, Верховный Суд РФ в своем официальном отзыве указал, что «…предложенный в примечании термин *«электрические сигналы»,* на наш взгляд, не вносит достаточной ясности в определение понятия и требует дополнительного пояснения»[1]. В научной литературе также подчеркивается, что понятие компьютерной информации, которое приводится в примечании к ст. 272 УК РФ, не выдерживает критики и нуждается в тщательной проработке и последующем изменении[2]. Полагаем, что данное определение уместно перенять из специальных источников, заимствуя исключительно «рабочие формулы» для определения границ уголовно-правового воздействия. Однако следует оговориться, что в научной литературе нет и не может быть универсального определения этого понятия, имеют место различные подходы.

Компьютерная информация является составной частью более общего понятия информация. В настоящее время сложилось несколько теорий в понимании данного термина. Атрибутивный подход в понимании сущности информации заключается в том, что информация является обязательным свойством материи и в силу чего она может проявлять себя во всех явлениях, объектах, процессах как живой, так и неживой природы. Наиболее полно этот подход описан в работах К.К. Колина[3]. По мнению Д.С. Чернавского, сторонника динамической теории информации, информация есть запомненный выбор одного варианта из нескольких возможных и

[1] Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации» [электронный ресурс] // URL: http://asozd.duma.gov.ru/mai№.№sf/(Spravka)?Ope№Age№t&R№=559740-5

[2] Ефремова М.А. Мошенничество с использованием электронной информации // Информационное право. 2013. № 4 (35). С. 19 - 21

[3] Колин К. К. Информатика как фундаментальная наука // Информатика и образование. 2007. № 6; Колин К. К. Природа информации и философские основы информатики // Открытое образование. 2005. № 2. С. 43–51; Колин К.К. Социальная информатика / Учебное пособие для вузов / К.Колин –М.: Академический Проект; М.: Фонд «Мир», 2003. – 432 с.

равноправных[1]. Сторонники функциональной концепции информации полагают, что информация является результатом (функцией) деятельности человеческого сознания и поэтому в неживой природе она существовать не может. Иными словами, мышление не идентично работе компьютера, и, следовательно, есть достаточные основания считать информацию свойством человека, а компьютер работает только с данными[2]. В связи с тем, что в функциональной концепции живая природа в качестве источника не рассматривается, в науке сформировалась витальная концепция, предполагающая более широкий подход, суть которого заключается в том, что информация – это свойство всего живого, а не только человека[3]. Согласно антропоцентрической теории исполнителем информационных процессов является человек. Информационные процессы являются функцией человеческого сознания, человек может осуществлять их самостоятельно, а также с помощью созданных им орудий информационной деятельности[4]. Математический подход информацию определяет через математические абстракции, имеющие большое практическое значение при анализе и проектировании каналов связи. Яркий представитель данного подхода А.Н Колмогоров считал, что понятие «информация» может относиться как к вероятностным, так и к детерминированным процессам[5]. Проведенный опрос среди специалистов в сфере компьютерных технологий и юристов, социологов, экономистов, показал, что первая группа ученых предпочитает основываться на математическом подходе в понимании информации, тогда как представители гуманитарных наук предпочтительной признают функциональную теорию. Учитывая специфику исследования, на наш взгляд, более удобен для нужд уголовного права функциональный подход.

---

[1] Чернавский Д.С. Синергетика и информация (динамическая теория информации) / М.: Едиториал УРСС., 2004. С.13.

[2] Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлениях и законах физики: пер. с англ. / Общ. ред. В.О. Малышенко. М.: Едиториал УРСС, 2005 – 400с.

[3] Корогодин В.И., Корогодина В.Л. Информация как основа жизни. Дубна: Изд. Центр «Феникс», 2000. – 208с.

[4] Шнейдоров В.С. Занимательная информатика. СПб.: Политехника, 1994. – 304 с.

[5] Колмогоров А.Н. Теория ниформации и теория алгоритмов. М.: Наука, 1987. – 304 с.

Имеющие место определения в доктрине уголовного права сводятся к тому, что некоторые ученые фактически воспроизводят текст примечания к ст. 272 УК РФ. Опираясь на специальную литературу[1], правильнее в уголовном законе вести речь не о компьютерной информации, а использовать термин «данные», т.к. такое отличие является важным не только по технологическим причинам, но и по причинам правового характера[2]. С учетом законотворческого опыта зарубежных государств такой подход выглядит предпочтительным. Однако уголовный закон и ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[3] термины «компьютерная информация» и «компьютерные данные» понимают как синонимы. А.А. Гребеньков отмечает, что в силу специфики процессов обработки информации в компьютерных системах она условно делится на программы и данные[4]. Поэтому, понимая данные термины как синонимы за пределами уголовно-правовой охраны остаются программы, если речь идет о причинении имущественного вреда.

Определение, что есть информация, имеет значение еще и потому, что отдельные авторы ставят вопрос о том, что конкретно похищено в результате компьютерного мошенничества: деньги, информация, права или что-то еще. «Таким образом, особую актуальность приобретает проблема информации как вещи, имущества»[5].

Информация – это не вещь, а процесс или отношение, которое происходит между сознанием человека и неким стимулом. В то же время данные – это простое представление информации или некоторой идеи.

---

[1] Математический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1988. С.812.

[2] Мицкевич А.Ф., Суслопаров А.В. Понятие компьютерной информации по российскому и зарубежному уголовному праву [электронный ресурс] // URL: http://sbmb.№arod.ru/i№dex/0-8

[3] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Парламентская газета. № 126-127. 03.08.2006.

[4] Гребеньков А.А. Общие подходы к определению понятия «компьютерная информация» в уголовно-правовой теории // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1-2. С. 135-138.

[5] Кауфман Ю.С. Законодательное регулирование мошенничества в сфере компьютерной информации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (131). С. 213-216.

Информация является интерпретацией того, к чему наблюдатель относится как к данным. Из одних и тех же данных может быть получена различная информация, в зависимости от того, как их интерпретировать. Иными словами, сущность информации заключается в том, что есть две составляющие этого явления: смысл и данные. Эти составляющие не синонимичны[1]. По существу гражданское законодательство данный вопрос интерпретирует аналогично, правда используя несколько иную терминологию. В соответствии со ст. 128 ГК РФ информация к объектам гражданских прав не относится, поэтому, как таковая не может быть объектом и уголовно-правовой охраны. В гражданском обороте могут участвовать результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, т.е. интеллектуальная собственность. Именно она находится и под охраной уголовного закона. Иными словами, информация не может быть объектом хищения. Если мы ведем речь о «хищении» результатов интеллектуальной деятельности, например, баз данных, программ для ЭВМ и т.д., то квалификация должна осуществляться по иным составам, в частности, по ст.146, 147, 183 УК РФ и др. Несколько туманно по этому поводу высказывается Ю.С. Кауфман, рассуждая о некой «информационной вещи в качестве предмета мошенничества», что и приводит автора к выводу о невозможности однозначного решения[2].

Обобщение понятий компьютерной информации, имеющихся в уголовно-правовой доктрине, свидетельствует, что критерием для выделения компьютерной информации среди прочих, является ее носитель или среда, в которой она распространяется: данная информация является **машиночитаемой**, т.е. предназначенной для обработки ЭВМ, закрепленной на носителе, который может быть прочитан компьютером, либо передающийся в среде, через которую осуществляется взаимодействие

[1] Фриланд И.Я. Информация: обзор современных представлений о сущности и подходов к ее определению [электронный ресурс] // URL: http://www.ict.edu.ru/ft/005715/68361e2-st17.pdf

[2] Кауфман Ю.С. Законодательное регулирование мошенничества в сфере компьютерной информации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (131). С. 213-216.

системы ЭВМ или их сети[1]. Полагаем, приведенное определение наиболее емкое.

Далее, согласно примечанию ст. 272 УК РФ компьютерные данные представляются в форме *электрических сигналов*. Как отмечалось выше еще на стадии разработки федерального закона № 420-ФЗ от 07.12.2011, в соответствии с которым было сформулировано законодательное определение компьютерной информации, Верховный Суд РФ указывал на неясность формулировки термина «электрический сигнал»[2], Комитет по информационной политике также обращал внимание на данное обстоятельство[3]. Однако, как отмечает А.А. Гребеньков, при формулировании данного определения не были учтены ни особенности современных компьютеров и цифровых систем связи, ни теоретические положения, касающиеся сигналов и их обработки, ни нормы действующего законодательства, рассматривающие особенности передачи информационных сигналов определённых видов[4]. Современные вычислительные системы обрабатывают не только электрические, но и оптические, магнитные и другие сигналы. Кроме того, возникает вопрос относительно информации, а точнее данных, передаваемых по радио- и оптическим каналам связи, или той, что хранится на магнитном или оптическом носителе. Информация в виде электрических сигналов существует, например, и в человеческом мозге, в любой звуковоспроизводящей аппаратуре, а, следовательно, «электрический сигнал» не является признаком исключительно ЭВМ. Поэтому прав А.А. Гребеньков, утверждающий, «…что такое понимание компьютерной

[1] Гребеньков А.А. Общие подходы к определению понятия «компьютерная информация» в уголовно-правовой теории // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1-2. С. 135-138.

[2] На проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации»: Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 07 апреля 2011 года № 1/общ-1583 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. М., 2012.

[3] На проект Федерального закона № 559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: заключение Комитета по информационной политике, информационным технологиям и связи от 05 июля 2011 года (к первому чтению) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. М., 2012.

[4] Гребеньков А.А. О новом определении понятия «компьютерная информация» в уголовном кодексе РФ

информации является абсурдно широким»[1]. Важно еще и то, что нормативные акты, посвящённые защите определённых видов компьютерной информации, разграничивают информацию, представленную в виде информативных электрических сигналов и физических полей, носителей на бумажной, магнитной, магнитно-оптической и иной основе[2]. Таким образом, имеет место противоречие между регулятивным и уголовным законодательством.

Пользуясь более современной, а потому более удачной терминологией, которой оперирует Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, термин «компьютерная информация» может быть определен следующим образом: данные, содержащиеся и (или) обрабатываемые в информационных системах, передаваемые по информационно-телекоммуникационным сетям, либо зафиксированные на материальных носителях, предназначенных для обработки в информационных системах.

Дополнительно здесь возникает проблема относимости к понятию компьютерной информации программного обеспечения. Очевидно, указывая на «иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации» как способ совершения мошенничества в сфере компьютерной информации, законодатель имел в виду не только данные, но и набор последовательных команд для автоматического исполнения, с помощью которых обрабатывается информация в информационных системах и обеспечивается функционирование данных информационных систем. Поэтому к представленному выше определению требуется законодательное разъяснение что понимать под программным обеспечением. Очевидно, такая законодательная оговорка будет уместна в примечании к ст. 272 УК РФ.

---

[1] Там же.

[2] Об утверждении Положения об обеспечении безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: постановление Правительства РФ от 17 ноября 2007 года № 781 // КонсультантПлюс [Электронный ресурс].

Определившись с терминологией, можно перейти непосредственно к анализу состава преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ.

Самый очевидный вопрос, возникающий при определении признаков «компьютерного мошенничества», является вопрос об адресате обмана: человек или система? Действительно традиционное понятие обмана предполагает наличие человеческого интеллекта, человеческих эмоций, поэтому в этом вопросе предпочтительнее выглядит опыт зарубежных государств, где термин «мошенничество» применительно к манипуляциям в компьютерной сфере не применяется. Так, УК Германии говорит о причинении имущественного вреда[1]. Аналогичная трактовка имеется в УК Австрии[2] и других европейских государств.

В то же время в научной литературе имеет место позиция, согласно которой и при компьютерном мошенничестве имеет место обман в «классическом» его понимании. Так, С.В. Воронцова пишет, что при несанкционарованном изменении компьютерной информации возникает искажение действительности в сознании человека, эксплуатирующего модифицированную систему, что можно, по ее мнению, отнести к обману, как искажению истины[3]. С такой позицией можно согласиться лишь отчасти, т.к. не во всех случаях компьютерного мошенничество присутствует человек «эксплуатирующий модифицированную систему». В ряде случаев перечисление денежных средств происходит автоматически, т.е. без участия человека. Права Т.М. Лопатина, указывая, что обязательным признаком мошенничества является мнимая добровольность передачи потерпевшим имущества или права на имущество виновному под влиянием обмана или злоупотребления доверием. В компьютерном мошенничестве «добровольно» передает имущество компьютерная система, и в качестве «потерпевшего» выступает обманутая компьютерная система. Физическое лицо, владелец

[1] Уголовный кодекс Германии. Ст. 263а.
[2] Уголовный кодекс Австрии. Ст.148а.
[3] Воронцова С.В. К вопросу о квалификации преступлений в сфере электронных платежей // Банковское право. 2009. №1. С. 35-40.

имущества может и не знать о передаче его имущества, т.е. отсутствует обязательный признак – добровольность[1]. Однако далее автор приходит к противоречивому выводу и предлагает, оставив термин «мошенничество», включить незаконные посягательства на чужое имущество, посредством использования компьютерных систем, в главу 28 УК РФ, указывая, что предметом компьютерного мошенничества является компьютерная информация[2].

Конвенция о киберпреступности 2001 г. определяет мошенничество с использованием компьютеров как лишение другого лица его собственности путем ввода, изменения, стирания или сокрытия компьютерных данных или вмешательства в функционирование компьютера или системы с целью неправомерного получения экономической выгоды для себя или для иного лица (ст.8). Несмотря на то, что данная Конвенция Россией не признается, полный текст статьи приведен в целях подтверждения тезиса о том, что предметом преступления является **имущество (либо право на имущество)**, а не компьютерная информация.

Определенное сходство с нормами, предусмотренными гл. 28 УК РФ ст.159.6 УК РФ имеет. Однако законодатель, полагаем не случайно, разместил рассматриваемую норму именно в главе 21 УК РФ, таким образом, признав, что основным объектом охраны является право собственности.

Следуя классическому пониманию мошенничества как хищения совершаемого путем обмана или злоупотребления доверием, следует поддержать практически единодушную позицию, сложившуюся в уголовно-правовой доктрине, что такой способ совершения преступления возможен только в случае если потерпевшим является человек. Однако анализ диспозиции ст. 159.6 УК РФ указывает на то, что способ совершения данного преступления заключается в вводе, удалении, блокировании, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование

[1] Лопатина Т.М. Проблемы уголовно-правовой защиты сферы компьютерной информации: современный взгляд на мошенничество // Право и безопасность. 2013. № 3-4 (45). С. 89-95.
[2] Там же. С. 91.

средств хранения, обработки, передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Законодатель фактически называет иной способ совершения мошенничества, поэтому, полагаем не случайно, воздерживается от указания в диспозиции ст. 159.6 УК РФ на обман и злоупотребление доверием, как это имеет место в некоторых специальных составах мошенничества.

Отдельные ученые полагают, что название статьи «Компьютерное мошенничество» никак не препятствует ее применению. Важно то, что в результате манипуляций с информационной компьютерной сферой происходит переход имущества или права на имущество от законного владельца[1], поэтому все хищения в сети Интернет, совершаемые со всеми видами вмешательства в функционирование средств хранения, обработки и передачи компьютерной информации, в том числе и случаи неправомерного доступа и использования систем дистанционного банковского обслуживания, электронных кошельков и реквизитов платежных карт необходимо квалифицировать по ст. 159.6 УК РФ[2].

В целом если «не обращать внимание» на термин «мошенничество», то никаких особых противоречий нет. Такой способ хищения вполне возможен и ни в коей мере не противоречит устоявшейся терминологии уголовного права. Поэтому вполне очевидно, что большинство ученых предлагает именовать такого рода преступления не как мошенничество, а как особую форму хищения[3]. Еще за долго до внесения изменений в уголовный закон, разделивший мошенничество на 6 самостоятельных составов, Т.Л. Тропинина предлагала ввести ст. 159.1 УК РФ в следующей редакции: «Хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, совершенное путем ввода, изменения, удаления или блокирования компьютерных данных либо

[1] Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. №8. С.35-40.

[2] Хисамова З.И. Об особенностях квалификации преступлений, совершаемых в сфере использования информационно-коммуникационных технологий // Общество и право. 2016. №1(55). С.118.

[3] См., например: Шебанов Д.В., Терещенко Л.С. О некоторых проблемах квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 240-242.

другого вмешательства в функционирование компьютера или компьютерной системы»[1].

Действительно, манипуляции с компьютерной информацией, целью которых является корыстное противоправное безвозмездное изъятие чужого имущества в свою пользу или пользу третьих лиц, возможно практически любыми способами, например, путем присвоения, растраты, тайного хищения, т.е. кражи и т.д. Поэтому термин «мошенничество» был избран законодателем крайне неудачно.

Добавим, что в случаях, когда с использованием компьютерных технологий совершается тайное хищение имущества, на практике имеет место квалификация и по ст. 158 УК РФ и по ст. 159.6 УК РФ при сходных обстоятельствах. Подобную противоречивую квалификацию можно встретить в случаях, когда правоохранительные органы исходят из того, что не все устройства именуются компьютерами.

Так, Г. и З. заключили договор на подключение телефона сотовой связи и получили от оператора сотовой связи сим-карту. Обнаружив, что прежний владелец указанной сим-карты не отказался от предоставления услуги «Мобильный банк», подключенной к его банковской карте, Г. осуществил перевод денежных средств в безналичной форме со счета банковской карты на лицевой счет абонента З. В последующем З. обратился к оператору сотовой связи с заявлением о расторжении договора на оказание услуг связи и возврате оставшейся на лицевом счету его абонентского номера денежной суммы[2].

Действия Г. и З. были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, т.к. органы предварительного следствия и суд посчитали, что средства связи, а именно мобильный телефон, не являются средствами хранения, обработки и передачи компьютерной информации, а сеть оператора сотовой связи не относится к информационно-телекоммуникационной сети.

---

[1] Тропинина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: автореф. дис. …канд. юрид. наук Владивосток, 2005. С.13.

[2] Уголовное дело № 1-674/2013 // Архив Ленинского районного суда г. Кирова за 2013 г.

Учитывая позицию Верховного Суда РФ, действия Г. и З. квалифицированы верно, но не по тем основаниям, что мобильный телефон не является средством хранения, а в силу того, что учетные данные собственника не были изменены[1].

Аналогичный подход имеет место в другом уголовном деле. С. получил сообщение на номер мобильного телефона, зарегистрированный на его имя, об остатке денежной суммы на банковской карте, находящейся в пользовании неизвестного ему лица. С использованием сайта компании сотовой телефонной связи в сети Интернет он перечислил сумму остатка денежных средств на счет принадлежащей ему сим-карты, которую использовал в личных целях. Приговором Свердловского районного суда г. Белгорода от 13 июня 2013 г. С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 158 УК РФ.

В ходе предварительного следствия действия С. были квалифицированы по совокупности ч. 1 ст. 158 и ч. 2 ст. 272 УК РФ. Суд исключил из обвинения ч. 2 ст. 272 УК РФ, указав, что при предъявлении обвинения и в обвинительном заключении отсутствуют какие-либо признаки неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации и последствия в виде блокирования, модификации и копирования компьютерной информации, то есть предъявленное в этой части С. обвинение не содержит признаков какого-либо самостоятельного состава преступления в сфере компьютерной информации, а действия подсудимого являются лишь способом совершения тайного хищения чужих денежных средств»[2].

Такой подход принял за основу и Верховный Суд РФ. В своем Постановлении № 48 он указал, что деяния по ст. 159.6 УК РФ должны быть квалифицированы тогда, когда происходит «…целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы,

[1] П.21, 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.
[2] Уголовное дело № 1-64/2013 // Архив Свердловского районного суда г. Белгорода. [электронный ресурс] // URL: https://sverdlovsky--blg.sudrf.ru

компьютеры … или на информационно-телекоммуникационные сети», нарушающие процесс обработки, хранения и передачи компьютерной информации. Если такое воздействие не оказывается, а виновный использует учетные данные потерпевшего, содеянное следует квалифицировать как кражу. При этом суд пояснил, что изменение данных о состоянии банковского счета или движении денежных средств не является таким воздейсвием[1].

Иную квалификацию подобного деяния можно встретить в приговоре Грачевского районного суда (Ставропольский край) от 13 июня 2013 г., где Н. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159.6 УК РФ при аналогичных обстоятельствах[2].

Противоречивый подход имеет место и в научной литературе. Так, С. Смолин пишет, что «… широкое распространение технических устройств, обладающих процессорами и собственным программным обеспечением и интегрированным в локальные или глобальные информационные сети (сотовые телефоны, смартфоны, платежные терминалы, контрольно-кассовые машины), порождает проблемы отнесения указанных устройств к «средствам хранения, обработки и передачи компьютерной информации» и, соответственно, квалификации преступных действий, совершенных с их использованием[3]. Как видим в научных публикациях также имеет место отождествление компьютеров и иных технических средств. Так, смартфо́н (англ. smartphone — умный телефон) — мобильный телефон, дополненный функциональностью карманного персонального компьютера, платёжный терминал (self-service terminals, SSTs) — аппаратно-программный комплекс, контроль за работой которого можно производить через Интернет. В то время как контрольно-кассовая машина свойством компьютера не обладает. Ее

[1] См. п. 20, 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

[2]Приговор Грачевского районного суда (Ставропольский край). Дело № 2/35/2013 [электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru/regular/docs№ippet. Аналогичное решение: Приговор Ленинского районного суда г. Курска. Дело № 1-379/2016 // URL: https://le№sud--krs.sudrf.ru

[3] Смолин С. Уголовно-правовая борьба с высокотехнологичными способами и средствами совершения преступлений / Документ предоставлен КонсультантПлюс.

предназначение состоит лишь в регистрации приобретения товара и печати кассового чека.

Данное обстоятельство очевидно должно привести нас к необходимости определения что есть компьютер. Верховный Суд РФ отнес к ним «…средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) – ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением …»[1].

Возвращаясь к вопросу о том, что термин «мошенничество» законодателем избран неудачно, следует отметить и еще одно обстоятельство. Материальный ущерб с использованием компьютерных технологий может быть причинен не только путем хищения. Д.В. Шебанов, Л.С. Терещенко, например, задаются вопросом, как быть, если с помощью и в сфере компьютерной информации с целью получения имущественной выгоды, происходит банальный шантаж. Авторы справедливо полагают, что такие действия можно бы было квалифицировать по ч. 2 ст. 272 УК РФ, если бы не то обстоятельство, что объектом посягательства является собственность, а не компьютерная информация[2]. Выход они видят в переосмыслении понятия «вымогательство», предлагая отнести его к одной из форм хищения, а приведенный ими пример о компьютерном шантаже подпадает под предложенную ими новую редакцию ст. 159.6 «Хищения в сфере компьютерной информации»[3]. Рассуждая далее, можно предположить, что посредством компьютерных данных, возможно уничтожение или повреждение имущества, т.е. ситуации, где либо корыстная цель отсутствует, либо не происходит перехода имущества от собственника либо иного владельца к преступнику. Иными словами, когда отсутствуют один или несколько признаков хищения. Поэтому можно бы было говорить не о хищении в сфере компьютерных технологий, а о причинении имущественного вреда с

[1] П.20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.
[2] Шебанов Д.В., Терещенко Л.С. О некоторых проблемах квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 240-242.
[3] Там же. С. 242.

использованием компьютерных технологий. Подобный подход наблюдается в международно-правовых актах, где как мы указали выше, под мошенничеством с использованием компьютеров понимается любой способ лишения другого лица его собственности путем различного рода манипуляций с компьютерными данными[1]. Однако подобное решение проблемы может привести к размытости нормы и неконкретности формулирования ее признаков, и в конечном итоге к созданию очередной «резиновой» нормы. На наш взгляд, заслуживает поддержки мнение ученых, предлагающих сформулировать ст. 159.6 УК РФ как *хищение имущества в сфере компьютерных технологий*.

Что касается характеристики субъективных признаков анализируемого состава преступления, то ни в теории, ни в практике каких-либо существенных сложностей не возникает. Субъект данного преступления – общий (в ч. 3 ст. 159.6 УК РФ – специальный). Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, т.е. виновный осознает, что завладевает чужим имуществом или правом на чужое имущество вводя, удаляя, блокируя или модифицируя компьютерную информацию в корыстных целях. Важно, что умысел должен возникнуть до начала действий, в противном случае о хищении говорить не придется.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48 от 30.11 2017 лишь отчасти решены проблемы конкуренции рассматриваемой нормы со смежными составами. Поэтому целесообразно более детально рассмотреть данный вопрос.

Доктриной уголовного права давно выработан подход, согласно которому при конкуренции общей и специальной нормы, квалификация должна осуществляться по специальной, поэтому сложностей с разграничением ст. 159 УК РФ и ст. 159.6 УК РФ не возникает, а в соответствии с ч.3 ст. 17 УК РФ совокупность преступлений в этом случае отсутствует. При всей простоте

[1] Ст.8 Европейской Конвенции по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве). Будапешт, 23 ноября 2001 года.

вывода возникает вопрос: почему Верховный Суд РФ указал, что если хищение имущества осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в интернете, например, посредством поддельных сайтов, интернет-магазинов, электронной почты, содеянное нельзя квалифицировать по ст. 159.6 УК РФ. Такого рода деяния высшая судебная инстанция относит к «простому» мошенничеству?[1]. Очевидно, Пленум исходил из понимания того, что существующая информация (например, реально существующий сайт интернет-магазина) не удаляется, не модифицируется, а создается новая. Однако, в доктрине под модификацией понимается в том числе и введение в компьютерную систему заведомо ложно информации[2].

Отсутствует совокупность преступлений и в случаях, когда статья Особенной части УК РФ предусматривает другое преступление в качестве обстоятельства, влекущего более строго наказание (ч.1 ст. 17 УК РФ). Приведенная ниже сравнительная таблица санкций ст. 159.6 и ст. 272 УК РФ свидетельствует, что данное правило может применяться в случаях совершения компьютерного мошенничества организованной группой, а также при совершении компьютерного мошенничества, причинившего крупный ущерб либо лицом с использованием своего служебного положения. В остальных случаях очевидно требуется дополнительная квалификация по ст. 272 УК РФ.

Квалифицирующий признак	Санкция ст.272 УК РФ	Санкция ст.159.6 УК РФ
«простой» состав	**до двух лет лишения свободы**[3]	наказание в виде лишения свободы не предусмотрено
значительный ущерб	данный квалифицирующий признак отсутствует	до пяти лет лишения свободы
крупный ущерб	до четырех лет лишения свободы (размер ущерба до 1 млн	**до шести лет лишения свободы** (размер ущерба от

[1] П. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.

[2] См., например: Хилюта В.В. Уголовная ответственность за хищения с использованием компьютерной техники // Журнал российского права. 2014. N 3; СПС «КонсультантПлюс».

[3] Для наглядности информации мы намеренно не указываем другие виды наказаний в санкциях рассматриваемых статей УК РФ.

	руб.)	5тыс. до 1 млн руб.)
группа лиц по предварительному сговору	до пяти лет лишения свободы	до пяти лет лишения свободы
организованная группа	до пяти лет лишения свободы	**до десяти лет лишения свободы**
совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения	до пяти лет лишения свободы	**до шести лет лишения свободы**
тяжкие последствия или угроза их наступления	до семи лет лишения свободы	признак не предусмотрен
особо крупный размер	признак не предусмотрен	до десяти лет лишения свободы

Есть мнение, что ст. 159.6 УК РФ является специальной по отношению к ст. 272, 273 УК РФ, в силу того, что неправомерный доступ к компьютерной информации в корыстных целях представляет собой хищение, «…т.е. компьютерная информация выступает средством доступа к чужому имуществу, что охватывается объективной стороной ст. 159.6 УК РФ, ввиду чего в силу ч.3 ст. 17 УК РФ дополнительной квалификации по ст. 272, 273 УК РФ преступных посягательств в IT-сфере не требуется»[1].

Способы совершения мошенничества с использованием компьютерных технологий не в полном объеме совпадают со способами, указанными в диспозиции ст. 272 УК РФ. В ст. 159.6 УК РФ законодатель дает расширенное толкование посредством речевого оборота «иное вмешательство», поэтому способов совершения компьютерного мошенничества больше. Кроме того, при совершении мошенничества в сфере компьютерной информации возможность доступа к этой информации (законный или незаконный) законодателем не учитывается, тогда как в ст. 272 УК РФ доступ может быть только незаконным. Именно данное обстоятельство и следует основывать при разрешении вопроса о совокупности ст. 159.6 УК РФ и ст. 272 УК РФ. Аналогичный подход отражен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 48: «Мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное

[1] Хисамова З.И. Об особенностях квалификации преступлений, совершаемых в сфере использования информационно-коммуникационных технологий // Общество и право. 2016. №1(55). С.118.

посредством **неправомерного** (выделено автором) доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по ст. 272, 273 или 274.1 УК РФ»[1].

Несколько иначе следует оценивать действия виновных, если для получения денежных средств со счетов клиентов, незаконно используются считывающие устройства, например, накладки на банкоматы для осуществления «скиминга». Верховный Суд РФ указал, что в случае если информация не видоизменяется, а всего лишь используется без участия владельца, такое деяние квалифицируется как кража[2]. Добавим сюда: с дополнительной квалификацией по ст. 187 УК РФ.

В практике имеют место ситуации, когда правоприменитель «не обнаруживает» признаков преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ и инкриминирует лишь ст. 187 УК РФ, либо наоборот[3]. При квалификации деяний правоприменитель должен исходить из того на каких основаниях, т.е. законных или незаконных, виновное в хищении лицо получило доступ к компьютерной информации. В случае законного доступа к такой информации дополнительной квалификации по ст. 187, 272, 273 УК РФ не требуется.

Так, Б., являясь ведущим специалистом Отдела развития Управления процессинга и технологий, …, имел доступ к компьютерным системам указанного банка. Используя рабочий компьютер, он ввел свой логин и пароль, позволяющие ему, войти в систему «Online» (компьютерную программу, позволяющую изменять данные и значения расчётных счетов). Далее он произвел изменение по своему расчётному счёту, увеличив значение «ОТВ» (open to buy - значение доступного остатка на счёте) с «0» на

[1] П.20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.
[2] П.21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс.
[3] См, например: приговор Заводского районного суда г. Орла. Дело №1-114/2013 [электронный ресурс] http://судебныерешения.рф/bsr/case; приговор Индустриального районного суда г. Ижевска. Дело № 1-311/2016; приговор Черемушкинского районного суда г. Москвы. 5 марта 2015 г. http://судебныерешения.рф/bsr/case/7203770; апелляционное определение Верховного Суда Чувашской Республики. Дело № 22-1380/2016 http://судебныерешения.рф/bsr/case

«6379363», таким образом, произведя модификацию компьютерной информации. Доступный остаток на принадлежащем ему счёте с 0 превратился в 6 379 363 рубля. … После осуществил внешний банковский перевод с принадлежащего ему расчётного счета на подконтрольный ему расчётный счёт, открытый в другом банке. Б. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159.6 УК РФ[1].

Подобные деяния теперь должны оцениваться как кража! Верховный Суд РФ посчитал, что изменение данных о состоянии банковского счета и движении денежных средств не относятся к одному из способов незаконного воздействия на компьютерную информацию, а, следовательно, не могут быть квалифицированы как мошенничество в сфере компьютерной информации[2]. Однако диспозиция ст. 159.6 УК РФ содержит такой способ совершения преступления как «ввод», под которым следует понимать процесс набора любых данных: «…введение, электронная обработка сведений и получение любого результата этой обработки…либо как набор исходных данных и соответствующий результат - появление новых сведений (данных) об объекте»[3].

Подводя итог сказанному, следует поддержать позицию тех ученых, которые указывают на неудачность формулировки ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» и предлагают именовать все преступные посягательства на денежные средства, имущество и (или) право на имущество как «Хищение в сфере компьютерной информации».

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по применению нормы, предусмотренной ст. 159.6 УК РФ довольно туманны, а в отдельных случаях противоречивы. Так, не ясно по какой причине Верховный Суд РФ

---

[1] Архив Хорошевского районного суда г. Москвы. Дело № 1-585/14[электронный ресурс] / http://судебныерешения.рф/bsr/case/7050496.

[2] См.: п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС КосультантПлюс

[3] Третьяк М.И. Модификация компьютерной информации и ее соотношение с другими способами компьютерного мошенничества [электронный ресурс] // URL: http://отрасли-права.рф/article/20354

распространение ложных сведений в интернете, например, создание поддельных сайтов, интернет-магазинов, использование электронной почты относит к сфере действия ст. 159, а не ст. 159.6 УК РФ. Очевидно, что в таких случаях происходит модификация существующей информации и ввод новой, (что является одним из способов совершения преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ), создающее ложное представление человека об истинности происходящего. Если виновное лицо воспользовалось мобильным телефоном потерпевшего, подключенного к услуге «мобильный банк», содеянное, по мнению высшей судебной инстанции, следует квалифицировать как кражу. Если услуга «мобильный банк» стала доступна виновному не в связи использования телефона владельца, а, например, ввиду смены мобильного номера, и по прошествии времени вполне законного перехода данного номера к иному лицу? Практика такого рода преступления расценивает как компьютерное мошенничество, а Верховный Суд РФ проигнорировал данный вопрос в новом постановлении о мошенничестве. Разграничение компьютерного мошенничества с кражей Верховный Суд РФ проводит лишь по факту отсутствия или наличия воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети.

Полагаем, с учетом сложившегося доктринального толкования форм хищения, судам следует дать разъяснения, что в случае если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей осуществляется с участием лица, воспринимающего искаженную информацию как истинную, например, «фишинг», смс-мошенничество, платный просмотр видео-рекламы и т.п., содеянное следует квалифицировать как мошенничество в сфере компьютерной информации. В случае осуществления хищения тем же

способом, но без непосредственного участия человека, например, посредством использования автоматизированных систем, содеянное следует квалифицировать как кражу.

Таким образом, в рамках данной главы было рассмотрено два специальных вида мошенничества – мошенничество с использованием платежных карт, мошенничество в сфере компьютерной информации, выделенных законодателем в связи с наличием в данных составах такого обязательного элемента – как средство совершения преступления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам.

1. Введение в уголовное законодательство в 2012 году специальных составов мошенничества продиктовано желанием законодателя определить более четкие рамки реализации норм, предусматривающих ответственность за мошенничество. Инициатива разделения мошенничества на виды принадлежит Президенту РФ В.В. Путину, которая впоследствии была поддержана Верховным Судом РФ. Такой подход не является новеллой отечественного уголовного законодательства, и характерен для большинства уголовных законодательств как англо-саксонской, так и романо-германской правовой семьи.

2. Законодатель попытался заложить в основу систематизации специальных видов мошенничества три классификационные группы: по сферам экономической деятельности, по способам совершения преступления, а также по особым предметам посягательства. Однако сформировать ни одну классификационную группу невозможно, поэтому данные нормы можно пытаться только систематизировать. С определенной долей условности все виды мошенничества предложено разделить на две группы: мошенничества, совершаемые в определенной сфере и мошенничества, совершаемые специфическими средствами. Данное деление с позиций классификационных групп можно бы было признать ущербным, ввиду пересечения отдельных видов мошенничества, однако именно такое деление мы положили в основу исследования, исходя из сугубо методологических соображений.

3. Специальные составы мошенничества должны иметь аналогичные санкции простому мошенничеству. Завышенные критерии крупного и особого крупного размера в специальных видах мошенничества на наш взгляд, противоречат принципу справедливости, в силу того, что идентичные действия преступников могут получить разную юридическую оценку с позиций размера санкций. В целях совершенствования законодательного

регулирования уголовной ответственности за отдельные виды мошенничества сделано ряд предложений.

4. Непосредственным объектом мошенничества является общественные отношения собственности независимо от ее формы.

Практически все специальные виды мошенничества являются двухобъектными преступлениями, где дополнительным непосредственным объектом выступает определенная сфера (предпринимательская, кредитная, социальная, страховая сфера, сфера компьютерной информации). Из специальных видов мошенничества дополнительный непосредственный объект отсутствует только в ст. 159.3 УК РФ, что ставит под сомнение необходимость существования нормы в качестве самостоятельного состава преступления.

Предмет мошенничества имеет два обязательных признака – экономический и юридический, где экономический свидетельствует, что имущество имеет потребительскую ценность, стоимость и опосредовано через человеческий труд, а юридический признак указывает на наличие законного владельца.

Имущество и право на имущество необходимо рассматривать как тождество, поэтому исключение из диспозиции ч.1 ст. 159 УК РФ данного уточнения могло бы завершить давнюю дискуссию о пределах понимания предмета преступления, предусмотренного всеми составами о мошенничестве и единообразному пониманию имущества как в гражданско-правовой, так и уголовно-правовой доктрине.

В силу того, что предметом мошенничества могут быть все объекты гражданских прав, изложенных в ст. 128 ГК РФ, кроме интеллектуальной собственности и нематериальных благ, предложено в примечании к ст. 158 УК РФ дать определение предмета хищения.

5. Мошенничество с точки зрения конструкции объективной стороны включает в себя следующие признаки, имеющие значение для квалификации: деяние в форме действия или бездействия; причинная связь; преступные

последствия; специфический способ совершения преступления – обман; в отдельных случаях (в некоторых составах специального мошенничества) – средство совершения преступления.

Ущерб, причиняемый при совершении любого вида мошенничества, носит прямой (действительный) материальный характер. Размер причиненного вреда, как с позиций социально-экономической обоснованности, так и с позиций соотношения с размером наказания нельзя признать удовлетворительным в полной мере. Заслуживает поддержки решение законодателя об увеличении криминообразующего размера причиненного ущерба при совершении мошенничества в 2,5 раза (от 2500 руб.) и в 2 раза квалифицирующего признака «с причинением значительного ущерба гражданину» (от 5000 руб.); сведены к единообразию санкции квалифицированных основного и специальных составов мошенничества.

В то же время нельзя поддержать законодателя, не предусмотревшего уголовную ответственность за причинение ущерба в размере до 10 тыс. руб. в случаях совершения мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, а также установившего иные, существенно завышенные, размеры для данного вида мошенничества. Кроме того, не поддается логическому объяснению отсутствие оценочного критерия «имущественное положение потерпевшего» при причинении ущерба в случае совершения мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, тогда как в других видах мошенничества для признания ущерба значительным, требуется установление не только формального, но и оценочного критерия.

В работе поддерживается позиция Верховного Суда РФ о необходимости установления единых критериев определения крупного и особо крупного размера для всех видов мошенничества и делается ряд предложений, направленных воплощение принципа справедливости в данном вопросе.

6. Учитывая, что единственно верным критерием определения возраста, с которого может наступать уголовная ответственность, является возможность осознания лицом общественной опасности совершаемого деяния

доказана целесообразность снижения возраста до 14 лет для преступлений, предусмотренных ч.1-4 ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ.

Признаки специального субъекта отражены в ч.3 ст. 159 УК РФ – лицо, использующее свое должностное положение, аналогичный признак зафиксирован во всех третьих частях специальных составов мошенничества. Кроме того, мошенничество в сфере предпринимательской деятельности и в сфере кредитования также может совершить только специальный субъект.

Субъективная сторона мошенничества характеризуется виной в форме прямого умысла и корыстной целью. Корыстная цель как криминообразующиц признак мошенничества в научной литературе обсуждается исключительно с позиций смешения понятий мотива и цели преступления. Учитывая, что мотив не является криминнобразующим признаком мошенничества, он может быть разнообразным. Корыстную цель можно определить как стремление виновного обогатить себя или третьих лиц, получив возможность распоряжаться похищенным имуществом по собственному усмотрению.

7. Изменения законодательства в части закрепления мошенничества в сфере предпринимательской деятельности в общей норме о мошенничестве сложно признать удачными. Наибольшую настороженность вызывает разделение способов уголовно-правовой охраны интересов физических лиц и юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В силу того, что потерпевшей стороной в мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности является сторона договора, следовательно, ими могут быть только индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, тогда как мошеннические действия хоть и осуществляемые в сфере предпринимательской деятельности, но совершенные в отношении гражданина должны оцениваться как «простое» мошенничество.

Критически следует оценивать отсутствие в уголовном законе квалифицирующих признаков, касающихся совершения преступления группой применительно к мошенничеству в сфере предпринимательской деятельности.

8. Совершение преступного деяния, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, возможно исключительно в области кредитных отношений. Преступление совершается путем предоставления заемщиком кредитору (банку) заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, в качестве которых может выступать любая информация, оговоренная условиями кредитования и официально переданная заемщиком (его представителями) кредитору (его специально уполномоченным представителям). Очевидно, что законодатель выводит за рамки состава преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ, те случаи, когда преступление совершается не заемщиком, а другими лицами (например, заведомо ложные сведения предоставляет поручитель либо работник кредитной организации). Подобные случаи будут квалифицироваться по ст. 159 УК РФ. Аналогичная квалификация должна иметь место при избрании виновным иного способа совершения мошенничества в сфере кредитования (например, заемщик предоставляет достоверные сведения, однако намерения исполнения кредитного обязательства у него отсутствуют). В работе дано определение кредитной сферы и предложено расширить рамки уголовно-правовой охраны посредством расширения сферы до заемно-кредитной в ст. 159.1 УК РФ.

9. Другим специальным видом мошенничества является мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ), к каковым относятся пособия, компенсации, субсидии и иные социальные выплаты, установленные законами и иными нормативными правовыми актами. Изучение действующего законодательства показывает, что определение понятия социальных выплат, а также их перечень в нем отсутствуют. Данный пробел в работе восполняется путем определения социальных выплат. Сделано предложение об уточнении редакции ст. 159.2 УК РФ, которая позволит расширить сферу действия нормы, направленную на охрану всех видов государственной поддержки от мошеннических посягательств.

10. Норма о мошенничестве в сфере страхования призвана охранять интересы не только страховых компаний, но и страховщиков и

выгодоприобретателей. Анализ нормативной базы, регулирующей отношения в сфере страхования, позволил прийти к выводу, что не подпадают под сферу действия ст. 159.5 УК РФ мошеннические действия, предметом преступления которых были страховые выплаты по обязательному медицинскому или обязательному социальному страхованию, т.к они подпадают под сферу действия ст. 159.2 УК РФ. Источник выплаты юридически нейтрален для необходимости разграничения ст. 159.2 и 159.5 УК РФ, имеет значение юридическое основание для назначения (получения) страховых выплат (гражданско-правовые либо публично-правовые отношения).

11. Мошенничество с использованием платежных карт противоречит традиционному пониманию мошенничества, т.е. имеет место серьезная технико-юридическая ошибка. Это единственный специальный вид мошенничества, который не предусматривает специфическую сферу совершения преступления, т.е. отсутствует дополнительный непосредственный объект, поэтому отсутствует уголовно-политическая адекватность данного уголовно-правового запрета. Кроме того, имеют место серьезные сложности в разграничении составов предусмотренных ст. 159.3 УК РФ и ст. 159.1, 159.6 УК РФ, т.к. платежные карты используются и в сфере кредитования и в сфере компьютерной информации, поэтому уголовно-правовой запрет необходимо применять в зависимости от сферы совершения преступного деяния, нежели в зависимости от средства (орудия) совершения преступления.

Посредством улучшения качества регулятивного законодательства, направленного на минимизацию рисков потери денежных средств потерпевшими в связи с незаконным использованием их карт (данных карт) возможно усиление качества защиты данных средств расчета, следовательно, возможно воздействие и не уголовно-правовыми средствами. Данные обстоятельства позволили сделать предложение о декриминализации данного состава.

12. В работе обосновывается неудачность формулировки ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» и предлагается именовать все преступные посягательства на денежные средства, имущество и (или) право на имущество как «Хищение в сфере компьютерной информации».

Действующая редакция статьи ст. 159.6 УК РФ нуждается в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Предлагается авторская редакция разъяснений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. Европейская Конвенция по киберпреступлениям (преступлениям в киберпространстве). Будапешт, 23 ноября 2001 года. (с изм. от 28.01.2003). Перевод на русский язык предоставлен Аппаратом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.
3. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) Конвенция ратифицирована Федеральным законом от 25.07.2006 № 125-ФЗ. // «Бюллетень международных договоров». № 9. 2009.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 19.12.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 05.02.2018) // Российская газета. № 256. 31.12.2001.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Парламентская газета. № 241-242, 22.12.2001.

9. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 01.05.2017) «О защите прав потребителей» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.

10. Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 (ред. от 30.12.2015) «О вынужденных переселенцах» // СЗ РФ. 1995. № 52. Ст. 5110.

11. Закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (ред. от 07.03.2018) «О занятости населения в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.

12. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 31.12.2017) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 14.01.1993. №2. Ст. 56.

13. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 01.07.2017, с изм. от 16.11.2017) «О статусе военнослужащих» // СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

14. Федеральный закон от 25 октября 2002 г. № 125-ФЗ 1 (ред. от 07.06.2017) «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4188.

15. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

16. Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // Российская газета. № 56. 21.03.2006.

17. Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 49. Ст. 6752.

18. Федеральный закон от 07.08.2000 № 122-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в

Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 14.08.2000, № 33, ст. 3348.

19. Федеральный закон от 02.07.2013 №142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. № 145. 05.07.2013.

20. Федеральный закон от 19.07.2007 № 196-ФЗ (ред. от 21.12.2013) «О ломбардах» // Собрание законодательства РФ. 30.07.2007. № 31. ст. 3992.

21. Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «О потребительском кредите (займе)» // Собрание законодательства РФ. 23.12.2013. № 51. Ст. 6673.

22. Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об основах обязательного социального страхования» // Собрание законодательства РФ. 19.07.1999. № 29. Ст. 3686.

23. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 31.12.2017, (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.01.2018) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. 13.08.2001, № 33 (часть I). Ст. 3431.

24. Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ (ред. от.29.07.2017) «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2010. № 27. Ст. 3435.

25. Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 07.03.2018, с изм. и доп., вступ. в силу 18.03.2018) «О ветеранах» // Собрание законодательства РФ. 16.01.1995. № 3. ст. 168.

26. Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О государственной социальной помощи» // Собрание законодательства РФ. 19.07.1999. ст. 3699. № 29. ст. 3699.

27. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 07.03.2018, с изм. и доп., вступ. в силу 18.03.2018) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 27.11.1995. № 48. ст. 4563.

28. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 31.12.2017) «О банках и банковской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 05.02.1996. № 6. Ст. 492.

29. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 06.12.2010. № 49. ст. 6422.

30. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Собрание законодательства РФ. 01.01.2007. № 1 (1 ч.). ст. 19.

31. Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства РФ. 04.07.2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.

32. Федеральный закон от 03.07.2016 № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 149. 08.07.2016.

33. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 04.07.2011. № 27. Ст. 3872.

34. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 25.11.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Парламентская газета. № 126-127. 03.08.2006.

35. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 07.03.2018) «О полиции» // Парламентская газета. № 7. 11-17.02.2011.

36. Постановление Правительства РФ от 17 ноября 2007 года № 781 «Об утверждении Положения об обеспечении безопасности персональных

данных при их обработке в информационных системах персональных данных» [электронный ресурс] // КонсультантПлюс. (утратило силу)

37. Постановление Правительства РФ от 14.12.2005 г. № 761 (ред. от 27.02.2017) «О предоставлении субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг» // СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 5547.

38. Постановление Правительства РФ от 04.06.2007 № 343 (ред. от 02.06.2016) «Об осуществлении ежемесячных компенсационных выплат неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за инвалидом I группы (за исключением инвалидов с детства I группы), а также за престарелым, нуждающимся по заключению лечебного учреждения в постоянном постороннем уходе либо достигшим возраста 80 лет» // Собрание законодательства РФ. 11.06.2007, № 24. ст. 2913.

39. Постановление Правительства РФ от 31.12.2008 г. № 1089 (ред. от 25.05.2016) «О дополнительных мероприятиях, направленных на снижение напряженности на рынке труда субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 2. Ст. 266.

40. Постановление Правительства от 27.01.2009 г. № 63 (ред. от 26.10.2017) «О предоставлении федеральным государственным служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения» // СЗ РФ. 2009. № 6. Ст. 739.

41. Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка управления, совершенных сторонами исполнительного производства (утв. ФССП России 15.04.2013 № 04-4) [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

42. Положение о порядке предоставления (размещения) кредитными организациями денежных средств и их возврата (погашения) (утв. Банком России 31.08.1998 № 54-П) (ред. от 27.07.2001) // Вестник Банка России. 1998. № 70 - 71. (документ утратил силу)

43. Положение об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием (утв. Банком России 24.12.2004 № 266-П) (ред. от 14.01.2015) // Вестник Банка России. № 17. 30.03.2005.

44. Положение Банка России от 21.09.2001 № 153-П «Об особенностях пруденциального регулирования деятельности небанковских кредитных организаций, осуществляющих депозитные и кредитные операции» (утв. Банком России 21.09.2001 № 153-П) в ред. от 16.12.2003 // Вестник Банка России. 27.09.2001. № 60.

45. Приказ Росстата от 01.10.2007 г. № 150 «О Методических указаниях по расчету основного вида деятельности хозяйствующих субъектов на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) для формирования сводной официальной статистической информации» (вместе с «Методическими указаниями по расчету основного вида экономической деятельности хозяйствующих субъектов на основе общероссийского классификатора видов экономической деятельности (Оквэд) для формирования сводной официальной статистической информации») [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.

46. Приказ Минздравсоцразвития России от 23.12.2009 № 1012н (ред. от 04.05.2016) «Об утверждении Порядка и условий назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей» // Российская газета. 27.01.2010. № 15.

47. Инструкция ЦБ РФ № 135-И от 02.04.2010 «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» [электронный ресурс] // URL: http://www.profba№ki№g.com/library/363.html

48. Федеральный стандарт аудиторской деятельности (ФСАД 5/2010) «Обязанности аудитора по рассмотрению недобросовестных действий в ходе аудита». (документ утратил силу)

49. Инструкция Банка России от 03.1.2012 г. № 139-И «Об обязательных нормативах банков» // Вестник Банка России. 2012. № 74.

50. Приказ Минобрнауки России от 13.06.2013 № 455 «Об утверждении Порядка и оснований предоставления академического отпуска обучающимся» // Российская газета. 03.07.2013. № 142.

Судебная практика

51. Определение Конституционного Суда РФ от 23.12.2014 № 2860-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шихова Дмитрия Павловича на нарушение его конституционных прав статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации» [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

52. Определение Конституционного Суда РФ от 23.12.2014 № 2860-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шихова Дмитрия Павловича на нарушение его конституционных прав статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации» [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

53. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2064-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Григоренко Евгения Анатольевича на нарушение его конституционных прав Федеральным законом от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

54. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 года № 1037-О-О и от 25 февраля 2010 года № 252-О-О [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

55. Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 29 января 2009 года № 61-О-О, от 16 апреля 2009 года № 422-О-О, от 29 мая 2012 года № 1049-О, от 17 июня 2013 года № 1021-О [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

56. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 2.

57. Судебная практика по уголовным делам Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Европейского суда по правам человека. М.: ИД «Городец», 2006. 742 с.

58. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.

59. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 03.12.2013) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

60. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

61. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. 30.10.2009. № 207.

62. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016.№ 2.

63. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах

пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

64. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. №2.

65. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. №2. (Документ утратил силу)

66. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

67. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 9.

68. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» (Документ утратил силу).

69. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ - 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (вступили в силу с 15 июля 2016 года) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 12.

70. Апелляционное определение Верховного Суда Чувашской Республики. Дело № 22-1380/2016 [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case

71. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 01.10.2013 № 48-О13-31 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

72. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 22.06.2005 № 35-О05-35 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

73. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 мая 2009 г. № 48-О09-29 // СПС «Гарант».

74. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. №7.

75. Обзор судебной практики по применению Федерального закона от 29.11.2012 г. № 207-ФЗ и Постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 02.07.2013 г. № 2559-6 ГД «Об объявлении амнистии» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.12.2013) [электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.

76. Определение ВАС РФ от 02.02.2010 № ВАС-16463/09 по делу № А57-2397/09-253 [электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.

77. Определение Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 21-УД14-3 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

78. Определение Верховного Суда РФ от 06.03.2008 по делу № 19-008-3МВ [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

79. Определение Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 52-Д13-12 [электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

80. Определение Верховного Суда РФ от 23.11.2012 № 88-КГ12-2. [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

81. Определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 24.12.2012 г. № 22-16448 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

82. Определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 06.08.2013 г. по делу № 10-5645/13 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

83. Определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 27.06.2013 г. по делу № 10-4612/2013 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

84. Определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 17.12.2012 г. по делу № 22-16028/12 [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

85. Постановление президиума Оренбургского областного суда от 2 сентября 2013 г. № 44у-400-2013.

86. Приговор Хорошевского районного суда г. Москвы. Дело № 1-585/14 [электронный ресурс] // URL: / http: //судебныерешения. рф/bsr/case/7050496.

87. Приговор Альменевского районного суда Курганской области. Дело № 2-29/2015. [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case

88. Приговор Ангарского городского суда. Дело № 1-466/2015 [электронный ресурс] // URL: http:// https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html

89. Приговор Асбестовского городского суда Свердловской области от 27.05.2016 [электронный ресурс] // URL: http:// https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html

90. Приговор Грачевского районного суда (Ставропольский край). Дело № 2/35/2013 [электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru/regular/docs№ippet.

91. Приговор Заводского районного суда г. Орла. Дело №1-114/2013 [электронный ресурс] http://судебныерешения.рф/bsr/case

92. Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы. Дело №1-265/2013 [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/7063335

93. Приговор Индустриального районного суда г. Ижевска. Дело № 1-311/2016

94. Приговор Когалымского городского суда. Дело № 1-70/2015 [Электронный ресурс] // URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.

95. Приговор Колпашевского городского суда Томской области. Дело № 1-143/14. [электронный ресурс] // URL: / http://судебныерешения.рф

96. Приговор Комсомольского районного суд г. Тольятти Самарской области от 31.01.2013. Дело №1-2/2013 (1-585/2012) // ГАС Правосудие: URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id

97. Приговор Копейского городского суда Челябинской области. Дело № 2-48/2015[электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case

98. Приговор Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга от 04.06.2013г. Дело № 1-24/2013 (1-736/2012;) [электронный ресурс] // ГАС Правосудие: URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id

99. Приговор Красночикойского районного суда (Забайкальский край) от 20.12. 2012. [электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru

100. Приговор Кумертауского городского суда республики Башкортостан. Уголовное дело № 1-48/2014. [электронный ресурс] // ГАС Правосудие. URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.

101. Приговор Ленинского районного суда г. Кирова. Дело № 1-674/2013 // [электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru/

102. Приговор Ленинского районного суда г. Курска. Дело № 1-379/2016 [электронный ресурс] // URL: https://le№sud--krs.sudrf.ru

103. Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска (Челябинская область) от 24.12.2012 г. [электронный ресурс]. // URL: http://sudact.ru

104. Приговор Межгорьевского городского суда республики Башкортастан от 25.12.2012. Дело № 10-9/2012 // URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id

105. Приговор Мензелинского районного суда республики Татарстан от 14.12.2012 [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id

106. Приговор мирового суда Судебного участка № 112 Центрального АО г. Омска. Дело № 1-148/2013[электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id=c

107. Приговор Новочебоксарского городского суда Чувашской республики. Дело № 1-1/20142015 [электронный ресурс] // URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.

108. Приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода [электронный ресурс] // URL: http://www.belproc.ru/№ews/1358/

109. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска (Челябинская область) от 10.12.2012 [электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru

110. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска (Челябинская область) от 16.01.2013 [электронный ресурс]. // URL: http:/sudact.ru

111. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области. Дело №1-266/07. [электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru/

112. Приговор Перовского районного суда г. Москвы. Дело 10-17/2013 [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/sudrf.html#id=

113. Приговор Центрального районного суда г. Челябинска. Дело 1-282/2013. [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/sudrf.html#id

114. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 29.07.2013 по делу № 1-964/2013. [электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru/regular/doc/vRR9FDrEhPmC/?

115. Уголовное дело № 1-134/20162012 [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/7913598

116. Уголовное дело № 22-1386/2013 [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/5231293

117. Обзор судебной практики Кемеровского областного суда от 23.06.2005 № 01-19/320 по делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 159, 160, 165, 242, 327 УК РФ. [электронный ресурс] // URL: http://www.garant.ru/products

118. Кассационное определение Московского городского суда от 12.03.2012 по делу № 22-1997/12 [Электронный ресурс]. // URL: http://sudact.ru

119. Приговор Кизеловского городского суда Пермского края от 03.10.2016. Дело № 1-98/2016 [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/7937972

120. Приговор Солнцевского районного суда г. Москвы. Дело № 1-346/08 [электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru/regular/doc/№goy8TaXT3Vh

121. Приговор Кировского районного суда г. Кемерово от 12.11.1015. Дело № 1-395/15 [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/sudrf

122. Приговор Свердловского районного суда г. Белгорода. Дело № 1-64/2013 // [электронный ресурс] // URL: https://sverdlovsky--blg.sudrf.ru

123. Приговор Московского районного суда г. Чебоксары. Дело № 1-67/2015. [электронный ресурс] // URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#https

124. Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 12.09.2012. Дело № 1-512/2012 [электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com/

125. Приговор Галичского районного суда Костромской области от 17.06.2013. Дело № 1-46-2013[электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com/

126. Постановление президиума Тульского областного суда от 12 ноября 2013 г. № 44у-709/13. [электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com/

127. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 24.12.2009. Дело № А27-6231/2009. [электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com/

128. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.01.2010. Дело № А27-11055/2009. [электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com/

129. Постановление ФАС Московского округа от 13.05.2010 № КГ-А40/2867-10 по делу № А40-66647/09-30-526. [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru

130. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 21.04.2011. Дело № А10-3193/2010. [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru

131. Приговор Ленинского районного суда г. Воронежа от 06.06.2011. Дело № 1-39/2011 [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru

132. Приговор Московского районного суда Чебоксары от 07.11.2011. Дело № 2-30/2011 [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru

133. Определение Верховного суда Республики Коми от 06.12.2011. Дело № 22-6074/2011 [электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс.

134. Приговор Ленинского районного суда г. Костромы от 13.12.2012. Дело № 1-169/2012 [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html

135. Приговор Советского районного суда г. Тамбова от 24.12.2012. Дело № 1-186/2012 [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id

136. Определение Красноярского областного суда от 09.01.2013. Дело 14-122/13 [электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com/court-sos№ovo

137. Кассационное определение № 22-487 от 17 января 2013 г. Приморского краевого суда (Приморский край) [электронный ресурс]. // URL: http://sudact.ru

138. Приговор Тверского районного суда г. Москвы от 01.02.2013. Дело № 12-177/1413 [электронный ресурс] // URL: http://tverskoy.msk.sudrf.ru.

139. Определение Верховного Суда Удмуртской Республики от 18.06.2013 по делу № 22-1390/2013 электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal

140. Приговор Центрального районного суда города Омска от 05.08.2013. Дело № 1-220/13 г. [электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru/regular/doc/wr5eaCVCegUQ/?page.

141. Определение Тамбовского областного суда от 17.09.13 № 22-1493/2013 [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html#id.

142. Приговор Ленинского районного суда г. Саранска от 25.02.2014. Дело. № 1-44/2014 [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html

143. Уголовное дело № 22-1222/2014 от 22.04.2014 [электронный ресурс] / URL:http:// судебныерешения.рф/adva№ced/search.

144. Уголовное дело № 22-1222/2014 от 22.04.2014[электронный ресурс] / URL:http:// судебныерешения.рф/adva№ced/search

145. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 04.03.2015. Дело № 1-39/2015 [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru

146. Приговор Черемушкинского районного суда г. Москвы от 05.03.2015 г. Дело 1-282/2015. [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/7203770

147. Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 10.01.2016. Дело № 02-14/16 [электронный ресурс] //URL: https://rospravosudie.com/court-sestroreckij-rajo№№yj-107306788/.

148. Приговор Ленинского районного суда г. Курска от 12.05.2016. Дело № 03-134/16 [электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com/court-zlatoustovskij-gorodskoj-sud-chelya-bi№skaya-oblast-s/act-107241102/..

149. Решение Вилючинского городского суда Камчатского края. Дело № 2-1100/2015 [электронный ресурс] // URL: http://sudact.ru/regular/doc/№goy8TaXT3Vh.

150. Приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы 1-2/2015 (1-366/2014) [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/search

151. Приговор Замоскворецкого районного суда города Москвы. Дело № 1-294 / 2013 [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/70527.

152. Приговор Кетовского районного суда Курганской области. Дело № 1-231/2014 [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case

153. Приговор Ленинского районного суда г. Омска. Уголовное дело № 1-535/2013 [электронный ресурс] // URL: / http://судебныерешения.рф

154. Постановление Президиума Курганского областного суда от 5 августа 2013 г. по делу № 44У-149/2013. [электронный ресурс] // URL: http://bsr.sudrf.ru

155. Апелляционное определение Московского областного суда от 7 августа 2014 г. по делу № 22-4522/2014 [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case

156. Приговор Абаканского городского суда Республика Хакасия от 08.08.2014. Уголовное дело № 1-623/2014 [электронный ресурс] // ГАС Правосудие: URL: http://bsr.sudrf.ru

157. Приговор Железнодорожного районного суда г. Хабаровска от 25 августа 2011 г. Дело: 1-47/2013 [электронный ресурс] //URL: http://судебныерешения.рф/bsr/case/7193877

158. Апелляционное постановление Московского городского суда от 02.09.2013 по делу № 10-7679/2013 [электронный ресурс] // URL: http://судебныерешения.рф

159. Приговор Балаковского районного суда Саратовской области от 12.09.2013.. Дело №12-12/2013 [электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com/court-primorskij-rajo№№yj-sud-g-№ovo-rossijska-kras№odarskij-kraj-s/act-455998971/.

160. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 27.02.2011 г. Мончегорск [электронный ресурс] // URL: https://ya№dex.ru/images/search?img

161. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 11.06.2011 г. Курск [электронный ресурс] // URL: https://ya№dex.ru/images/search?img_url=.

162. Приговор Ангарского городского суда Иркутской области от 15.06.2015. Дело № 1-193/2015 [электронный ресурс] // ГАС Правосудие: URL: http://bsr.sudrf.ru

163. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 27.08.2011 г. Пермь [электронный ресурс] // URL: https://ya№dex.ru/images/search?img

164. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.09.2013 по делу № 10-7921/13 [электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»

165. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 14.11.2011 г. Тула [электронный ресурс] // URL: https://ya№dex.ru/images/search?img

166. Приговор Октябрьского районного суда г. Новороссийска от 04.12.2014. Дело № 12-177/1413 [электронный ресурс] // URL: https://rospravosudie.com/court-primorskij-rajo№№yj-sud-g-№ovo-rossijska-kras№odarskij-kraj-s/act-455998971/.

167. Приговор Ангарского городского суда Иркутской области от 23.12.2015. Дело № 1-1120/2015 [Электронный ресурс] // URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.

Нормативные правовые акты зарубежных стран

168. Fraud Act 2006 // The №atio№al Archives URL: http://www.legislatio№.gov.uk/ukpga/2006/35/co№te№ts

169. Уголовный кодекс Австрии. Принят 29 января 1974 г.: Вступил в силу с 1 января 1975 г.: С изменениями и дополнениями на 1 мя 2003 г.: Перевод с немецкого / Пер.: Вихрова Л.С.; Предисл.: Фабрици Э.О.; Науч. ред. и вступ. ст.: Милюков С.В. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004. - 352 с.

170. Уголовный кодекс Голландии. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. - 510с.

171. Уголовный кодекс Испании / Под ред. и с предисл.: Кузнецова Н.Ф., Решетников Ф.М.; Пер.: Зырянова В.П., Шнайдер Л.Г. - М.: Зерцало, 1998. - 218 с.

172. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. В редакции от 13 ноября 1998 г. по состоянию на 15 мая 2003 г.: Перевод с немецкого / Пер.: Рачкова Н.С.; Предисл.: Йешек Г.-; Науч. ред. и вступ. ст.: Шестаков Д.А. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003. - 524 с.

173. Уголовный кодекс Финляндии. С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. - 350 с.

174. Уголовный кодекс Франции. Принят в 1992 г. Вступил в силу с 1 марта 1994 г. С изменениями и дополнениями на 1 января 2002 г.: Перевод с французского / Науч. ред.: Головко Л.В., Крылова Н.Е. (Пер., предисл.) - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. - 650 с.

175. Уголовный кодекс Швейцарии. Перевод с немецкого / Науч. ред.: Серебрянникова А.В. (Пер., предисл.) - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. - 350 с.

Монографическая и учебная литература

176. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. / Отв. ред.: Кудрявцев В.Н. - М.: Наука, 1987. - 208 с.

177. Багаутдинов Ф.Н., Хафизова Л.С. Финансовое мошенничество (уголовно-правовой и криминологический аспекты противодействия). - М.: Юрлитинформ, 2008. - 272 с.

178. Бойцов А.И. Преступления против собственности. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. - 755 с.

179. Бондарь А.В., Старков О.В., Упоров И.В. Мошенничество как вид преступного посягательства против собственности и особенности его проявления в сфере банковской деятельности / под общ. ред. О.В. Старкова; Сыктывк. Гос. ун-т. Суктывкар, 2003. – 140 с.

180. Бородин С.В. Преступления против жизни. - М.: Юристъ, 1999. - 356 с.

181. Векленко В.В. Квалификация хищений. - Омск: Изд-во Ом. акад. МВД России, 2001. - 256 с.

182. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики / Под ред.: Разгильдиев Б.Т. - Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. - 336 с.

183. Вишнякова Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности. - Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2008. - 248 с.

184. Владова О.Г. Комментарий к Федеральному закону от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс.

185. Волженкин Б.В. Мошенничество: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и процессе». СПб., 1998. – 36 с.

186. Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности. экономические преступления). С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2002. - 641 с.

187. Волженкин Б.В. Служебные преступления. М. Юристъ, 2000. – 368 с.

188. Ворошилин Е.В. Ответственность за мошенничество. Статья 147 УК РСФСР: Учебное пособие. - М.: РИО ВЮЗИ, 1980. - 70 с.

189. Выявление и раскрытие мошенничества. Учебное пособие / Голубовский В.Ю., Егоршин В.М., Никодимов И.Ю., Овчинников Г.А., и др.; Под общ. ред.: Сальников В.П. - С.-Пб.: Лань, 2000. - 64 с.

190. Гаухман Л.Д. Объект преступления. Лекция. М.: Академия МВД РФ, 1992. – 36 с.

191. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. - 3-е изд., испр. - М.: ЮрИнфоР, 2002. - 310 с.

192. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере экономики. - М.: ЮрИнфоР, 1996. - 290 с.

193. Глинка В.И., Ручкин О.Ю., Трунцевский Ю.В. Обязательное страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств: теоретические и практические аспекты. Научно-практическое пособие. М.: ИГ «Юрист», 2013. – 214 с.

194. Уголовное право. Часть общая. Часть особенная: Учебник / А. В. Арендаренко, Н. Н. Афанасьев, Н. И. Ветров и др.; Под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. 4-е изд., испр. и доп., учеб. - М. :Юриспруденция, 2007. - 710 с.

195. Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1970. - 132 с.

196. Дьяков С.В. Государственные преступления против основ конституционного строя и безопасности государства и государственная преступность. М.: Норма, 1998. - 320 с.

197. Ермакова О.В. Квалификация специальных видов мошенничества (ст. 159.1-159.6 УК РФ): учебное пособие. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. – 60с.

198. Ершов В.А., Толмачев И.А. Право социального обеспечения: Учебное пособие. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2009. - 312 с.

199. Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Субъективная сторона преступления. Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 214 с.

200. Иванов М.Г., Каныгин В.И. Преступления против собственности: научно-практический комментарий. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД, 2004. – 184 с.

201. Калашников С.В. Очерки теории социального государства. М.: Экономика, 2006. – 362 с.

202. Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. - С. 50-60

203. Колин К.К. Социальная информатика / Учебное пособие для вузов / К.Колин –М.: Академический Проект; М.: Фонд «Мир», 2003. - 432 с.

204. Колмогоров А.Н. Теория ниформации и теория алгоритмов. М.: Наука, 1987. – 304 с.

205. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (испр., доп., перераб.) / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.И. Чучаева). – «КОНТРАКТ», 2013. – 1032 с.

206. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Г.Н. Борзенков, А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. – 1064 с.

207. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.А. Чекалин; под ред. В.Т. Томина, В.С. Устинова, В.В. Сверчкова. - М.: Юрайт-Издат, 2002. – 1015 с.

208. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. «Юрайт», 2013. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс.

209. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. Т. 2. М.: Проспект, 2015. – 704 с.

210. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: В 2 т. / Под ред. О.Ф. Шишова. Т. 2. М: ООО «Изд-во Новая Волна», 1998. – 704 с.

211. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Постатейный / Отв. ред. В.М. Лебедев. 13-е издание, переработанное и дополненное. М.: Юрайт, 2013. – 1359 с.

212. Комментарий у Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общ. Ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М.: ИНФРА.М-НОРМА., 1997. – 1037 с.

213. Корогодин В.И., Корогодина В.Л. Информация как основа жизни. Дубна: Изд. Центр «Феникс», 2000. – 208с.

214. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. Учебно-практическое пособие, 2-е изд., доп. и перераб. 2-е изд., доп. и перераб. - М.: Проспект, 2000. - 288 с.

215. Кочои С.М. Преступления против собственности. М.: Проспект, 2001. – 104 с.

216. Кочои С.М. Преступления против собственности: учебное пособие для магистрантов. М.: Проспект, 2014. – 316 с.

217. Кочои С.М. Уголовное право: Общая и Особенная части. Краткий курс. М.: «КОНТРАКТ», «Волтерс Клувер», 2010. – 242 с.

218. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. М : Юрид. лит., 1971. - 360 с.

219. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юристъ, 2004. - 304 с.

220. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. - 244 с.

221. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М.: Госюриздат, 1963. - 324 с.

222. Кузнецов А.В. Ответственность за подлог документов по уголовному праву. М.: Госюриздат, 1959. - 112 с.

223. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М.: Госюриздат, 1958. - 219 с.

224. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. М.: «Городец», 2007. – 336 с.

225. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1 / Отв. ред.: Беляев Н.А., Шаргородский М.Д. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. - 648 с.

226. Курс уголовного права: Учение о преступлении. Общая часть: Учебник. Т. 1 / Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С., Крылова Н.Е., Кузнецова Н.Ф., и др.; Под ред.: Кузнецов Н.Ф., Тяжкова И.М. - М.: Зерцало, 1999. - 592 с.

227. Ларичев В.Д., Спирин Г.М. Коммерческое мошенничество в России. Способы совершения. Методы защиты. М.: Экзамен, 2001. - 256 с.

228. Лимонов В.Н. Мошенничество: уголовно-правовая и криминологическая характеристики. М.: Изд-во Акад. управления МВД России, 2000. - 89 с.

229. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. - 528 с.

230. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авт коммент. К уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М.: Волтерс Клувер, 2006. – 538 с.

231. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания. Саратов: Изд-во СГАП, 1997. - 256 с.

232. Мальцев В.В. Ответственность за преступления против собственности: Учеб. пособ. - Волгоград, 1999. - 80 с.

233. Маслова Т.А. Материнский капитал: как получить и распорядиться. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Библиотечка «Российской газеты», 2014. Вып. 7. - 160 с.

234. Михлин А.С. Последствия преступления. М.: Юридическая литература, 1969. – 104 с.

235. Наумов А.В. Российское уголовное право: Общая часть. Курс лекций: В 2-х томах. Т. 1. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрид. лит., 2004. - 496 с.

236. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: БЕК, 1996. - 560 с.

237. Орлов В.С. Субъект преступления. М.: Госюриздат, 1958. - 260 с.

238. Панов Н.И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков: Вища шк. Изд-во при Харьк. ун-те, 1982. - 161 с.

239. Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлениях и законах физики: пер. с англ. / Общ. ред. В.О. Малышенко. М.: Едиториал УРСС, 2005. - 400с.

240. Пионтковский А.А. Уголовное право РСФСР: Часть общая. М.; Гос. изд-во. - 235 с.

241. Познышев С.В. Очерк основных начал науки уголовного права. Т. 2. Особенная часть. М., 1923. – 296 с.

242. Полный курс уголовного права: Преступления в сфере экономики. В 5-ти томах. Т. 3 / Под ред.: Коробеев А.И. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2008. - 786 с.

243. Попов А.Н., Зимирева Л. А., Федышина П. В. Объективная сторона состава преступления: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. – 64 с.

244. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. П.В. Крашенинникова. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2012.

245. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / В.В. Андропов, К.П. Беляев, Б.М. Гонгало и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. – 1021 с.

246. Прозументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск: Изд-во Томского унта, 2012. - 341 с.

247. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. – 134 с.

248. Рашковская Ш.С. Субъект преступления. М.: Изд-во ВЮЗИ, 1960. – 134 с.

249. Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. А.И. Рарога. М., 2004.

250. Российское уголовное право: учеб.: в 2 т. Т.2. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. - 877 с.

251. Сердюк П.Л. Мошенничество в сфере банковского кредитования / Под ред.: Щерба С.П. - М.: Юрлитинформ, 2009. - 160 с.

252. Скляров С.В. Вина и мотивы преступного поведения. С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004. - 326 с.

253. Соктоев З.Б. Теоретико-методологические основы причинности в уголовном праве / Под ред.: Звечаровский И.Э. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. - 311 с.

254. Соловьев О.Г. Уголовно-правовые средства охраны бюджетных отношений: проблемы юридической техники. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-т, 2008. - 308 с.

255. Спасович В. Учебник уголовного права. Т. 1. С.-Пб.: Тип. И. Огризко, 1863. - 438 с.

256. Талан М.В. Преступления в сфере экономической деятельности: вопросы теории и законодательного регулирования. Казань: изд-во Казан. ун-та, 2001. – 555 с.

257. Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М.: Юркнига, 2003. - 480 с.

258. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. Ростов-н-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1977. – 216 с.

259. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. – 364 с.

260. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. И.Э. Звечаровского. М.: Юрист. 2006. – 461 с.

261. Уголовное право России. Особенная часть. Второй полутом: Учебник для вузов / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М.: ИКД Зерцало-М. 2005. – 548 с.

262. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. – 1184 с.

263. Уголовное право России: части Общая и Особенная: Учебник / Под ред. А.И. Рарога. 6-е изд. – М.: Велби, изд-во Проспект, 2014. – 48- с.

264. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т.Б. Басова, Е.В. Благов, П.В. Головненков и др.; под ред. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. – 704 с.

265. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Здравомыслов Б.В., Караулов В.Ф., Кладков А.В., Клепицкий И.А., и др.; Отв. ред.: Здравомыслов Б.В. - М.: Юристъ, 1996. - 559 с.

266. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало. 2002. - 660 с.

267. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М.: Норма-Инфра-М., 1998. – 516 с.

268. Уголовное право: Особенная часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М.: Проспект. 2008. - 752 с.

269. Уголовное право: часть Общая, часть Особенная / Под общ. ред.: Гаухман Л.Д., Колодкин Л.М., Максимов С.В. - М.: Юриспруденция, 1999. - 784 с.

270. Урда М.Н. Проблемы применения нормы, устанавливающей ответственность за незаконное предпринимательство/ Науч. ред. докт. юрид. наук, проф. Т.Г.Понятовская. – М.: Издательство «Юрлитинформ». 2011. – 176 с.

271. Устименко В.В. Специальный субъект преступления. Харьков: Вища шк., 1989. - 104 с.

272. Устинов В.С. Преступления против собственности (уголовно-правовые вопросы). Н. Новгород: Нижегородский юридический институт, 1998. – 166 с.

273. Фирсов Е.Л. Расследование изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов: Монография / Под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Комисарова. М.: Юрлитинформ, 2004. – 160 с.

274. Фойницкий И.Я. Курск уголовного права. Часть Особенная. Посягательства личные и имущественные. Пятое издание. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. – 442 с.

275. Чернавский Д.С. Синергетика и информация (динамическая теория информации) / М.: Едиториал УРСС., 2004. – 288 с.

276. Шнейдоров В.С. Занимательная информатика. СПб.: Политехника, 1994. – 304 с.

277. Якушин В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти: ТолПи, 1998. - 296 с.

278. Яни П.С. Методологические основы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности: Лекция. М.: Эксмо, 2006. – 160 с.

Научные статьи

279. Аксенова А.Э. Мошенничество в сфере страхования // Актуальные вопросы экономических наук. 2013. № 35. С. 99-101.

280. Александрова И.А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 54-62.

281. Архипов А.В. Квалификация хищений средств материнского (семейного) капитала, совершенных сотрудниками кредитных кооперативов, микрофинансовых и иных организаций // Судья. 2015. № 6. С. 60 - 64.

282. Архипов А.В. Корыстная цель как признак хищения // Уголовное право. 2016. № 1. С. 4 - 8.

283. Архипов А.В. Субъект мошенничества при получении выплат // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 162-165.

284. Арямов А. А. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. №2 (16). С.49-57.

285. Бавсун М.В., Вишнякова Н.В. Реализация принципа вины при квалификации мошенничества при получении выплат // Уголовное право. 2015. № 1. С. 11 - 15.

286. Бадюков В.Ф., Дендиберя М.Ю. Риски мошенничества в страховании и методы их оценки // Безопасность бизнеса. 2012. № 4. С. 35 - 38.

287. Баев О.Я., Мещеряков В.А. Проблемы уголовно-правовой квалификации преступлений в сфере компьютерной информации // Конфидент. 1998. №7. С.8-9.

288. Барышников Д.А., Шарипкулова А.Ф. Некоторые теоретические и практические проблемы уголовной ответственности за мошенничество с использованием платежных карт // Наука и современность. 2014. № 34. С. 193-195.

289. Басов А.А. Предмет хищения, совершаемого с использованием платежных карт // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. №7(33). Ч.2. С.16-18.

290. Басов И.А. О мошенничестве в сфере платежных карт // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2015. № 23. С. 99-103.

291. Белевская Ю.А. Информация как объект правового регулирования конституционных прав человека и гражданина // Юрист. 2006. № 6. С. 34-37.

292. Болдырев В. Мошенничество с целью получения социальных выплат: предмет преступления // Уголовное право. 2014. № 3. С. 4-12.

293. Болдырев В.А., Вишнякова Н.В., Кузнецов А.А. Предмет мошенничества при получении выплат (статья 159.2 Уголовного кодекса РФ) // Современное право. 2015. № 3. С. 112 – 118.

294. Болсуновская Л.М. Анализ способов совершения мошенничества в сфере компьютерной информации // Бизнес в законе. 2015. Выпуск №6. С.108-111.

295. Борзенков Г. Разграничение обмана и злоупотребления доверием // Уголовное право. 2008. №5. С. 4-7.

296. Борзенков Г.Н. Ответственность за мошенничество: вопросы квалификации // Законность. 2000. № 3. С. 29-32.

297. Борисова О.В. Уголовно-правовое обеспечение равенства форм собственности // Lex russica. 2015. № 1. С. 104 – 111.

298. Боровских Р.Н. К вопросу о повышении эффективности средств выявления, раскрытия и расследования преступлений в сфере страхового бизнеса // Вестник криминалистики. 2013. № 3 (47). С. 102-108.

299. Боровских Р.Н., Зыков Д.А. Мошенничество в сфере страхования: специфические черты конструкции уголовно-правовой нормы // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1 (38). С. 66-68.

300. Боровских Р.Н., Чумаков А.В. К вопросу о предмете преступлений, предусмотренных статьями 159.2 и 159.5 УК РФ, и их разграничении // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № S2 (2). С. 233-237.

301. Боровых Л.В., Корепанова Е.А. Направленность обмана в составе мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 1. С. 98-104.

302. Быкадорова Н.В. Мошенничество с использованием платежных карт // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 17. С. 202-207.

303. Векленко С.В., Петров С.А. Внушение при гипнозе как средство мошеннического обмана // Вестник Воронежского института МВД России. 2011. № 1. С. 10-13.

304. Векленко С.В., Петров С.А. Уголовно-правовые проблемы определения субъекта мошенничества // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 32-38.

305. Веремеенко М.В. Субъект мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Уголовная юстиция. 2014. № 1 (3). С. 5-9.

306. Виноградов А. Темная сторона автострахования. Журнал «Колеса» [электронный ресурс] // URL: http://www.i№savto.ru/№ews/strachova№ie/117.

307. Воронцова С.В. К вопросу о квалификации преступлений в сфере электронных платежей // Банковское право. 2009. №1. С. 35-40.

308. Ворошилин Е.В. К вопросу об особенностях законодательной конструкции объективной стороны мошенничества (ст. 159 УК РФ) // Право и практика. 2009. №6. С. 246-249.

309. Гаухман Л. Мошенничество: новеллы уголовного законодательства // Уголовное право. 2013. № 3. С. 25 - 27.

310. Гончаров Д.Ю., Гончарова С.Г. Квалификация мошенничества, совершенного с использованием служебного положения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 3 (26). С. 281-291.

311. Гошуляк Т.В. О некоторых проблемах защиты прав потребителей в свете Постановления Пленума Верховного Суда России от 28 июня 2012 года № 17 // Судья. 2014. № 1. С. 15 - 17.

312. Гребеньков А.А. Общие подходы к определению понятия «компьютерная информация» в уголовно-правовой теории // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 1-2. С. 135-138.

313. Гребеньков А.А. Отдельные последствия и причинная связь в составе неправомерного доступа к компьютерной информации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2013. № 1. С. 21-24.

314. Грибунов О.П., Трубкина О.В. К вопросу о личности преступника как элементе криминалистической характеристики мошенничества в сфере страхования, совершенного в отношении материальных интересов страховых компаний, в связи с внесением изменений в уголовное законодательство РФ // Российский следователь. 2015. № 8. С. 6 – 10.

315. Грошев А.В. Мнимое посредничество во взяточничестве: вопросы квалификации // Российский следователь. 2012. № 23. С. 36 – 38.

316. Гусева Т.С. Субсидии как вид социальных выплат в системе социального обеспечения России // Российская юстиция. 2010. № 6. С. 58 - 60.

317. Дворецкий М.Ю. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве: вопросы теории и правоприменительной практики // Вестник ТГУ. 2012. №10 (114) С. 340-346.

318. Демин С.Г. О необходимости уголовной ответственности юридических лиц в уголовном праве // Общество и право. 2014. №2 (48). С. 105-107.

319. Джинджолия Р.С. Об оценочных понятиях обмана и злоупотребления доверием в статьях Особенной части УК РФ // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 18 - 21.

320. Добровольский В.И. Мошенничество в сфере кредитования и смежные составы преступлений: вопросы применения и разграничения ст. ст. 159.1, 159.3 УК РФ и иных составов преступлений // СПС КонсультантПлюс. 2014.

321. Есаков Г. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ): проблемы применения нормы // Уголовное право. 2014. № 3. С. 40 – 44.

322. Ефимова Г.З., Кичерова М.Н. Анализ причин академического мошенничества и их классификация // Интернет-журнал Науковедение. 2012. № 4 (13). С. 116 - 120.

323. Ефремова М.А. Мошенничество с использованием электронной информации // Информационное право. 2013. № 4 (35). С. 19 – 21.

324. Жарикова А.П., Лупикова Е.В. Классификация мошенничества с финансовой (бухгалтерской) отчетностью // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 12-1. С. 276-280.

325. Журкина О.В. Актуальные вопросы квалификации мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 5 (37). С. 113-115.

326. Занин Т.В. Виды платежных карт // Альманах современной науки и образования. 2007. С. №7. Ч.1. С. 57-59.

327. Зыков Д.А. Компьютерные мошенничества с использованием сети Интернет // Проблемы обеспечения прав и интересов личности в России: материалы Всерос. конф., г. Владимир, 16 декабря 2004 г. Владимир: Изд-во Владимир. ун-та, 2005. С.83-86.

328. Ильин И.В. Понятие и признаки экономического мошенничества // Российский следователь. 2008. № 14. С. 17-19.

329. Исаев А. Фиктивные деньги как инструмент мошенничества // Законность. 2005. № 5. С. 25–27.

330. Калашников С.В. Новая книга о социальном законодательстве // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 169-171.

331. Капустина Е.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против собственности, совершаемых путем обмана и (или) злоупотребления доверием // Вестник ТГУ. 2010. Выпуск 11 (91). С. 283-290.

332. Карпов А.С. К вопросу о проблемах квалификации хищений, совершаемых с использованием систем дистанционного банковского обслуживания // Научный альманах. 2016. № 4-1 (18). С. 354-356.

333. Кауфман Ю.С. Законодательное регулирование мошенничества в сфере компьютерной информации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 3 (131). С. 213-216.

334. Кириллов М.А., Степанов М.В. Платежные карты как средства совершения мошенничества // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. №4 (28). С. 129-132.

335. Клепицкий И.А. Недвижимость как предмет хищения или вымогательства // Государство и право. 2000. № 12. С. 11 – 19.

336. Козерод Д.Н. Специфика обмана как способа мошеннического хищения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 60. С. 145-147.

337. Колин К. К. Информатика как фундаментальная наука // Методы и технологии информатизации управленческой деятельности: сб. ст. / Под общ. Ред. А.Н. Данчула. – М.: Изд-во РАГС, 2007. С.8-22.

338. Колин К. К. Природа информации и философские основы информатики // Открытое образование. 2005. № 2. С. 43–51.

339. Колоколов Н.А. Преступления против собственности: комментируем новеллы УК РФ // Мировой судья. 2013. № 1. С. 6−15.

340. Комаров А.А. Об уточнении понятия «компьютерное мошенничество» в сфере законодательных инициатив Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

341. Коняхин В.П. Уголовно-правовое значение способа совершения преступления // Уголовное право в борьбе с преступностью. - М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1981. С. 115-121.

342. Кочои С.М. Новые нормы о мошенничестве в УК: особенности и отличия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 104-110.

343. Кравцов И.А. Спорные вопросы предмета хищений чужого имущества, совершенных с использованием служебного положения // Вестник ВИ МВД России. 2010. №2. С. 86-90.

344. Кронин А.Г. Мошенничество: спорные вопросы квалификации неоконченного состава // Следователь. 2003. № 2. С. 33-36.

345. Кузнецов А.В. Совершенствование правового регулирования уголовной ответственности за отдельные виды мошенничества // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 3. С. 28-30.

346. Кузнецова А.Н. Уголовно-правовой анализ обмана и злоупотребления доверием при совершении мошенничества (ст. 159 УК РФ) // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 67-70.

347. Курбанова Д.Н. Проблема мошенничества в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств // Юридический вестник ДГУ. 2015. № 2. С. 116-119.

348. Ларина О.И. Правовое регулирование деятельности российских небанковских кредитных организаций: развитие, состояние и перспективы // Банковское право. 2014. № 4. С. 24 - 30.

349. Лимонов В. Понятие мошенничества // Законность. 1997. № 11. С. 40-42.

350. Лимонов В. Понятие мошенничества // Законность. 1997. № 11. С. 40-42.

351. Лопатина Т.М. Проблемы уголовно-правовой защиты сферы компьютерной информации: современный взгляд на мошенничество // Право и безопасность. 2013. № 3-4 (45). С. 89-95.

352. Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т.9. №3. С. 504-513.

353. Лопашенко Н.А. Уголовная политика России в отношении преступлений в сфере экономической деятельности (анализ на основе изменений уголовного законодательства) // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 4. С. 36-44.

354. Макаренко М.М. Мошенничество в страховой сфере: проблемы квалификации и расследования // Миграционное право. 2014. № 3. С. 24 - 27.

355. Мальцева Е.В., Мальцев В.В. Гражданский кодекс Российской Федерации и отношения собственности, охраняемые уголовным правом // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.С. Сенцов. Волгоград, 2001. С. 15-19.

356. Маслов В.А. К вопросу об объекте и предмете мошенничества в сфере страхования // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 136-140.

357. Матвеев Г.К. О гражданском противоправном действии // Советское государство и право. 1965. № 3. С. 73-79.

358. Махучиев Х.М. Мошенничество в сфере страхования в контексте реформирования уголовного законодательства Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 4. С. 130-133.

359. Нудель С.Л. К вопросу об уголовной ответственности за изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов // Банковское право. 2010. № 3. С. 34 – 38.

360. Нудель С.Л. Особенности квалификации мошенничества в сфере кредитования // Российский следователь. 2015. № 7. С. 42 - 46.

361. Петров С.А. Доверие как условие совершения мошенничества // Уголовное право. 2015. № 4. С. 52 – 56.

362. Подколзина И.М. Развитие рынка страховых продуктов в регионе // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2011. № 5. С. 52-54.

363. Полянский А.Ю. Уголовно-правовые аспекты мошенничества в сфере кредитования // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 1 (38). С. 220–223.

364. Прозументов Л., Архипов А. Предмет мошенничества при получении выплат // Уголовное право. 2014. № 1. С. 67 - 74.

365. Прозументов Л.М., Архипов А.В. Разграничение мошенничества при получении выплат с иными видами мошенничества // Уголовное право. 2015. № 3. С. 55 - 60.

366. Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Социально-правовые основания уголовной ответственности за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. №2. С. 277-289.

367. Пуляева Е.В. Социальные выплаты в образовательной сфере: анализ правового обеспечения // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 57 - 63.

368. Розенко С.В., Мурзина К.А. Особенности квалификации мошенничества по уголовному законодательству Российской Федерации //

Вестник Югорского государственного университета. 2017. № 1-2 (44). С. 113-116.

369. Розенцвайг А.И. Категории «обман» и «злоупотребление доверием» в главе 21 УК РФ: современные вопросы толкования и законодательной техники // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Юридические науки. 2010. №2. С. 142–144.

370. Сабитов Р.А. Понятие и признаки криминального обмана // Уголовное право. 2015. № 5. С. 86 – 89.

371. Савин С.В., Рузин С.Е. Проблемы применения специальных составов мошенничества при квалификации преступных деяний // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. №1 (38). С.195-198.

372. Сагандыков М.С., Шафиков А.М. Права граждан на социальную защиту и социальное обеспечение: конституционно-правовой аспект // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2014. № 2. С. 36 - 42.

373. Семенчук В.В., Швец А.В. Проблемы квалификации мошенничества в кредитной сфере в свете последних изменений в уголовном законодательстве // Юридический мир. 2013. № 6. С. 17 – 20.

374. Сидоренко Э.Л. Стратегии регулирования криптовалюты в российском законодательстве: прогнозы на будущее // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. №2 (71). С. 176-182.

375. Смолин С. Уголовно-правовая борьба с высокотехнологичными способами и средствами совершения преступлений / Документ предоставлен КонсультантПлюс.

376. Смолин С.В. Актуальные вопросы квалификации мошенничества в кредитной сфере // Уголовное право. 2014. № 6. С. 65 - 72.

377. Смолин С.В. Актуальные вопросы квалификации мошенничества в кредитной сфере // Уголовное право. 2014. № 6. С. 65 - 72.

378. Смолин С.В. Социальная обусловленность криминализации преступного использования лжи, обмана и злоупотребления доверием // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 1. С. 126-137.

379. Соловьев И.Н. Мошенничество в сфере налогообложения // Налоговый вестник. 2001. № 7. С. 131 – 136.

380. Старичков М.В. Возбуждение уголовных дел о мошенничестве с использованием платежных карт // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра Сборник научных трудов. Восточно-Сибирский институт МВД России. 2015. С. 195-199.

381. Старичков М.В. Понятие «компьютерная информация» в российском уголовном праве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2014. № 1 (68). С. 16-20.

382. Степанов М.В. Вопросы квалификации мошенничества при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 168-172.

383. Степанов М.В. Плюсы и минусы уголовно-правового механизма противодействия мошенничеству в сфере страхования (ст. 159 5 УК РФ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3 (31). С. 159-164.

384. Степанов-Егиянц В.Г. Современная уголовная политика в сфере борьбы с компьютерными преступлениями // Российский следователь. 2012. № 24. С. 43 – 46.

385. Степичев С. Вопросы уголовной ответственности за кражу // Социалистическая законность. 1963. № 9. С. 43-45.

386. Столярова А. Некоторые вопросы прав на захоронения: из практики применения законодательства о погребении и похоронном деле // Административное право. 2015. № 4. С. 81 - 86.

387. Стрельников В.В. Финансово-правовое регулирование страхования // Финансовое право. 2005. № 2. С. 103-112.

388. Суслина Е.В. К вопросу об объекте мошенничества и иных обманных имущественных посягательств // Российский юридический журнал. 2007. № 1. С. 149-151.

389. Сухаренко А. Экономическая преступность как угроза бизнесу // ЭЖ-Юрист. 2014. № 39. С. 259-262.

390. Тамазов И.А. Объект и предмет мошенничества // Современное право. 2010. № 12. С. 129-131.

391. Тарасенко О.А., Хоменко Е.Г. Небанковские кредитные организации: особенности создания и деятельности: монография. Москва: Проспект, 2013.

392. Теплова Д.О. Корыстные цель и мотив как признаки хищения // Российский следователь. 2013. № 13. С. 22 - 23.

393. Тимошин Н.В. Новые нормы о мошенничестве в УК РФ: рекомендации по применению // Уголовный процесс. 2013. № 1. С. 10-15.

394. Трунцевский Ю.В., Глинка В.И., Ручкин О.Ю. Проблема мошенничества в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств // Современный юрист. 2014. №4. С. 179-185.

395. Тураев М.А.В. Социально-экономическая обусловленность дифференциации уголовной ответственности за мошенничество в уголовном законодательстве России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. №3 (27). С. 296-300.

396. Тюнин В. Реструктуризация уголовного законодательства об ответственности за мошенничество // Уголовное право. 2013. № 2. С. 35-41.

397. Урда М.Н., Шевелева С.В. Проблемы применения ст. 159.1 УК РФ // Уголовное право. 2013. № 6. С. 70-73.

398. Фликер С. Возмещается ли только реальный ущерб или упущенная выгода? // Социалистическая законность. 1968. № 2. С. 42-46.

399. Хабриева Т.Я., Путило Н.В., Азарова Е.Г. Социальное государство: исследование на основе единства экономической и правовой теорий // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 153-157.

400. Хилюта В.В. Самовознаграждение посредника: от мнимого посредничества к злоупотреблению доверием // Уголовное право. 2016. № 6. С. 80 – 89.

401. Хилюта В.В. Хищение с использованием компьютерной техники или компьютерное мошенничество // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 5. С. 55-65.

402. Хисамова З.И. Об особенностях квалификации преступлений, совершаемых в сфере использования информационно-коммуникационных технологий // Общество и право. 2016. №1(55). С. 117-120.

403. Хутов Т. Проблема в формальном подходе // Новая адвокатская газета. 2016. 10 ноября.

404. Ценова Т.Л. Понятие, состав и виды коммерческого мошенничества // Российский судья. 2004. №4. С. 27-31.

405. Черных Е.Е. Особенности законодательного закрепления ответственности за новые виды мошенничества // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве Мат. межд. науч.-практ. конф.. / Под редакцией В. Ф. Лапшина. 2015. С. 367-372.

406. Чесноков М.В. Обман как способ совершения мошенничества в сфере кредитования // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 5. С. 76-78.

407. Что грозит за представление поддельного больничного? // «Электронный журнал «Азбука права». 2015. [электронный ресурс] // URL: http://azbuka.consultant.ru/cons_doc_PBI_217486/

408. Шаляпина М.Ю. Уголовно-правовой анализ мошенничества в сфере кредитования // Российский следователь. 2015. № 14. С. 42 - 46.

409. Шебанов Д.В., Терещенко Л.С. О некоторых проблемах квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 240-242.

410. Шебанов Д.В., Терещенко Л.С. О некоторых проблемах квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 240-242.

411. Шерстнева А.Н. Мошенничество в сфере кредитования // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. №15. С.233-237.

412. Шеслер А. Мошенничество: проблемы реализации законодательных новелл // Уголовное право. 2013. № 2. С. 70 - 71.

413. Шеслер А..В. Хищения: понятия и признаки // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. №4. С. 70-74.

414. Шхагапсоев З.Л. Проблемы квалификации преступлений против собственности, совершаемых путем обмана или злоупотребления доверием //Общество и право. 2009. № 3 (25). С. 97-102

415. Южин А.А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации мошенничества с использованием платежных карт // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 1. С. 141-145.

416. Якимович Е. Я. Способы мошенничества с использованием платежных банковских карт // Юридический консультант. 2005. № 10. С. 10-14.

417. Яни П. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 6. С. 47-52.

418. Яни П.С. Мошенничество: момент возникновения умысла // Законность. 2017. № 2. С. 32 – 37.

419. Яни П.С. Мошенничество: момент возникновения умысла // Законность. 2017. № 3. С. 35 – 39.

420. Яни П.С. Мошенничество: момент возникновения умысла // Законность. 2017. № 4. С. 29 – 33.

421. Яни П.С. Мошенничество: момент возникновения умысла // Законность. 2017. № 5. С. 32 - 36.

422. Яни П.С. Постановление Пленума Верховного Суда о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления // Законность. 2008. № 5. С.14-18.

423. Яни П.С. Постановление Пленума Верховного Суда о квалификации мошенничества, присвоения и растраты: объективная сторона преступления // Законность. 2008. № 6. С.42-44.

424. Яни П.С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 6. С. 19 - 23.

425. Яцеленко Б.В., Гуйва О.А. Обман как способ совершения преступлений в сфере экономической деятельности и уголовный закон // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 3. С. 30-40.

Диссертации и авторефераты диссертаций

426. Алиева Д. Н. Мошенничество: уголовно-правовой и криминологический анализ. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. – 26 с.

427. Безверхов А.Г. Имущественные преступления. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук - Ижевск, 2002. - 42 с.

428. Белов Е.В. Мошенничество с недвижимостью в жилищной сфере: способы совершения и проблемы квалификации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. – 26 с.

429. Беляк О.С. Ответственность за мошенничество по уголовному праву России. Дис. …канд. юрид. наук. Москва, 2006 – 153 с.

430. Бессчасный С.А. Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Дис. …канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. – 207 с.

431. Бондарь А.В. Мошенничество как вид преступного посягательства против собственности и особенности его проявления в сфере банковской деятельности (уголовно-правовой аспект). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2003. – 22 с.

432. Васюков С.В. Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. – 30 с.

433. Григорьева Л.В. Уголовная ответственность за мошенничество в условиях становления новых экономических отношений. Дис. …канд. юрид. наук. Саратов, 1996. - 197 с.

434. Дмитриев Д.Б. Мошенничество в сфере обязательного социального страхования. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. – 23 с.

435. Дроздова Е.А. Уголовно-правовая охрана кредитных отношений и предупреждение преступных посягательств на них. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2013. – 21 с.

436. Зимирева Л. А. Причинная связь в преступлениях против жизни. Дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. – 201 с.

437. Иванцов П.П. Проблема ответственности юридических лиц в российском уголовном праве. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб. 2001. – 23 с.

438. Иващенко С.Б. Уголовная ответственность за неправомерное завладение чужим имуществом. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. – 151 с.

439. Иконников Д.Н. Предупреждение хищений в банковской сфере. Дис. …канд. юрид. наук. Москва, 2012. – 187 с.

440. Красикова А.А. Приобретение права на чужое имущество и хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием. Автореф. канд. юрид. наук, Екатеринбург, 2013. – 26 с.

441. Краснопеев В.А. Объект преступления в российском уголовном праве (Теоретико-правовой анализ). Дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2001. – 182 с.

442. Красуцких Л.В. Карательная практика по уголовным делам о хищениях. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. – 18 с.

443. Кудашев Ш.А. Проблемы дифференциации уголовной ответственности за хищения чужого имущества (в законе и судебной практике). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. – 25 с.

444. Мадыгина О.А. Небанковская кредитная организация как юридическое лицо. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. – 24 с.

445. Маслов В.А. Уголовная ответственность за мошенничество в сфере страхования. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. – 188 с.

446. Неустроева А.В. Правовые и криминалистические проблемы установления субъективной стороны преступления. Автореф. дис ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. – 28 с.

447. Нечаев А.Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации. Дис. …канд. юрид. наук. Саратов, 2017. – 331 с.

448. Нудель С.Л. Уголовно-правовая охрана финансовых отношений. Дис. …докт. юрид. наук, М., 2015. – 429 с.

449. Окружко В.Ю. Современное мошенничество: криминологическая характеристика и предупреждение. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. – 27 с.

450. Осокин Р.Б. Уголовно-правовая характеристика способов совершения мошенничества. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. – 184 с.

451. Семенов С.А. Специальный субъект преступления в уголовном праве. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.- 209 с.

452. Степанов М.В. Уголовно-правовая политика противодействия преступлениям против собственности: теоретико-прикладной анализ. Дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород., 2005. – 277 с.

453. Степанов Ю.И. Уголовно-правовая характеристика обмана как признака преступлений в сфере экономики. Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. – 253 с.

454. Сунчалиева Л. Э. Мошенничество: уголовно-правовой и криминологический аспект. Дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. – 187 с.

455. Суслина Е.В. Ответственность за мошенничество по Уголовному кодексу Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. – 26 с.

456. Теплова Д.О. Криминологическая характеристика и предупреждение организованного мошенничества: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. – 27 с.

457. Тропина Т.Л. Киберпреступность: Понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. – 26 с.

458. Фролов М.В. Имущество как предмет хищения: единство и дифференциация гражданско-правового и уголовно-правового моментов понятия. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. - 29 с.

459. Хабаров А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1999. – 25 с.

460. Хмелёва М.Ю. Уголовная ответственность за мошенничество. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. – 18 с.

461. Шевелева С.В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве. Дис. …д-ра юрид. наук, Курск, 2015. – 403 с.

462. Шиловский С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и дифференцирующее средство. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Архангельск, 2014. – 27 с.

463. Шкеле М.В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2001. – 22 с.

464. Шульга А.В. Объект и предмет преступлений, посягающих на собственность, в условиях рыночных отношений и информационного общества: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Краснодар, 2009. – 63 с.

465. Южин А.А. Мошенничество и его виды в российском уголовном праве. Дис. …канд. юрид. наук. Москва, 2016. – 238 с.

Иные источники

466. Bitcoi№s calculator a№d curre№cy // http://bitkurs.ru/

467. https://legal.report/uploads/doc/busi№ess.pdf.

468. Выступление руководителя Экспертно-правового центра Уполномоченного при Президенте РФ по защите предпринимателей на заседании Пленума Верховного Суда РФ (3 ноября 2016 г.), посвященном рассмотрению проекта обсуждаемого Постановления: [электронный ресурс] // https://www.youtube.com/watch?v=AoAd49DE_TA.

469. Главной угрозой остается СР-фрод [электронный ресурс] // ПЛАС-журнал: http://www.plusworld.ru/jour№al/o№li-№e/art170778/.

470. Единый портал для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения [электронный ресурс] // http://regulatio№.gov.ru/

471. Есаков П., Чернышев А. Банковская отрасль на пороге выхода из СМС-тупика»? [электронный ресурс] // Computel. ПЛАС. – 2014. - №4 (203) /URL: http://computel.ru/uplo ad/Computel_№ewpix_caps2.pdf.

472. Заключение на проект федерального закона № 793245-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (второе чтение) от 2 ноября 2015 г. [электронный ресурс] // URL: http://asozd2.duma.gov.ru

473. Законопроект № 750443-6 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» от 23.03.2015 [электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы РФ.

474. Законопроект № 793245-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части приведения норм по мошенничеству в соответствие с постановлением Конституционного Суда Российской

Федерации) [электронный ресурс] // URL: http://asozd2.duma.gov.ru/mai№.№sf/(Spravka№ew)

475. Законопроект УК РФ 1994г. [электронный ресурс] // URL: http://asozd.duma.gov.ru

476. Информационное сообщение «Об использовании криптовалют» // Федеральная служба по финансовому мониторингу URL: http://www.fedsfm.ru/№ews/957

477. Кабалоев М.А. Что включают в себя понятия «недостоверные сведения» и «сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://прокуратурасамарскойобласти.рф

478. Канаева А.С. Дифференциация мошенничества: изменения в уголовном законодательстве в декабре 2012 года [электронный ресурс] // URL: http://www.yurliga-busi№ess.ru/we-are-righti№g/a№alitic/moshe№№ikidek2012

479. Математический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1988. – 847 с.

480. Мицкевич А.Ф., Суслопаров А.В. Понятие компьютерной информации по российскому и зарубежному уголовному праву [электронный ресурс] // URL: http://sbmb.№arod.ru/i№dex/0-8

481. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Оникс, 1972. – 736с.

482. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений. Под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: ООО «Изд-во Оникс»: ООО «Изд-во «Мир и Образование», 2011. – 1360 с.

483. Отзыв на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации»: Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 07 апреля 2011 года № 1/общ-1583[электронный ресурс] // КонсультантПлюс.

484. Отзыв на проект Федерального закона № 559740-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные

законодательные акты Российской Федерации»: заключение Комитета по информационной политике, информационным технологиям и связи от 05 июля 2011 года (к первому чтению) [электронный ресурс] // КонсультантПлюс.

485. Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» заместителя Председателя Верховного Суда РФ С.В. Рудакова от 14.05.15 [электронный ресурс] // URL: http://asozd2.duma.gov.ru/mai№.№sf/(Spravka№ew)

486. Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», вносимый в Государственную Думу депутатом Государственной Думы Р.М. Марданшиным Правительством РФ от 15.05.2015. [электронный ресурс] // URL: http://asozd2.duma.gov.ru/mai№.№sf/(Spravka№ew)

487. Официальный отзыв на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные акты Российской Федерации» [электронный ресурс] // URL: http://asozd.duma.gov.ru/mai№.№sf/(Spravka)?Ope№Age№t&R№=559740-5

488. Официальный отзыв на проект федерального закона Верховного Суда РФ О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ [электронный ресурс] // URL: http://asozd2.duma.gov.ru/arhiv/a_dz_6.№sf/ByID/942421615760C84A43257FC00033C0B3/$File/%D0%92%D0%A1.pdf?Ope№Eleme№t

489. Официальный сайт Межмуниципального Управления МВД России «Нижнетагильское» ГУ МВД России по Свердловской области. [электронный ресурс] // URL: http://uvd№t.ru/ i№dex.php?p=3426.

490. Официальный сайт УМВД по Владимирской области [электронный ресурс]/ URL: http://33.mvd.ru/№ews/ item/1086312.

491. Официальный сайт ЦБ России [электронный ресурс] / URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=p_sys/sheet013.htm

492. Паспорт проекта Федерального закона № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные

законодательные акты Российской Федерации» // Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности (М.) [электронный ресурс] // URL: http://www.asozd2.duma.gov.ru

493. Перечень поручений Президента РФ по итогам заседания Государственного совета по вопросам развития малого и среднего бизнеса, состоявшегося 7 апреля 2015 года [электронный ресурс] // URL: http://www.kremli№.ru/acts/assig№me№ts/orders/49354

494. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ» [электронный ресурс] // URL: http://asozd2.duma.gov.ru/mai№.№sf/%28Spravka№ew%29?Ope№Age№t&R№=1083199-6&02

495. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» [электронный ресурс] // URL: http://asozd2.duma.gov.ru/mai№.№sf/(Spravka№ew)

496. Райзберг Б.А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. / Б.А. Рейзберг— М.: ИНФРА-М, 2007. – 512 с.

497. Скобликов П.А. Новый закон об ответственности за кредитное мошенничество и первые гримасы правоприменительной практики [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zako№.ru/Discussio№s/

498. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / С.И. Ожегов; Под ред. Н. Ю. Шведовой. / М.: Рус. яз., 1981. – 816 с.

499. Стенограмма заседания Государственной Думы РФ от 23.11.2012 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности (М.). [электронный ресурс] // URL: http:// www.asozd2.duma.gov.ru

500. Рекомендации, принятые по результатам первых парламентских слушаний по НКО [Электронный ресурс] // URL: www.geocities.com/Pipeli№e/Reef/4305/PR-Duma2.htm

501. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. - М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4т.) - 88405 с.

502. Третьяк М.И. Модификация компьютерной информации и ее соотношение с другими способами компьютерного мошенничества [электронный ресурс] // URL: http://отрасли-права.рф/article/20354

503. Фриланд И.Я. Информация: обзор современных представлений о сущности и подходов к ее определению [электронный ресурс] // URL: http://www.ict.edu.ru/ft/005715/68361e2-st17.pdf